

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Ким Сергей Петрович

**ЯПОНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ
НА ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (1945-1956 гг.)**

Специальность
07.00.02. — Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук
доктор филологических
наук

К.Е. Черевко

Москва
2016

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Распределение военнопленных японцев в системе военного плена СССР.....	38
1.1. Завершение советско-японской войны, разоружение японских военнослужащих и проблема их юридического статуса	39
1.2. Структура органов военного плена и создание системы лагерей для японских военнопленных.....	62
1.3. Размещение японских военнопленных в лагерях НКВД СССР.....	73
Выводы.....	88
Глава 2. Японские военнопленные в экономике Советского Союза	91
2.1. Распределение военнопленных в экономической системе СССР и организация их труда	92
2.2. Производительность труда японских военнопленных	112
2.3. Продовольственное снабжение японских военнопленных	128
Выводы.....	149
Глава 3. Политическая и следственная работа среди военнопленных японцев	152
3.1. Политическая работа среди японских военнопленных	153
3.2. Следственная работа среди японских военнопленных	176
3.3. Подготовка и проведение Хабаровского судебного процесса.....	191
Выводы.....	211
Глава 4. Репатриация японских военнопленных	213
4.1. Организация репатриационного процесса японских военнопленных	213
4.2. Численность и состав репатриантов	219
4.3. Репатриация японских военнослужащих, оккупационные власти и японское общество	237
Выводы.....	271
Заключение.....	273
Список использованных источников и литературы	278

Введение

Актуальность темы исследования. События Второй мировой войны и ее последствия по сей день остаются предметом острейших дискуссий как среди профессиональных историков, так и в обществе. К числу спорных тем относятся пленение и перемещение на территорию СССР иностранных военнопленных — военнослужащих Германии и ее союзников. В их число входили японские солдаты и офицеры, сложившие оружие в августе 1945 г. и размещенные в лагерях НКВД СССР.

Исследование пребывания японских военнопленных на территории СССР, освобожденных и репатриированных в Японию к 1956 г., остается актуальным, т.к. до сих пор не решен ряд гуманитарных проблем, связанных с отсутствием точных данных о количестве военнопленных японцев, скончавшихся и пропавших без вести на территории СССР; о расположении мест их захоронений. Не решены также и политические проблемы, связанные с пребыванием японцев на территории Советского Союза. Воспоминания многих бывших японских военнопленных, написанные после их возвращения на родину, послужили основой для политических спекуляций, осложнивших российско-японские отношения.

Проблемы, связанные с размещением, деятельностью и использованием труда военнопленных японцев в лагерях НКВД недостаточно исследованы как в зарубежной, так и в отечественной историографии. Связано это было с недоступностью архивных документов, рассекреченных относительно недавно, — в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Однако в архивах остается еще множество материалов, недоступных исследователям из-за их засекреченности. Научное объективное исследование дискуссионных проблем, связанных с пребыванием военнопленных японцев на территории СССР в послевоенные годы, способствовало бы улучшению и современных российско-японских отношений.

Объектом диссертационного исследования являются японские

военнопленные, содержащиеся в лагерях НКВД (МВД) СССР.

Предметом диссертационного исследования является система содержания японских военнопленных в лагерях НКВД (МВД) СССР и их репатриация.

Цель диссертационного исследования состоит в том, чтобы с научных позиций проанализировать пребывание в СССР японских военнослужащих, которое оставило след во внутри- и внешнеполитической, а также и в экономической истории Советского Союза. Для выполнения этой цели в исследовании были поставлены следующие задачи:

- установить численность японских военнослужащих, прекративших сопротивление и сложивших оружие в августе 1945 г.;
- определить условия приема и размещения в лагерях НКВД для военнопленных японцев;
- исследовать политику советского руководства и руководства органов внутренних дел СССР в отношении обеспечения условий и организации труда японских военнопленных на предприятиях;
- проанализировать производительность труда бывших японских военнослужащих;
- выявить цели и задачи, стоявшие перед органами, осуществлявшими политико-просветительскую и следственную работу в отношении японцев;
- показать организацию репатриации, определить состав и численность репатриантов, а также проследить, в какой мере осуществление репатриации влияло на межгосударственные отношения СССР, Японии и США.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом с августа 1945 г. по декабрь 1956 г. Перемещение и использование труда бывших японских военнослужащих было санкционировано Государственным Комитетом Обороны СССР в постановлении № 9898сс от 23 августа 1945 г. 19 октября 1956 г. была подписана декларация об итогах советско-японских переговоров, закрепившая прекращение состояния войны между Советским Союзом и Японией. 23 декабря 1956 г. были окончательно репатрированы все

находившиеся в СССР военнопленные японцы.

Территориальные рамки исследования связаны с регионами, в которых была размещена подавляющая часть военнопленных японцев: Дальний Восток (Хабаровский край, Приморский край), Забайкалье (Иркутская область, Читинская область, Бурят-Монгольская АССР), Западная Сибирь (Красноярский край, Алтайский край), Средняя Азия (Казахская ССР, Узбекская ССР).

Практическая значимость диссертации состоит в том, что выводы и основные положения, сформулированные в работе, могут быть использованы при написании обобщающих работ и учебных пособий по истории СССР послевоенного периода. Материалы диссертационного исследования могут стать основой подготовки специальных и лекционных курсов по истории внешней политики СССР и международных отношений, в частности, российско-японских.

Теоретико-методологические основы исследования базируются на принципах историзма и научной объективности. Принцип историзма позволяет рассмотреть пребывание японских военнопленных на территории СССР с учетом изменений, происходивших во внутренней и внешней политике Советского Союза. Принцип научной объективности дает возможность оценивать полученную из источников информацию непредвзято, не опираясь на какие-либо политические или идеологические предпочтения.

При написании работы были использованы как общенаучные (анализ, синтез, структурно-функциональный анализ), так и специально-исторические (хронологический и историко-сравнительный) методы.

С помощью методов анализа и синтеза из информации, извлеченной из архивных документов советских органов внутренних дел, удалось воссоздать целостную картину пребывания японских военнопленных на территории Советского Союза. Метод структурно-функционального анализа позволил определить иерархию и функции органов внутренних дел, курировавших работу с военнопленными японцами.

Использование хронологического метода дало возможность выявить последовательные изменения в политике руководства СССР в отношении содержания японских военнопленных на протяжении изучаемого периода. При помощи историко-сравнительного метода было, в частности, установлено, что существенная разница между продуктовыми нормами японцев и заключенных советских тюрем и лагерей отсутствовала.

Источниковую базу диссертационного исследования составили нормативно-правовые акты, делопроизводственная документация советских наркоматов (министерств), управлений, ведомств, мемуарная литература и пресса.

К нормативно-правовым актам, изученным в ходе работы над диссертацией, относятся постановления Совета Министров СССР и Государственного комитета обороны, которые не публиковались и не изучались ранее, т.к. были засекречены. Они хранятся в Государственном архиве РФ (ГА РФ) в фонде Совета Министров СССР (№ 5446). Изучение постановлений Совета Министров СССР позволяет проследить изменения политики, проводившейся в отношении военнопленных японцев в период с 1945 г. по 1956 г. Исследование служебной переписки руководства страны с советскими министерствами по вопросам, связанным с согласованием текста проектов постановлений Совета Министров, которые касались труда и содержания японских военнопленных, их снабжения и репатриации, дало возможность установить причины изменений этой политики.

В ходе исследования был привлечен широкий круг делопроизводственных документов, которые хранятся в ГА РФ, Российском государственном Военном архиве (РГВА), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Центральном архиве Министерства Обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Большинство документов, использованных в диссертации, впервые введены в научный оборот.

Нормативно-распорядительная документация секретариата наркомата (министерства) внутренних дел, которое несло ответственность перед советским правительством за содержание и деятельность бывших японских

военнослужащих, перемещенных на территорию Советского Союза, хранится в фонде № 9401 ГА РФ. В эту документацию входят приказы, директивы, распоряжения, указания, телеграммы наркома (министра) внутренних дел и его заместителей, направленные руководству региональных органов внутренних дел и начальникам лагерей НКВД. Их подлинники, которые сосредоточены в описи № 1, не выдаются исследователям. В ходе работы над диссертацией были отобраны и изучены заверенные копии нормативно-распорядительных документов руководства МВД из описи № 1а, имевшие отношение к пребыванию японских военнопленных на территории СССР. Следует отметить, что не вся документация из описи № 1а доступна исследователям: до сих пор засекречены все документы, связанные с организацией и осуществлением оперативно-агентурной работы среди советских заключенных и иностранных военнопленных, содержащихся в лагерях НКВД с 1945 г. по 1956 г.

В этом же фонде в описи № 2 сосредоточены докладные записки наркома (министра) внутренних дел о количестве военнопленных японцев, содержащихся в СССР, их физическом состоянии, использовании их труда в советской экономике, репатриации, а также о проводимой среди них следственной и политической работе, которые были отправлены И.В. Сталину, Л.П. Берии, В.М. Молотову и другим советским руководителям. Эти докладные записки, ранее являвшиеся недоступными из-за их засекреченности, входят в т.н. «личные папки» И.В. Сталина, Л.П. Берии и В.М. Молотова, и подавляющее их большинство не публиковалось в печати.

Первые группы бывших японских военнослужащих вернулись в Японию из СССР в 1946 г. Их возвращение являлось одной из тем, наиболее обсуждаемых в японской прессе в период с 1946 г. по 1950 г. Этой теме уделяли внимание американские, английские и австралийские новостные агентства. Сообщения в иностранной печати, касавшиеся репатриации японских военнопленных из СССР, их лагерном быте и их деятельности в Японии, перехватывались Телеграфным агентством Советского Союза (ТАСС СССР) и доставлялись в МИД СССР. Документы ТАСС, касавшиеся реакции японской общественности

на возвращение своих соотечественников из СССР, сосредоточены в описи № 27 фонда № 4459 ГА РФ. Подавляющее большинство этих документов остаются неизученными и неопубликованными.

Посредником в переговорах по освобождению японских военнопленных из СССР в период с 1952 г. по 1956 г. являлось общество Красного Креста, имевшее свои отделения и в Японии, и в СССР. Исследование переписки представителей Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР (СОКК и КП СССР) с обществом Красного Креста в Японии, которая хранится в ГА РФ в фонде № 9501, позволило реконструировать ход переговоров о репатриации задержанных в СССР бывших японских военнослужащих, которые по политическим причинам зашли в тупик к 1950 г.

Для исследования условий и производительности труда военнопленных японцев, организации их репатриации и политической работы, проводимой среди них, были привлечены документы Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ МВД СССР). ГУПВИ, входившее в состав МВД, занималось решением вопросов, связанных с содержанием, трудом, с политической и следственной работой, проводимой в лагерях для иностранных военнопленных, размещенных на территории Советского Союза. ГУПВИ имело разветвленную структуру отделов, которая менялась на протяжении всего периода существования этого ведомства (1939 – 1953 гг.). В ГУПВИ был создан обширный комплекс организационно-распорядительных, отчетных и информационно-справочных документов, которые направлялись министру внутренних дел и его заместителям, в МИД СССР и в другие советские министерства, Госплан, Политбюро ЦК ВКП (б), а также руководству страны.

В настоящее время большая часть этих документов хранится в фонде № 1п (фонд секретариата ГУПВИ). В этом фонде хранится также документация Тюремного отдела МВД, на который были возложены функции ГУПВИ в период с 1953 г. по 1956 г. Документы Политического отдела ГУПВИ хранятся в фонде № 3п, а документы антифашистского отделения, созданного при

Политическом отделе — в фонде № 4п.

Для выяснения целей и задач следственной и политической работы, проводимой среди японцев, а также для изучения влияния репатриации японских военнопленных на международные отношения США и СССР были использованы документы ЦК ВКП (б), сосредоточенные в РГАСПИ в фонде № 17. К этим документам относятся докладные записки, поступавшие из МВД, МИД и МВС (министерства вооруженных сил) СССР во внутренние отделы ЦК ВКП(б), и протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП(б). Были также исследованы материалы, хранящиеся в фонде В.М. Молотова (фонд № 82), на имя которого поступали отчеты, доклады, справки от министров иностранных дел, внутренних дел, вооруженных сил. Документы РГАСПИ, посвященные пребыванию военнопленных японцев на территории СССР, еще не были исследованы и нигде не публиковались.

Материалы Центрального архива министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) содержат сведения о том, как осуществлялось разоружение японских военнослужащих, и как было организовано их перемещение в лагеря НКВД. Министерство вооруженных сил СССР в 1945-1949 гг. также имело право использовать труд японских военнослужащих как на территории СССР, так и за его пределами. Однако большая часть документов остается засекреченной, и исследователям выдаются только документы штабов фронтов, рассортированные по фондам. В работе были использованы документы штаба тыла Забайкальского фронта Красной Армии, войска которого действовали против японских войск в августе 1945 г. (фонд № 210).

Часть архивных материалов из ГА РФ, РГВА и ЦАМО РФ, относящихся к пребыванию японских военнопленных в лагерях МВД, к настоящему времени опубликована в сборниках документов. Одни из первых таких сборников были изданы в серии «Русский архив: Великая Отечественная». В томе № 7 (18) этой

серии ¹, посвященном советско-японской войне и ее последствиям, опубликованы документы штаба Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке, штабов фронтов и управлений тыла фронтов, в настоящее время являющиеся секретными, а также отчеты и справки ГУПВИ о численности разоруженных и отправленных в советский тыл японских военнослужащих. В том № 13 (24)² включены архивные материалы из ГА РФ, которые относятся к пребыванию иностранных военнопленных на территории СССР в период с 1945 г. по 1956 г. Ценность тома № 13 (24) заключается в том, что в нем опубликованы материалы из описи № 12 фонда 9401, которые находятся на секретном хранении.

Содержанию иностранных военнопленных в лагерях посвящена серия сборников документов под названием «Военнопленные в СССР. 1939-1956 гг.: документы и материалы», состоящая из пяти томов. В первом томе ³ опубликованы документы из ГА РФ и ЦАМО РФ, второй⁴ и третий⁵ тома посвящены только немецким военнопленным, а в четвертом⁶ опубликованы материалы, хранящиеся в фонде № 1п в РГВА. В двух книгах пятого тома собрана отчетно-статистическая документация ГУПВИ о деятельности иностранных военнопленных в регионах Советского Союза. В первой книге

¹ Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30-40-е годы. Документы и материалы. В 2 т. Т. 18 (7-1) М.: ТЕРРА, 1997. 432 с. (Далее: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18 (7-1)); Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30-40-е годы. Документы и материалы. В 2 т. Т. 18 (7-2). М.: ТЕРРА, 2000. 440 с. (Далее: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18 (7-2))

² Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. Т.24 (13). М.: ТЕРРА, 1996. 560 с. (Далее: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 24(13))

³ Военнопленные в СССР, 1939-1956: документы и материалы. Спб.: Логос, 2000. 1120 с. (Далее: Военнопленные в СССР, 1939-1956: документы и материалы)

⁴ Военнопленные в Сталинграде. 1943-1954: Документы и материалы: Т. 2 // Военнопленные в СССР. 1939-1956 гг.: Документы и материалы / Под ред. М.М. Загорюлько. Волгоград: Государственное учреждение «Издатель», 2003. 1160 с.

⁵ Творчество немецких военнопленных о Сталинграде и о себе. 1946-1949. Документы и материалы / Серия: «Военнопленные в СССР. 1939-1956 гг.: Документы и материалы» / Под ред. М.М. Загорюлько. Волгоград: Издатель, 2006. 600 с.

⁶ Главное Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. 1941-1952: Отчетно-информационные документы и материалы. Т. 4 / Сост.: М.М. Загорюлько, К.К. Миронова, Л.А. Пылова и др.; Под ред. проф. М.М. Загорюлько. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2004. -1111 с. (Далее: Главное Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. 1941-1952: Отчетно-информационные документы и материалы)

пятого тома ⁷ представлены Центральный, Северо-Западный, Западный, Поволжский, Северо-Кавказский, Закавказский и Казахстанский регионы, и таким образом подавляющее большинство документов первой книги пятого тома относятся к пребыванию немецких, итальянских, австрийских, румынских, венгерских военнослужащих и других иностранных военнопленных европейских национальностей. Во второй книге пятого тома опубликованы документы по Южному, Уральскому, Западно-Сибирскому, Восточно-Сибирскому и Дальневосточному регионам⁸. В ней представлены документы о состоянии и деятельности военнопленных европейских национальностей и бывших японских военнослужащих.

Документы, относящиеся к пребыванию только японских военнопленных на территории СССР, были опубликованы в издании «Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов», вошедшем в серию книг под названием «Россия. XX век. Документы»⁹.

Издание состоит из двух частей, разделенных на главы. В первой части собраны архивные материалы, относящиеся к пребыванию японских военнопленных на советской территории, в Маньчжурии и Корее. Вторая часть сборника содержит документы, посвященные международным проблемам. В издании помещены как секретные, так и доступные для исследования материалы, хранящиеся в российских архивах. В нем впервые было опубликовано более 280 документов из Архива внешней политики РФ, относящихся к военнопленным японцам. Однако часть архивных материалов из ГА РФ и РГВА, посвященных, в частности, содержанию, труду и распределению японских военнопленных в советской экономической системе, результатам следственных мероприятий, проведенных среди них, не вошли в

⁷ Региональные структуры ГУПВИ НКВД-МВД СССР. 1941-1951: Отчетно-информационные документы // Под ред. М.М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2005. 1088 с. (Военнопленные в СССР. 1939-1956: Документы и материалы / Т. 5. Кн. 1).

⁸ Региональные структуры ГУПВИ НКВД-МВД СССР. 1941-1951: Отчетно-информационные документы / Под ред. М.М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2006. 1088 с. (Военнопленные в СССР. 1939-1956: Документы и материалы / Т. 5. Кн. 2).

⁹ Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. / Составители: В.А. Гаврилов, Е.Л. Катасонова. М.: МФД, 2013. 784 с.

это издание. Ряд документов уже был издан ранее в других сборниках, упомянутых выше, однако это не было отмечено в издании.

Публикация делопроизводственных документов из краевых архивов о пребывании японцев на Дальнем Востоке СССР была осуществлена в 2005-2006 гг. во Владивостоке в двух выпусках издания «Японские военнопленные в Приморье»¹⁰. В 2011 году был также издан сборник документов, относящихся к пребыванию японцев в лагерях Читинской и Иркутской областях¹¹. В том же году в Республике Казахстан были опубликованы архивные материалы о содержании японцев в лагерях НКВД (МВД) Карагадинской области¹².

В диссертационном исследовании также используются мемуары советских военачальников¹³ и японских военнопленных¹⁴. Мемуары советских военачальников содержат информацию о том, как проходили переговоры с японским командованием о разоружении японских войск. Воспоминания бывших японских военнослужащих позволяют дополнить сведения о бытовых условиях и о снабжении продовольствием военнопленных японцев, содержащиеся в документах МВД. В ходе работы над диссертацией были изучены и материалы периодической печати. Важнейшие сообщения, касавшиеся репатриации японских военнопленных, были напечатаны в газетах «Правда» и «Известия». Были также рассмотрены международные правовые документы, такие как Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 27 июля 1929 г. и Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной

¹⁰ Японские военнопленные в Приморье (1945-1949 гг.) Вып. 1 Труд военнопленных в угольной промышленности" Владивосток: Государственный архив Приморского края, Мор. гос. ун-т им. адм. Г. И. Невельского, 2005. 152 с. (далее: Японские военнопленные в Приморье. Вып. 1); Японские военнопленные в Приморье (1945-1949 гг.) Вып. 2 Труд военнопленных в отраслях народного хозяйства Приморского края. Владивосток: Государственный архив Приморского края, Мор. гос. ун-т им. адм. Г. И. Невельского, 2006. 192 с. далее: Японские военнопленные в Приморье. Вып. 2).

¹¹ История пребывания японских военнопленных в советском плену в документах (1945-1956 годы): Сборник документов. Иркутск: Издательство Иркутского государственного технического университета, 2011. 112 с.

¹² Японские военнопленные в Карагадинской области / под общ. ред.: Н.О. Дулатбеков. Караганды: Карагадинский университет «Бошалак», 2011. 1239 с.

¹³ *Мерецков К.А.* На службе народу. М.: Политиздат, 1969. 464 с.; *Василевский А.М.* Дело всей жизни. Изд. 2-е, доп. М.: Политиздат, 1975. 607 с.

¹⁴ *Ямасита Сидзуо.* Рассказ о Сибири: документальные зарисовки одного японского солдата. Перевод на русский язык Кузнецова С.И. Токио: Digipro, 2006. 207 с.; Боевые друзья плачут под мерзлой землей. Печальные японские военнопленные были в СССР. Сборник иллюстраций. Токио, 1998. 109 с.

войны от 18 октября 1907 г., регламентирующие обращение с попавшими в плен военными служащими.

Таким образом, документы российских архивов, относящиеся к периоду пребывания бывших японских военнослужащих на территории СССР, составляют комплекс источников, необходимых для научного исследования пребывания японских военнопленных на территории СССР. Часть из них была издана, однако большое количество делопроизводственных документов остается неопубликованным и неисследованным.

Степень научной разработанности проблемы. Научное исследование проблем, связанных с пленением иностранных военнопленных вражеских армий во время и после Великой Отечественной войны в отечественной исторической науке началось в начале 1990-х гг. и продолжается до сих пор. К настоящему моменту было защищено не менее шести диссертационных исследований о содержании немецких, итальянских, австрийских и румынских военнопленных в лагерях НКВД (МВД) с 1941 г. по 1956 г.¹⁵

Пребывание японских военнопленных на территории СССР рассматривается и зарубежными, и отечественными историками как следствие Второй мировой войны. Причиной этому является то, что разоружение японских войск было осуществлено уже после завершения Великой Отечественной войны.

Отечественные работы, в которых анализируется пребывание японских военнопленных на территории СССР, делятся на три группы.

К первой группе принадлежат исследования, в которых рассматривается пребывание японских военнопленных на всей территории СССР. Это статьи,

¹⁵ *Конасов В.Б.* Политика советского государства в отношении немецких военнопленных в 1941-1956 гг.: дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.02. М., 1998. 506 с.; *Медведев С.А.* Немецкие военнопленные в СССР в 1941 - 1956 гг. и формирование образа Советского Союза: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.03. Воронеж, 2009. 199 с.; *Оганян Г.С.* Трудовое использование военнопленных и интернированных иностранных граждан в СССР: 1943-1953 гг.: на примерах южных российских регионов: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Пятигорск, 2007. 198 с.; *Кузьминых А.Л.* Положение иностранных военнопленных на Европейском Севере: 1939-1949 гг.: на материалах Вологодской и Архангельской областей: автореф. дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Вологда, 2003. 315 с.; *Рожкова Е.К.* Иностранные военнопленные и интернированные на Южном Урале в 1943-1950 гг.: автореф. дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Оренбург, 2002. 201 с.; *Ларичкина Ю.А.* Иностранные военнопленные на территории Курской области: 1943 - 1950 гг.: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Курск, 2006. 199 с.

диссертационные исследования и монографии таких исследователей как А.А. Кириченко, В.П. Галицкий, С.И. Кузнецов, В.В. Карпов, Е.Л. Катасонова, С.В. Карасев. Нижние хронологические рамки их исследований ограничиваются 1945 г., а верхние — 1956 г., когда были окончательно освобождены все военнопленные, в том числе и осужденные за совершение военных преступлений.

А.А. Кириченко в своих статьях¹⁶ и в работе, написанной в соавторстве с К.Е. Черевко¹⁷, одним из первых обозначил важность проблемы юридического статуса бывших японских солдат и офицеров, размещенных в лагерях НКВД (МВД). Проблема определения юридического статуса японцев, сдавших оружие частям Красной Армии в августе 1945 г., остается нерешенной и является актуальной для российско-японских отношений по сей день. Японские общественные организации, которые представляли интересы бывших военнопленных японцев, требовали от руководства Российской Федерации признать их не военнопленными, а незаконно интернированными и возместить моральный ущерб, связанный с их пребыванием на территории СССР. Японское правительство отказывалось признавать их военнопленными и выплачивать компенсации, полагавшиеся всем репатриантам, вернувшимся в Японию в период с 1945 г. по 1956 г. В 2010 г. японский парламент принял постановление о выплате компенсаций бывшим военнопленным, вернувшимся из СССР.

А.А. Кириченко полагает, что перемещение японцев в лагеря НКВД противоречило Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г.¹⁸, опубликованной от имени глав правительств США, Великобритании и Китая, к которой СССР присоединился 8 августа 1945 г. Согласно ее девятому пункту всем сдавшим

¹⁶ Кириченко А.А. «Сколько еще забытых могил...» // Новое время. 1989. № 40. С. 20; Кириченко А.А. 200 тысяч японцев ждут нашей помощи. // Новое время. 1990. № 41. С. 39; Кириченко А.А. Следы оборвались в Тайшете. Японские военнопленные в ГУЛАГЕ // Шпион. 1993. № 1. С. 53-64.

¹⁷ Кириченко А.А. Черевко К.Е. Советско-японская война 9 августа – 2 сентября 1945 г. Рассекреченные архивы. М.: Бимпа, 2006. 320 с.

¹⁸ Кириченко А.А. Военнопленные или интернированные? История вопроса. // Бюллетень общества «Россия-Япония». 2001. № 40. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru-jp.org/intern.htm> (дата обращения: 15.06.15).

оружие и прекратившим сопротивление японским военнослужащим после принятия Японией условий Потсдамской декларации разрешалось вернуться на родину. Согласно мнению С.И. Кузнецова, японские военнослужащие были интернированы, хотя исследователь в своей работе называет их военнопленными. В.П. Галицкий не только считает японцев военнопленными, но и полагает, что Советский Союз имел право не осуществлять их репатриацию вплоть до вступления в силу договоренностей, зафиксированных в совместной советско-японской декларации от 19 октября 1956 г., поскольку она, согласно статье 75 Женевской конвенции о содержании военнопленных от 27 июля 1929 г., должна была проводиться после заключения перемирия между воюющими сторонами. В.В. Карпов и С.В. Карасев также полагают, что японские военнослужащие были пленены, а не интернированы, но специально проблему правового статуса японцев они в своих работах не рассматривают. Е.Л. Катасонова считает, что они являлись «интернированными военнопленными»¹⁹.

Мнения исследователей не сходятся также и относительно численности японских военнослужащих, в августе 1945 г. сложивших оружие, и количества японцев, отправленных в лагеря НКВД. Введение в научный оборот новых источников не способствует решению данного вопроса. Количество отправленных в лагеря японцев, согласно оценке В.П. Галицкого, составляло 639635 японцев, из которых, по мнению исследователя, было вывезено на территорию Советского Союза около 520 тыс. человек²⁰. А.А. Кириченко считает, что в августе 1945 г. оружие сложили 641253 японца.²¹ С.В. Карасев полагает, что всего в августе 1945 г. было разоружено 640453 военнослужащих, а на территории СССР было размещено 547261 японцев²².

¹⁹ Катасонова Е.Л. Решение гуманитарной проблемы японских военнопленных в отношениях СССР (Российской Федерации) и Японии (1945-2003 гг.). Исторический аспект: дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.03. М., 2004. С. 51

²⁰ Галицкий В.П. Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 66.

²¹ Кириченко А.А. Черевко К.Е. Указ. соч. С. 251

²² Карасев С.В. История плена: советско-японская война и ее последствия (1945-1956 годы): автореф. дис. ... докт. истор. наук: 07. 00. 02. Улан-Удэ, 2007. С. 22

К началу 1990-х годов отечественными историками и публицистами был сформирован общий подход к изучению пребывания японских военнопленных на территории СССР как к одному из негативных эпизодов истории советской пенитенциарной политики. Вскоре в научной печати была начата дискуссия: в своих статьях В.П. Галицкий ²³ подверг критике сложившийся подход. Согласно его мнению, советское руководство не подвергало японцев каким-либо репрессиям, и относилось к ним гуманно, соблюдало требования международного права. Точка зрения В.П. Галицкого была основана на делопроизводственных источниках, которые в начале 1990-х годов еще не были введены в научный оборот. Документы, использованные им, были взяты из Государственного архива Российской Федерации, Архива Внешней политики Российской Федерации и из ЦХИДК — Центра хранения историко-документальных коллекций, из которого все документы позднее вошли в состав РГВА. На основе делопроизводственных источников и мемуарной литературы исследователем в одной из своих статей было также исследовано социально-психологическое поведение военнослужащих Второй мировой войны в условиях военного плена²⁴.

В 1994 г. иркутским исследователем С.И. Кузнецовым была защищена первая докторская диссертация ²⁵, в которой пребывание японских военнопленных было рассмотрено как негативное явление, повлиявшее на советско-японские отношения. В своей работе автор поставил следующие задачи: проанализировать политику советского государства и деятельность

²³ Галицкий В.П. Архивы о лагерях японских военнопленных в СССР. Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 1. С. 115-123; Галицкий В.П. Вражеские военнопленные в СССР (1941-1956 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 4. С. 39-46; Галицкий В.П. Политика Танака-Тодзио глазами соотечественников // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 4. С. 80-81; Галицкий В.П. Японские военнопленные и интернированные в СССР. // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 18-33; Галицкий В.П. Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 66-78; Галицкий В.П. Японские военнопленные: разменная карта японских антирусистов // Шестидесятилетие Победы над милитаристской Японией. Сборник статей. Отв. ред. А.М. Хазанов. М.: Институт Востоковедения, 2006. С. 47-53; Галицкий В.П. Японские военнослужащие в советском плену: военнопленные или интернированные? // Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке. / Авт.-сост. А.А. Кошкин. М.: Вече, 2010. С. 329-343

²⁴ Галицкий В.П. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 48-63.

²⁵ Кузнецов С.И. Японские военнопленные в СССР после Второй мировой войны (1945-1956 гг.): дисс. ... докт. истор. наук: 07. 00. 02. Иркутск, 1994. 346 с.

государственных органов по отношению к военнопленным японцам, определить методы и цели идеологической обработки японцев в лагерях, оценить вклад в экономику Советского Союза, полученный от использования их принудительного труда, и проследить процесс репатриации бывших японских военнослужащих.

Для выполнения этих задач С.И. Кузнецов задействовал делопроизводственные источники из региональных архивов (Иркутский государственный архив). В работе также были использованы уникальные зарубежные делопроизводственные источники — мемориальный архив Дугласа Макартура, главнокомандующего союзными войсками в Японии, и документы из японского архива министерства здравоохранения и соцобеспечения. Однако в диссертации С.И. Кузнецова практически не были использованы документы из центральных российских архивов, исследование которых могло бы полнее раскрыть суть политики, проводимой советским руководством в отношении военнопленных японцев.

Советское руководство, как считает С.И. Кузнецов, не прилагало усилий для улучшения условий их труда и быта и использовало репрессивные методы принуждения японцев к труду в интересах Советского Союза, к которым относились и задержка их репатриации, и их судебное преследование²⁶. Японцы, согласно мнению исследователя, использовались также и для распространения влияния СССР в Японии, для чего в лагерях проводилась их идеологическая обработка советскими агитационными органами²⁷.

В 1997 г. была издана работа В.В. Карпова²⁸, в которой была рассмотрена агитационная деятельность офицеров Главного политического управления Красной Армии (ГПУ КА) и виды сопротивления, которое оказывали японские военнопленные в ответ на действия ГПУ КА. В.В. Карпов изучил также условия транспортировки и процесс разоружения японских военнопленных.

²⁶ Кузнецов С.И. Указ. соч. С. 79

²⁷ Кузнецов С.И. Указ. соч. С. 286

²⁸ Карпов В.В. Пленники Сталина. Сибирское интернирование японской армии. 1945-1956. Киев-Львов, 1997. 326 с.

Ценность этой работы заключается в том, что в ходе работы над ней исследователь использовал документы из секретных фондов ЦАМО. Использование источников, на которые опирался В.В. Карпов, привело к диспропорциональному освещению проблем, связанных с пребыванием военнопленных японцев на территории Советского Союза: в работе практически не были освещены проблемы, связанные с использованием труда японцев в экономике СССР.

Позднее, на основе выводов, сформулированных в монографии, исследователем была защищена кандидатская диссертация, в которой были проанализированы формы и методы осуществления политико-идеологической работы среди военнопленных японцев, были также рассмотрены организация репатриации военнопленных японцев и система их содержания²⁹. В.В. Карпов считает, что для советского руководства важнее было добиться изменения их идеологических и политических взглядов, а не получить максимальную выгоду от труда бывших японских военнослужащих³⁰. Исследователь изучил деятельность агитационных органов министерства вооруженных сил СССР, организационных основ репатриации, а также способы неподчинения лагерным начальствам, которое японцы оказывали в ответ на действия советских агитационных органов, направленные на изменение их идеологических взглядов. В.В. Карпов в своей работе не рассматривает проблемы, связанные с организацией следственной работы в отношении военнопленных японцев и применением их труда в экономике СССР.

Влияние нерешенных гуманитарных проблем, связанных с содержанием военнопленных японцев в лагерях НКВД (МВД), на развитие дипломатических отношений СССР (России) и Японии было исследовано в диссертации Е.Л. Катасоновой «Решение гуманитарной проблемы японских военнопленных в отношениях СССР (Российской Федерации) и Японии (1945-2003 гг.). Исторический аспект». Исследователь, опираясь на документы Архива внешней

²⁹ Карпов В.В. Полонення та репатріація Квантунської армії (1945-1956 рр.): автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук: 20.02.22. Київ, 2004. 24 с.

³⁰ Карпов В.В. Указ. соч. С. 22.

политики Российской Федерации, впервые раскрыла противоречия, существовавшие в международных отношениях СССР, США и Японии, которые были связаны с репатриацией японцев из лагерей НКВД в Японию.

В работе не была рассмотрена проблема определения численности разоруженных японских военнослужащих, которая является одной из самых важных гуманитарных проблем, влияющих на современные российско-японские отношения. Исследователь не стала детально изучать отношения СССР и США в Союзном совете, содержание, организацию труда и быта японцев. Тем не менее Е.Л. Катасонова делает вывод о том, что советские власти с 1945 г. по 1956 г. умышленно задерживали репатриацию японцев для того, чтобы дольше использовать их труд в экономике СССР³¹. В то же время исследователь признает, что американское правительство, сознательно фальсифицируя данные о пребывании японцев в советских лагерях, только использовало репатриацию японцев, чтобы исключить возможность сближения Японии и СССР. Один из главных выводов, сделанных в исследовании, заключается в том, что побывавшие в лагерях японцы являются «прямыми заложниками обострения отношений СССР и союзников в конце Второй мировой войны и после нее»³².

Формы и методы распространения политико-идеологической пропаганды коммунистических идей среди бывших японских военнослужащих, а также организация оперативно-агентурной деятельности, проводившейся сотрудниками ГУПВИ в лагерях НКВД, были исследованы в докторской диссертации С.В. Карасева, защищенной им в 2007 г.³³ Научным консультантом диссертанта являлся С.И. Кузнецов. В работе С.В. Карасева были использованы как некоторые документы из центральных архивов (РГВА и ГА РФ), так и документы из региональных архивов. Преимуществом данной работы стало использование диссертантом материалов ведомственных архивов: ЦАМО,

³¹ Катасонова Е.Л. Указ. соч. С. 226

³² Катасонова Е.Л. Указ. соч. С. 364

³³ Карасев С.В. История плена: советско-японская война и ее последствия (1945-1956): автореф. дисс. ... докт. истор. наук. Иркутск, 2007. 38 с.

Центрального архива ФСБ России, Архива Регионального управления Федеральной службы безопасности РФ по Республике Бурятия и других.

Проблемы организации труда и репатриации не были рассмотрены в работе. При этом деятельность всех ведомств, на которых был возложен контроль над содержанием военнопленных японцев, согласно позиции исследователя, сводилась лишь к уголовному преследованию военнопленных японцев и распространению идеологической пропаганды. Лагеря НКВД, как считает С.В. Карасев, являлись частью истории карательной системы, созданной в стране к 1945 г. на основе ГУЛАГа, который, по мнению исследователя, «подмял под себя все слои советского общества»³⁴.

Ко второй группе исследований относятся работы таких историков как Е.Ю. Бондаренко, О.Д. Базаров, М.Н. Спиридонов, выполненные преимущественно на основе документов из региональных архивов. К этой группе также относится кандидатская диссертация С.В. Карасева. Территориальные рамки их исследований ограничены пределами одной области, края, республики или региона, а хронологические рамки определяются периодом с 1945 г. по 1950 г.

О.Д. Базаров в своей кандидатской диссертации³⁵ исследовал пребывание японцев в лагерях Бурят-монгольской АССР. Создание системы лагерей для японских военнопленных он считает «важной составляющей внутренней и внешней политики тоталитарного государства, каким являлся СССР».³⁶ В своей монографии «Сибирское интернирование»: японские военнопленные в Бурятии (1945-1948)».³⁷ О.Д. Базаров определил, что доля японцев, поддавшихся влиянию политико-агитационных органов и изменивших свои идеологические взгляды, от общего числа содержащихся в бурятских лагерях НКВД (МВД)

³⁴ Карасев С.В. Указ. соч. С. 21

³⁵ Базаров О.Д. Японские военнопленные в Бурятии (1945-1948 гг.): автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Иркутск, 1997. 18 с.

³⁶ Базаров О.Д. Указ. соч. С. 17

³⁷ Базаров О.Д. «Сибирское интернирование»: японские военнопленные в Бурятии (1945-1948)». Улан-Удэ: ВСГАКИ, 1997. 93 с.

бывших японских военнослужащих составляла порядка 2-3%³⁸.

Разделял точку зрения О.Д. Базарова и С.В. Карасев. В его кандидатской диссертации «Японские военнопленные на территории Читинской области (1945-1949)»³⁹, защищенной исследователем в 2002 г., рассматривается пребывание японских военнопленных в лагерях Читинской области. Размещение японцев в системе лагерей внутренних дел в СССР (созданной с опорой на многолетний опыт ГУЛАГа), как считает исследователь, являлось наказанием для Японии за ущерб, нанесенный СССР в годы Гражданской войны и в ходе приграничных конфликтов⁴⁰. В своей монографии⁴¹ он отметил, что упреки японской стороны в том, что в лагерях для военнопленных японцев намеренно не создавались достойные жилищно-бытовые условия, обоснованны, но справедливыми не являются, поскольку японская военная администрация была виновна в организации системы пыток советских пленных и в испытании на них бактериологического оружия, что противоречило международному праву.⁴²

Размещение, содержание японских военнопленных и организация их труда в лагерях НКВД (МВД) Красноярского края рассмотрены М.Н. Спиридоновым в его кандидатской диссертации «Японские военнопленные в Красноярском крае (1945-1948): проблемы размещения, содержания и трудового использования»⁴³. Исследователь, опираясь на материалы архивов Красноярского края, одним из первых оценил вклад японцев, внесенный в народное хозяйство СССР, и сделал вывод о том, что использование принудительного труда военнопленных японцев принесло высокую прибыль послевоенной экономике Красноярского края в условиях нехватки трудовых ресурсов. М.Н. Спиридонов, признавая, что

³⁸ Базаров О.Д. Указ. соч. С. 83

³⁹ Карасев С.В. Японские военнопленные на территории Читинской области, 1945-1949 гг.: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Иркутск, 2002. 225 с.

⁴⁰ Карасев С.В. Указ. соч. С. 163

⁴¹ Карасев С.В. Японские военнопленные на территории Читинской области (1945-1949). Иркутск: Изд-во ИГТУ, 2003. 153 с.

⁴² Карасев С.В. Указ. соч. С. 103

⁴³ Спиридонов М.Н. Японские военнопленные в Красноярском крае (1945-1948): проблемы размещения, содержания и трудового использования: дисс. канд. истор. наук: 07.00. 02. Красноярск, 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/Spiridonov/0.htm> (дата обращения: 02.06.15)

в лагерях имели место нарушения международных норм, касавшихся организации и обеспечения достойных условий труда военнопленных, все же отметил, что эти нарушения не носили тотальный, умышленный характер, а сами условия труда японцев мало чем отличались от условий труда советских граждан⁴⁴.

Е.Ю. Бондаренко в своих статьях⁴⁵ и докторской диссертации на тему «Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914-1956 гг.)»⁴⁶ исследовала проблемы содержания, трудового использования, медицинского и санитарного обслуживания бывших японских военнослужащих, которые были размещены в лагерях Дальнего Востока. Хронологические рамки ее диссертационного исследования охватывают период с 1914 г. по 1956 г., что позволяет ей шире взглянуть на работу ведомств, отвечавших за организацию военного плена, которые существовали в Российской империи, РСФСР и в Советском Союзе. В своей работе исследователь опирается не только на материалы дальневосточных архивов, но и на информацию, полученную из интервью с бывшими военнопленными японцами — писателями Като Кюдзо и Каору Катаока, а также бывшими сотрудниками лагерей НКВД (МВД). Е.Ю. Бондаренко в своей диссертации делает вывод о том, что в Советском Союзе преобладало антигуманное отношение к военнопленным японцам, которое сохранялось даже после их смерти, поскольку Советский Союз не предоставлял списки японских военнопленных, скончавшихся на советской территории.⁴⁷

⁴⁴ *Спиридонов М.Н.* Указ. соч. [Электронный ресурс]. URL:

<http://www.memorial.krsk.ru/Articles/Spiridonov/51.htm> (дата обращения: 07.07.2015)

⁴⁵ *Бондаренко Е.Ю.* "Жестокий русский плен"? (Свидетельствуют японцы)//Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 3. С. 101-103; *Бондаренко Е.Ю.* Голос народной памяти. // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 2. С. 214-216; *Бондаренко Е.Ю.* «Школы коммунизма» для японских военнопленных. // Россия и АТР. 1994. № 1. С. 133-140; *Афонин Б.М., Бондаренко Е.Ю.* Тяжелое наследие Второй мировой войны: японские военнопленные в российских лагерях. // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 1994. № 5-6. С. 221-226; *Бондаренко Е.Ю.* Иностранные военнопленные Первой и Второй мировых войн на Дальнем Востоке России. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 1. С. 43-47.

⁴⁶ *Бондаренко Е.Ю.* Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914-1956 гг.): дисс. ... докт. истор. наук: 07. 00. 02. Владивосток, 2004. 477 с.

⁴⁷ *Бондаренко Е.Ю.* Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914-1956 гг.): автореф. дисс. ... докт. истор. наук: 07. 00. 02. Владивосток, 2004. С. 43

В третью группу работ входят исследования, в которых японские военнопленные рассматриваются как часть контингента иностранных военнопленных, а также анализируются отдельные проблемы военного плена в СССР. Это работы таких исследователей как С.Г. Сидоров, Е.М. Цунаева, А.Л. Кузьминых, И.В. Безбородова, Н.М. Маркдорф, Л.В. Михеева, Т.А. Щелокаева и других. Эти исследователи в основном опираются на источники, имеющие отношение к пребыванию немецких военнопленных на советской территории, в связи с чем в этих работах неглубоко изучены проблемы, связанные с содержанием японцев.

Принудительный труд иностранных военнопленных, размещенных на территории СССР в период с 1939 г. по 1956 г., был исследован в докторской диссертации С.Г. Сидорова «Труд военнопленных в СССР. 1939-1956»⁴⁸, на основе которой была выпущена монография под таким же названием⁴⁹. Источниковой базой его работы являются документы из архивов ГАРФ и РГВА. Большая часть исследования выполнена на основе документальных материалов, относящихся к пребыванию военнопленных немцев в лагерях НКВД (МВД), а данные об использовании труда японцев С.Г. Сидоров почти не использовал в своей работе. Он выделяет три этапа существования хозяйственной системы лагерей, основанной на труде иностранных военнопленных: довоенный (1939-1941 гг.), военный (1941-1945 гг.) и послевоенный (1945-1956 гг.). Заслуживают внимание приводимые в работе данные об удельной доле иностранных военнопленных в балансе рабочей силы в Советском Союзе. Согласно им, к 1 марта 1946 г. в общей численности рабочих и служащих по Восточно-Сибирской области она составляла 13,8%, по Дальневосточному краю — 27,3%, а в целом по стране — 6,3%⁵⁰. Труд иностранных военнопленных, согласно мнению исследователя, являлся одной из форм репараций, которое советское руководство востребовало с Германии и

⁴⁸ Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР. 1939-1956 гг.: дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.02. Волгоград, 2001. 428 с.

⁴⁹ Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР. 1939-1956. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2001. 503 с.

⁵⁰ Сидоров С.Г. Указ. соч. С. 207

ее союзников. В последнее время С.Г. Сидоров занимается разработкой других вопросов — в частности, исследованием репатриации из СССР иностранных военнопленных⁵¹.

Деятельность Главного управления по делам военнопленных и интернированных на протяжении всего периода его существования (1939-1953 гг.) была изучена в кандидатской диссертации И.В. Безбородовой⁵². Исследователь, рассмотрев источники из федеральных архивов (ГА РФ и РГВА), сделала вывод о том, что переломным моментом в существовании ГУПВИ стало завершение Второй мировой войны. Послевоенный период существования ГУПВИ, как полагает И.В. Безбородова, характеризовался тем, что иностранные военнопленные стали рассматриваться не только как источник рабочей силы, но и как средство, позволявшее упрочить внешнеполитическое влияние СССР в иностранных государствах⁵³. Расформирование ГУПВИ, характерной чертой которого, по мнению диссертанта, являлась излишняя централизация, в диссертации И.В. Безбородовой объясняется смертью И.В. Сталина. Исследователем были лишь частично затронуты проблемы, связанные с политической работой, обеспечением, организацией и использованием труда военнопленных японцев.

Источниковедческий анализ документов, относящихся к системе военного плена, был осуществлен в монографии⁵⁴ и кандидатской диссертации⁵⁵ Е.М. Цунаевой. Изучив документацию Главного управления по делам военнопленных и интернированных, в ведение которого находилось решение вопросов, связанных со всеми иностранными военнопленными, исследователь

⁵¹ Сидоров С.Г. Особенности проведения репатриации иностранных военнопленных из СССР в 1945-1946 годах. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Вып. № 1, 2012. С. 67-76; Сидоров С.Г. Репатриация военнопленных из СССР в 1947-1950 гг. // Власть. 2012. №2. С. 156-160

⁵² Безбородова И.В. Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР (1939-1953 гг.): дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02. М., 1997. 371 с.

⁵³ Безбородова И.В. Указ. соч. С. 281

⁵⁴ Цунаева Е.М. Учреждения военного плена НКВД/МВД СССР. 1939-1953: органы управления, структура, документация. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2010. 359 с.

⁵⁵ Цунаева Е.М. Делопроизводственная документация учреждений военного плена НКВД/МВД СССР и органов управления ими как исторический источник: 1939-1953 гг.: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.09. Волгоград, 2010. 327 с.

делает вывод о том, что, хотя неточности и ошибки и могли присутствовать в отчетной документации ГУПВИ, взаимосвязь и взаимозаменяемость делопроизводственных документов подтверждают достоверность информации, изложенной в документах ГУПВИ⁵⁶.

Одним из новейших исследований по проблемам системы военного плена в СССР является диссертационное исследование А.Л. Кузьминых «Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939-1956 гг.)»⁵⁷. Исследователь в своей работе предложил два определения понятию «система военного плена». Согласно первому (общему) определению под системой военного плена понимается совокупность институтов, органов, учреждений, социальных групп и индивидов, связанных между собой отношениями плена и интернирования. Согласно второму (ведомственному) под системой военного плена понимается совокупность органов и учреждений советского государства, отвечавших за прием, содержание и репатриацию военнопленных и интернированных.⁵⁸

В своей работе А.Л. Кузьминых не только не избегает сравнения системы военного плена с системой ГУЛАГ, но и прямо указывает на наличие сходства между ними. В частности, диссертант считает, что обе системы существовали за счет поступления значительных человеческих ресурсов, но при этом уровень жизни иностранных военнопленных зачастую был ниже, чем уровень жизни советских заключенных⁵⁹. В заключении А.Л. Кузьминых делает вывод о том, что иностранные военнопленные и интернированные, содержащиеся в СССР, являлись пенитенциарным контингентом⁶⁰. Определения системы военного плена, сформулированные исследователем, а также выводы, сделанные в работе, как представляется, являются весомым вкладом в исследование всех проблем, связанных с пребыванием иностранных военнопленных на территории СССР во

⁵⁶ Цунаева Е.М. Указ. соч. С. 25

⁵⁷ Кузьминых А.Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939-1956 гг.): дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.02. Архангельск, 2014. 579 с.

⁵⁸ Кузьминых А.Л. Указ. соч. С. 12

⁵⁹ Кузьминых А.Л. Указ. соч. С. 129, 478

⁶⁰ Кузьминых А.Л. Указ. соч. С. 476

время и после Второй мировой войны.

Пребывание иностранных военнопленных и интернированных в лагерях Западной Сибири в период с 1943 г. по 1956 г. исследуется в докторской диссертации Н.М. Маркдорф⁶¹. В ней на основе документов из центральных и региональных архивов были исследованы размещение, организация труда, медицинское обслуживание, репатриация иностранных интернированных и военнопленных, размещенных в лагерях Западной Сибири, к которым принадлежали и японцы. Деятельность ГУПВИ МВД, как отмечает исследователь, была направлена на улучшение физического состояния иностранных военнопленных и интернированных, при этом использование труда иностранных военнопленных в советской экономике Западной Сибири было оправдано из-за дефицита рабочей силы⁶². Исследователь установила, что деятельность работников оперативных отделов лагерей была направлена на то, чтобы обеспечить контроль качества выполнения работ, выполняемых иностранными военнопленными и интернированными на лагерных предприятиях. В работе также были изучены и проблемы социально-психологической адаптации иностранных военнопленных, прибывших к себе на родину, которые практически не затрагивались другими историками ранее.

Л.В. Михеева в своей кандидатской диссертации⁶³ рассмотрела размещение, организацию и условия труда, материально-бытовое и медицинское обслуживание иностранных военнопленных в лагерях Центрального Казахстана. Исследователь, проследив на основе опубликованных источников процесс создания системы лагерей для военнопленных и интернированных на всей территории СССР, показала особенности функционирования лагерей для иностранных военнопленных и интернированных, находившихся в Центральном Казахстане. В заключении своей работы Л.В. Михеева отмечает,

⁶¹ *Маркдорф Н.М.* Иностранцы военнопленные и интернированные в Западной Сибири: 1943-1956 гг.: дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.02. Новосибирск, 2012. 589 с.

⁶² *Маркдорф Н.М.* Иностранцы военнопленные и интернированные в Западной Сибири: 1943-1956 гг.: автореф. дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.02. Новосибирск, 2012. С. 34

⁶³ *Михеева Л.В.* Иностранцы военнопленные и интернированные в Центральном Казахстане (1941 – начало 50-х гг. XX века): автореф. дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02 (История Республики Казахстан). Караганда, 2007. 30 с.

что иностранные военнопленные и интернированные являлись одним из основных видов рабочей силы в СССР в послевоенный период и внесли существенный вклад в развитие тех регионов, где были созданы лагеря для их размещения.

Проблематика, связанная с пребыванием иностранных военнопленных в СССР, изучалась не только историками. Так, анализ правового статуса иностранных военнопленных, размещенных на территории СССР, был выполнен в диссертации кандидата юридических наук Т.А. Щелокаевой⁶⁴, хотя специфика проблемы правового статуса японских военнопленных в работе выделена и рассмотрена не была.

Помимо диссертационных исследований и монографий в отечественных научных журналах был опубликован ряд статей, в которых исследуется пребывание японских военнопленных на территории различных советских регионов. Среди них статья А.В. Шалака, выполненная на основе опубликованных источников⁶⁵, и статья А.В. Трегубенко, посвященная советско-американской конфронтации относительно послевоенного будущего Японии⁶⁶. В статьях различными исследователями было изучено пребывание военнопленных японцев на Сахалине⁶⁷. Отдельно стоит отметить доклад В.А. Всеволодова, в котором было проведено сравнение условий труда и быта японцев с условиями труда и быта военнопленных других национальностей⁶⁸, размещенных в лагерях НКВД. Следует отметить также работы

⁶⁴ *Щелокаева Т.А.* Правовой статус иностранных военнопленных в СССР: 1939-1956: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 12.00.01. Екатеринбург, 2000. 22с.

⁶⁵ *Шалак А.В.* Трудовое использование японских военнопленных на территории Восточно-Сибирского региона в 1945-1949 гг. // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 3. С. 180-187

⁶⁶ *Трегубенко А.В.* Проблемы участия СССР в послевоенной оккупации Японии (1945-1947 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Вып. 1, 2012. С. 112-117

⁶⁷ *Драгунова Л.В.* Японские военнопленные на Сахалине: история и судьбы // Сахалин и Курилы в войнах XX века: материалы научной конференции (7-10 июня 2005 г.). Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2005. С. 179-187; *Кузьмина М.А.* Японские военнопленные на Сахалине (историческая справка) // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей. 1997. № 4. С. 202-206; *Лисицына Е.Н.* Труд японских военнопленных в нефтяной промышленности Сахалина в послевоенные годы // Известия Российского государственного педагогического университета им А.И. Герцена. 2012. № 151. С. 18-27

⁶⁸ *Всеволодов В.А.* Японские военнопленные в СССР. Общее и особенное. // Трагедия войны – трагедия плена. Материалы научно-практической конференции. М., 1999. С. 95-115

Б.О. Жангуттина, В.Н. Караман, Ю.П. Щуковской и других исследователей, посвященные условиям труда и быта японских военнослужащих в различных регионах СССР⁶⁹. Пребывание японских военнопленных на территории Кузбасской области было рассмотрено в диссертации Р.С. Бикметова⁷⁰. В.П. Мотревичем был осуществлен поиск захоронений японских военнопленных на территории Свердловской области⁷¹. В 2009 г. состоялась международная научно-практическая конференция по теме «Проблемы современной международной законности и уроки Токийского и Хабаровского процессов». В докладах, представленных на конференции, были рассмотрены некоторые подробности проведения Хабаровского судебного процесса над японскими военнопленными⁷². Хабаровский судебный процесс был также исследован в работе В.С. Христофорова на основе материалов Центрального

⁶⁹ *Жангуттин Б.О.* ГУПВИ: военнопленные и интернированные на территории Казахстана (1941-1951 гг.) // Отечественная история. 2008. № 2. С. 107-114; *Караман В.Н., Щуковская Ю.П.* Японские военнопленные на территории Приморского края. Октябрь 1945 – январь 1946 г. // Исторический архив. 2006. № 1. С. 129-157; *Козлов А.Г.* Японские военнопленные на Колыме (1945-1949) // Диковские чтения: материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Н.Н. Дикова. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. С. 226-234.

⁷⁰ *Бикметов Р.С.* Использование спецконтингента в экономике Кузбасса (1929-1956 гг.): дисс. докт. истор. наук: 07.00.02. Кемерово, 2011. 430 с.

⁷¹ *Мотревич В.П.* О результатах эксгумации японских военнопленных на кладбище спецгоспиталя №2929 МВД СССР в г. Нижний Тагил Свердловской области. // Ценности и идеология в современной России: тез. докл. Екатеринбург, 1996. С. 86-89; *Он же.* Иностранцы воинские захоронения Второй мировой войны на территории Свердловской области. // Вестник Уральского отделения РАН. 2010. №3 (33). С. 129-143.

⁷² *Владимиров Д.А.* Японские военнопленные в Приморье: новые подходы к решению старых проблем // Последняя точка Второй мировой: Материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы современной международной законности и уроки Токийского и Хабаровского процессов». М.: Юридическая литература, 2009. С. 139-148; *Заборовский В.И.* Японские милитаристы на скамье подсудимых // Последняя точка Второй мировой: Материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы современной международной законности и уроки Токийского и Хабаровского процессов». М.: Юридическая литература, 2009. С. 221-225; *Зимонин В.П.* Маршал А.М. Василевский: принуждение Дальневосточного агрессора к миру. // Последняя точка Второй мировой: Материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы современной международной законности и уроки Токийского и Хабаровского процессов». М.: Юридическая литература, 2009. С. 149-167; *Рябов В.Н.* Хабаровский процесс: факты и уроки // Последняя точка Второй мировой: Материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы современной международной законности и уроки Токийского и Хабаровского процессов». М.: Юридическая литература, 2009. С. 212-220; *Семенов А.М.* Япония была готова к бактериологической войне // Последняя точка Второй мировой: Материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы современной международной законности и уроки Токийского и Хабаровского процессов». М.: Юридическая литература, 2009. С. 246-259.

архива ФСБ РФ ⁷³.

Несмотря на вклад, сделанный отечественными исследователями в историографию темы, целый ряд важных проблем не был затронут в их работах. Не было изучено то, как происходило размещение военнопленных японцев в лагерях НКВД (МВД), в каких отраслях экономики использовался их труд и какова была его эффективность; недостаточно были изучены проблемы, связанные с организацией политической и следственной работы среди военнопленных японцев. Не были исследованы вопросы, связанные с численностью и составом репатриантов — бывших японских военнослужащих, вернувшихся на свою родину.

Пребывание бывших японских солдат и офицеров в трудовых лагерях НКВД с 1945 г. по 1956 г. закрепилось в зарубежной историографии как «сибирское интернирование» ⁷⁴. За последние несколько десятков лет в Японии был опубликован ряд работ, посвященных этой теме, авторами которых выступали как профессиональные историки, так и журналисты. В работах японских исследователей научное изучение «сибирского интернирования» осуществляется в контексте событий, связанных с Японией, которые завершали Вторую мировую войну.

Общей чертой для всех работ японских исследователей, как представляется, является не только схожесть изучаемых проблем (размещения, труда, быта), но и их единая оценка, согласно которой советские власти не предпринимали меры для устранения проблем, связанных со снабжением, размещением и организацией труда японцев. В настоящее время в японской историографии продолжают формироваться, как представляется, два основных подхода в изучении «сибирского интернирования». В рамках первого подхода «сибирское интернирование» исследуется как одно из самых важных событий, повлиявших на послевоенные советско-японские отношения. Второй подход предполагает

⁷³ Христофоров В.С. Хабаровский процесс 1949 г. по материалам Центрального архива ФСБ России // Великая Победа: многотомное продолжающееся издание / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. 2-е изд. Т. 8: Расплата. М., 2013. С. 102-110.

⁷⁴ По-японски: シベリア抑留 («сибэриа ёкью»). По-английски: «siberian internment».

рассмотрение «сибирского интернирования» как элемента другой, более обширной проблемы, касавшейся демобилизации и репатриации всех японских военнослужащих, оказавшихся к моменту подписания Акта о капитуляции Японии (2 сентября 1945 г.) за пределами Японии.

Одним из первых исследований в Японии стала работа Ясуо Вакацуки под названием «Лагеря военнопленных в Сибири»⁷⁵, в которой численность побывавших в лагерях НКВД и рабочих батальонах МВС бывших японских солдат и офицеров была оценена в 600 тыс. человек. Работа В. Ясуо стала, как представляется, первой работой, в которой «сибирское интернирование» было осмыслено с позиции историка, а не непосредственного очевидца событий. Примером работы, выполненной непрофессиональным историком, является работа Тосио Курихара «Японские интернированные в Сибири. Неоконченная трагедия»⁷⁶, в которой автор, интервьюируя непосредственных участников событий и членов их семей, в концентрированном виде представил основные факты и обозначил ключевые проблемы «сибирского интернирования». Работа стала популярна среди массовых читателей.

В 2005 г. была издана работа Гундзи Абэ «Факты насильственного интернирования в Сибири»⁷⁷. Работа Г. Абэ также основана на источниках личного происхождения. Исследователь значительную часть своей работы посвятил проблемам содержания и размещения, условиям труда, снабжению помещенных в лагеря японцев.

Часть выводов, сделанных Г. Абэ в своей работе, была использована им при написании коллективного труда под названием «Японские военнопленные и принудительный труд в СССР после Второй мировой войны», изданным ограниченным тиражом при поддержке Общественного фонда мира и согласия

⁷⁵若槻泰雄『シベリア捕虜収容所ソ連』東京：サイマル出版会，1979（*Вакацуки Ясуо. Сибэриа хорё сюёдзэ. Токио: Саимару Сиппанкай, 1979.*）

⁷⁶栗原俊雄『シベリア抑留：未完の悲劇』東京：岩波書店，2009（*Курихара Тосио. Сибэриа ёкьюрю: микан но хигэки. Токио: Иванами Сётэн, 2009.*）

⁷⁷軍治阿部『シベリア強制抑留の実態』東京：彩流社，2005。（*Гундзи Абэ. Сибэриа кёсэй ёкьюрю но дзитаи. Токио: Сайрюся, 2005.*）

(«Public foundation for peace and consolation»).⁷⁸ Ценность данной работы заключается в том, что в ней были использованы опубликованные документы из сборника «Военнопленные в СССР, 1939-1956: документы и материалы», что позволило Г. Абэ и другим авторам труда опираться не только на источники личного происхождения (мемуары, интервью), но и на статистические данные, содержащиеся в сборнике. В коллективном труде присутствуют данные о заболеваемости и смертности по отдельным лагерям, представленные в виде таблицы.

В работе Ёсикуни Игараси «От поражения до послевоенного устройства: солдаты, что вернулись поздно»⁷⁹ репатриация японцев из СССР рассматривается как часть репатриационного процесса, затронувшего японских военнослужащих, находившихся за пределами Японии. Также к числу работ этого же направления относится и статья Синдзи Ёкотэ «Советская репатриационная политика, оккупационные власти и вступление Японии в «холодную войну»⁸⁰.

В своей статье С. Ёкотэ приходит к выводу, что Япония была втянута в «холодную войну» из-за того, что японское правительство вынуждено было обратиться к оккупационным властям за помощью в решении вопроса о репатриации из СССР японских военнопленных. Автор делает вывод о том, что в конечном итоге затягивание вопроса о репатриации со стороны Советского Союза облегчило налаживание сотрудничества Японии и США в сфере безопасности, отодвинув на второй план все разногласия⁸¹.

Необходимо отметить, что, несмотря на актуальность проблемы «сибирского интернирования», научных исследований, выполненных японскими историками, насчитывается не так много, и выделенные выше направления в японской историографии пока весьма условны. Количество вышедших в

⁷⁸ Japanese Internees and Forced Labor in the USSR after the Second World War. Tokyo: Public Foundation for Peace and Consolation, 2008. -800 p.

⁷⁹ 五十嵐恵邦『敗戦と戦後のあいだで: 遅れて帰りし者たち』東京: 筑摩書房, 2012 (*Игараси Ёсикуни*. Хайсэн то сэнго но аида дэ: Окурэтэ каэриси монотати. Токио: Тикума Сёбо, 2012.)

⁸⁰ *Yokote Shindji*. Soviet repatriation policy, U.S. occupation authorities, and Japan's Entry into the Cold War // *Journal of Cold War Studies*. Vol. 15: Issue 2. 2013. P. 30-50

⁸¹ *Ibid.* P. 50

Японии работ, посвященных «сибирскому интернированию», значительно меньше количества воспоминаний, изданных в разных форматах. Этот факт японский исследователь Томита Такэси объясняет тем, что проблема «сибирского интернирования» до конца 1990-х годов была в большей мере политизирована, что усугубило разделение по политическим убеждениям, существовавшее среди бывших японских военнопленных, вернувшихся из лагерей НКВД (МВД)⁸².

Работы японских историков и публицистов основаны на источниках личного происхождения. Малоисследованными являются документы, хранящиеся в японских архивах⁸³. Они также составлены на основе свидетельств репатриантов, зафиксированных японскими чиновниками после их прибытия на родину. Нельзя также упускать из виду и то, что информация в некоторых видах документов, составленных сотрудниками правительственных японских организаций или представителями штаба главнокомандующего войсками союзников в Японии Д. Макартура, не может быть беспристрастной из-за специфики времени их возникновения — начала «холодной войны». Кроме того, часть этих документов использовалась представителями США в целях критики политики СССР в Японии.

Концентрируясь на реконструкции пребывания японцев в лагерях, японские исследователи в своих работах не рассматривают механизмы функционирования советской системы военного плена, сложившейся к концу 1945 г. Деятельность органов системы военного плена в СССР была частично изучена только Г. Абэ и Т. Такэси. Ряд других вопросов, связанных с

⁸² *Томита Такэси*. Архивные документы о японских военнопленных в Советском Союзе, 1945-1956 г. (перевод Кузнецова С.И.) // Сибирская ссылка. Вып. 6 (18). Иркутск, 2011. С. 592-609. [Электронный ресурс]. URL: http://ellib.library.isu.ru/docs/istoria/p2033-07_E5_10270.pdf (дата обращения: 02.06.2015)

⁸³ Т. Томита полагает, что наиболее важными документами являются анкетные опросы, составленные чиновниками японского репатриационного ведомства по результатам бесед с репатриантами в японских портах, куда они прибывали. Они хранятся в архиве Министерства здравоохранения и труда Японии. Некоторые комплексы архивных документов, составленные по итогам бесед с репатриантами, были изданы («Отчеты помощи репатриации», 1950; «История бюро помощи репатриации в районе Майдзуру», 1961 и др.) В то же время Т. Томита отмечает, что даже в настоящее время сотрудники Министерства здравоохранения Японии не знают, насколько достоверны сведения, изложенные в этих делопроизводственных источниках. // *Томита Такэси*. Указ. соч. С. 595-596.

«сибирским интернированием», среди которых, например, оценка вклада в экономику СССР, полученного от принудительного труда японцев, организация репатриации, следственной работы, не изучается японскими исследователями. Практически неисследованными в работах японских историков являются многие проблемы, связанные с организацией политической работы в лагерях для военнопленных японцев.

Помимо российских и японских историков «сибирское интернирование» изучалось и американскими исследователями. Примером таких работ является изданная в 1988 г. небольшая по объему монография Уильяма Ниммо «За железным занавесом безмолвия: японцы, подвергшиеся тюремному заключению в СССР, 1945-1956»⁸⁴. В этой монографии У. Ниммо на основе источников личного происхождения одним из первых в историографии темы изложил свой взгляд на проблемы «сибирского интернирования», связанные с содержанием в лагерях НКВД (МВД), идеологической обработкой и репатриацией японских военнопленных. В условиях почти полного отсутствия научных работ, связанных с пребыванием японских военнопленных в СССР, в конце 1980-х годов она внесла определенный вклад в зарубежную историографию темы.

Анализ некоторых воспоминаний, посвященных «сибирскому интернированию», был осуществлен в монографии Эндрю Баршэя «Боги первыми оставили нас: плен и репатриация японских военнопленных в Северо-Восточной Азии, 1945-1956»⁸⁵. В своей работе Э. Баршэй изучил несколько наиболее известных в Японии мемуаров и выявил мотивы, которые побудили мемуаристов написать свои воспоминания. «Сибирское интернирование», как считает исследователь, оставило глубокий след в жизни мемуаристов, поскольку они переосмыслили свои прежние взгляды, касавшиеся войны и того политического курса, которое проводило японское правительство до и во время

⁸⁴ *William F. Nimmo. Behind a curtain of silence: Japanese in Soviet Custody, 1945-1956. New York: Greenwood Press, 1988. 149 p.*

⁸⁵ *Andrew Barshay. Andrew E. Barshay. The Gods Left First: The Captivity and Repatriation of Japanese POWs in Northeast Asia, 1945–1956. Berkley: University of California Press, 2013. 272 p.*

Второй мировой войны. Работа Э. Баршэя, несмотря на наличие некоторых спорных утверждений (в частности, исследователь полагает, что какой-либо устоявшейся историографии по теме «сибирского интернирования» пока не существует ⁸⁶), является единственным пока источниковедческим исследованием воспоминаний японцев, вернувшихся из лагерей.

Таким образом, наиболее дискуссионным в историографии проблемы пребывания японских военнопленных на территории СССР является вопрос о том, какую политику проводило руководство Советского Союза в отношении военнопленных японцев. Среди историков по этому вопросу существуют различные точки зрения, порой диаметрально противоположенные друг другу. Одни исследователи (А.А. Кириченко, С.И. Кузнецов, С.В. Карасев, В.В. Карпов, О.Д. Базаров, Е.Ю. Бондаренко, Е.Л. Катасонова, А.Л. Кузьминых, Я. Вакацуки, Г. Абэ, Т. Курихара, У. Ниммо), считают, что руководство СССР осуществляло репрессивную политику в отношении бывших японских военнослужащих и не занималось решением бытовых проблем в лагерях. Другие историки (В.П. Галицкий, М.Н. Спиридонов, Н.М. Маркдорф и Л.В. Михеева), напротив, полагают, что советское руководство предпринимало меры для обеспечения японцев питанием и обмундированием, стремилось создать удовлетворительные условия для их труда и быта.

В отечественной и зарубежной историографии сложился общий подход к изучению темы «сибирского интернирования» как к проблеме гуманитарного характера, которая по сей день влияет на современные российско-японские отношения. Исследователями была в общих чертах обозначена проблематика пребывания японцев на территории СССР. Однако не были всесторонне изучены проблемы, связанные с размещением и использованием труда бывших японских военнослужащих, с организацией политической и следственной работы в отношении японцев, с осуществлением их репатриации. Изучение этих проблем, как представляется, необходимо для выявления характера

⁸⁶ *Andrew E. Barshay. The Gods Left First: The Captivity and Repatriation of Japanese POWs in Northeast Asia, 1945–1956. Berkley: University of California Press, 2013. P. 42*

политики, проводимой советским руководством в отношении японских военнопленных.

Научная новизна диссертации заключается в том, что пребывание японских военнослужащих в лагерях НКВД с 1945 г. по 1956 г. исследуется в контексте экономической и внешнеполитической истории СССР. На основе исторических источников, большая часть которых впервые вводится в научный оборот, в данном исследовании было выполнено следующее:

1. Изучена политика, проводимая руководством Советского Союза и руководством НКВД (МВД) в отношении японских военнопленных, размещенных на территории СССР.
2. Показан процесс распределения японцев в экономической системе Советского Союза.
3. Проанализирована производительность труда военнопленных японцев в период с 1946 г. по 1949 г. В этот период труд японских военнопленных имел наибольшую значимость для советской экономики. Динамика изменений производительности труда представлена в виде диаграммы.
4. Установлено, что продовольственное снабжение японцев зависело от изменений приоритетов развития отраслей народного хозяйства СССР.
5. Исследована организация политической и следственной работы, проводившейся МВД СССР и ГПУ ВС СССР (Главным политическим управлением Вооруженных Сил СССР) в отношении японских военнопленных.
6. Определены состав и численность репатриированных в Японию бывших японских военнослужащих.
7. Выявлено, что осуществление репатриации являлось одним из приоритетов политики органов внутренних дел СССР в отношении военнопленных японцев.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Разоружение японских войск в Маньчжурии, на Южном Сахалине и Курильских островах не было согласовано с капитуляцией остальных

вооруженных сил Японии. Командование Квантунской армии и командование частей, оборонявших Южный Сахалин и Курильские острова, исполняя императорский рескрипт о прекращении сопротивления войскам антигитлеровской коалиции, полагали, что разоружение подчиненных им войск станет частью капитуляции всех вооруженных сил Японии.

2. Японцы являлись мобильной рабочей силой. Советское руководство использовало бывших японских военнослужащих для выполнения тех работ, которые требовали больших физических затрат. Труд военнопленных японцев в основном использовался в строительстве, в угольной, лесозаготовительной и горнодобывающей отраслях.

3. Причинами недостаточного продовольственного обеспечения японских военнопленных и неудовлетворительных жилищно-бытовых условий являлись не только лишения и разруха послевоенных лет, но и неэффективность функционирования системы военного плена в СССР в послевоенный период.

4. Руководство органов внутренних дел осознавало, что сохранение здоровья и своевременное снабжение военнопленных продовольствием в достаточном количестве увеличивало экономическую выгоду от их труда.

5. Целью политической работы, проводимой в лагерях для военнопленных японцев, являлось формирование общественно-политического движения, лояльного по отношению к СССР. Участники этого движения по возвращении в Японию должны были агитировать японцев за улучшение отношений с СССР.

6. Осуществление политической (агитационно-пропагандистской) работы среди военнопленных японцев способствовало изменению идеологических представлений в основном у японских солдат и унтер-офицеров, что приводило к конфликтам с теми японскими офицерами, которые оставались приверженцами милитаристской идеологии.

7. Затягивание сроков репатриации и отказ в предоставлении данных о численности находившихся в СССР японских солдат и офицеров вызывало недовольство японской общественности. Впоследствии это недовольство использовалось США для ослабления влияния СССР в Японии.

8. К весне 1950 г. на территории СССР остались только те военнопленные японцы, которые подозревались в совершении военных преступлений или были уже осуждены за них. Их численность составляла всего 1487 человек.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы, сформулированные в диссертационном исследовании, были изложены в докладах на международных научных конференциях «Великая Отечественная — известная и неизвестная: историческая память и современность» (Коломна, 2015 г.) и «Migration in Global History: peoples, plants, plagues and ports» (Сингапур, 2015 г.). По теме диссертации было издано шесть статей, четыре из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ. Общий объем публикаций составляет 2,0 п.л.

Структура диссертации соответствует поставленным в исследовании задачам. Диссертация состоит из введения, четырех глав, разделенных на параграфы, заключения и списка использованных источников и литературы.

Глава 1.

Распределение военнопленных японцев в системе военного плена СССР

Дискуссии о юридическом статусе японских военнослужащих не утихают и по сей день. На момент окончания советско-японской войны в августе-сентябре 1945 г. действовали нормы международного права, закрепленные Женевской конвенцией от 27 июля 1929 г. Однако на протяжении Второй мировой войны конвенция неоднократно нарушалась не только странами, отказавшимися ее соблюдать, но и государствами, подписавшими ее. В Женевской конвенции 1929 г. не были точно определены условия, в соответствии с которыми военнослужащие становились военнопленными.

Исследователи, которые причисляют японских военнослужащих к категории насильственно интернированных, практически не уделяли внимания детальному освещению того, как и при каких условиях прекратила сопротивление Квантунская армия и японские части, оборонявшие Южный Сахалин и Курильские острова. Незначительное внимание процессу разоружения японских частей уделяют и историки, которые считают, что японские военнослужащие, перемещенные в лагеря НКВД, являлись военнопленными. В главе представлен анализ событий, происходивших во второй половине августа 1945 г. и завершавших советско-японскую войну. Их изучение позволит выяснить, капитулировало ли японское командование и личный состав японских войск перед Красной Армией. Таким образом, будет внесен вклад в исследование вопроса о том, являлись ли японцы военнопленными. Также будет предпринята попытка установить численность японских военнослужащих, прекративших сопротивление в Маньчжурии, на Сахалине и Курильских островах.

Размещение, обустройство, привлечение к труду и политическое просвещение сотен тысяч японских военнослужащих требовало создания не только разветвленной сети лагерей, но и сети органов снабжения, учреждений санитарного и медицинского обслуживания, объединенные в систему военного

плена. Во втором параграфе главы рассмотрены иерархия и функции этой громоздкой системы.

Проблемы, связанные с международным правом, которые не были изучены в историографии пребывания японских военнослужащих на территории СССР, не исчерпываются одной только проблемой определения юридического статуса японцев. Нерешенным остается вопрос о том, соответствовали ли жилищно-бытовые условия, созданные в лагерях для японских военнослужащих, статьям Женевской конвенции 1929 г., определявшим условия проживания военнопленных. В настоящее время следует признать правоту тех историков, которые указывали на отсутствие достойных условий содержания и размещения японцев в лагерях НКВД. В третьем параграфе главы рассмотрены меры, предпринимавшиеся руководством НКВД (с марта 1946 г. — МВД) для размещения и обустройства быта бывших военнослужащих вооруженных сил Японии в лагерях НКВД (МВД).

1.1. Завершение советско-японской войны, разоружение японских военнослужащих и проблема их юридического статуса

26 июля 1945 г. союзные державы (Великобритания, США, Китай) опубликовали Потсдамскую декларацию, в которой содержалось требование немедленной капитуляции Японии — последнего воевавшего союзника побежденной нацистской Германии. Японское правительство не приняло условия Потсдамской декларации. 8 августа 1945 г. Советский Союз присоединился к Потсдамской декларации, и, согласно договоренностям, данным в ходе Ялтинской конференции (февраль 1945 г.), Красная Армия начала военные действия против японских войск, дислоцированных на территории Маньчжоу-Го («Государство Маньчжурия»). Маньчжоу-Го с марта 1932 г. по август 1945 г. было полностью подчинено Японии и лишено суверенитета и какой-либо самостоятельности во внутренней и внешней политике, даже формальной. 11 августа советские войска начали наступление против вооруженных сил Японии, оборонявших Южный Сахалин, а 18 августа был высажен десант на остров Шумшу, относящийся к Большой Курильской

гряде.

Военные действия проводились в рамках Маньчжурской наступательной, Южно-Сахалинской и Курильской операций. Они были осуществлены силами 1-го и 2-го Дальневосточных и Забайкальского фронтов, а также силами Тихоокеанского флота. Квантунская армия имела в своем подчинении порядка 750-800 тыс. военнослужащих. Позднее события, происходившие в августе 1945 г. в Маньчжурии, Корее, на Сахалине и Курильских островах вошли в историографию как «советско-японская война 1945 г.»

14 августа 1945 г. японский император Хирохито издал рескрипт о принятии Японией условий Потсдамской декларации. 15 августа Хирохито обратился к японской нации по радио и зачитал текст своего рескрипта.

16 августа 1945 г. в 16 часов по радио из города Чанчунь на английском языке было передано обращение штаба Квантунской армии к командованию советскими войсками на Дальнем Востоке, в котором содержалась просьба прекратить все наступательные маневры ввиду того, что Квантунская армия со своей стороны готова прекратить все военные операции и передать советской стороне огнестрельное и другое вооружение⁸⁷. В сообщении были указаны частоты волн, на которых будут передаваться в случае надобности дальнейшие сообщения, начиная с 12. по маньчжурскому времени (1.00 следующего дня по хабаровскому времени). Сообщение было повторено еще шесть раз, а его содержание было перехвачено «СпецТАСС» в Хабаровске и передано главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке маршалу Советского Союза А.М. Василевскому.

Ответ А.М. Василевского не заставил себя долго ждать: на следующий день 17 августа в 6.00 утра (видимо, по маньчжурскому времени⁸⁸) в своем ответном послании он отметил, что в обращении штаба Квантунской армии ни слова не было сказано о капитуляции японских вооруженных сил. Более того, как сообщалось в послании штабу Квантунской армии, японцы на ряде участков

⁸⁷ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18 (7-2). С. 50

⁸⁸ Время согласно часовому поясу в Маньчжурии (ныне Китай) отстает от времени в хабаровском часовом поясе на 1 час.

советско-японского фронта перешли в контрнаступление. А.М. Василевский предложил японскому командованию 20 августа с 12.00 прекратить военные действия на всех участках фронта, сложить оружие и сдаться в плен. При этом главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке указал, что советские войска прекратят боевые действия только тогда, когда японские войска начнут сдавать оружие.

17 августа в 13.00 в советское консульство в Харбине прибыл начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Хикосабуро Хата. Он указал, что приказ о прекращении сопротивления был передан не всем частям Квантунской армии, поскольку они были окружены советскими войсками и продолжали вести оборонительные бои, а коммуникация с ними была нарушена. Также он упомянул, что китайское население, видя, что японские войска сдают оружие, могут уничтожить заводы, технику и имущество, которые японское командование желало передать Красной Армии. Учитывая эти обстоятельства, Х. Хата от лица штаба Квантунской армии просил разрешить ему отправиться в штаб главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке для обсуждения конкретных вопросов порядка сдачи оружия японскими войсками⁸⁹.

Вечером того же дня начальник разведывательного отдела штаба Забайкальского фронта генерал-майор П.С. Попов сообщил о том, что в 18.05 на все радиостанции крупных войсковых штабов и гарнизонов японцев был передан повторяющийся приказ главнокомандующего Квантунской армией генерала Отодзо Ямада, в котором тот предписал прекратить военные действия в отношении Красной Армии и сдать оружие советским войскам⁹⁰. Через час начальник штаба 1-го Дальневосточного фронта передал штабу главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке, что командование японского 1-го фронта Квантунской армии известило о том, что, начиная с 19.03, представители их командования на самолетах вылетят в свои

⁸⁹ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18 (7-2). С. 53

⁹⁰ Там же. С. 52

части, чтобы довести до подчиненных содержание приказа главнокомандующего Квантунской армии, и вышлют в сторону советских войск парламентаров на самолетах, в связи с чем командование японского 1-го фронта просило не открывать огонь по этим самолетам.

18 августа в 3.30 утра по маньчжурскому времени в обращении, переданном по радио в г. Синьцзине, О. Ямада подтвердил получение ответного обращения А.М. Василевского и попросил его не сбивать поднявшиеся в воздух японские самолеты, поскольку те сбрасывали в расположение окруженных частей листовки, содержащие текст приказа, чтобы довести его таким образом до личного состава блокированных Красной Армией японских войск. Ранее сделать это было невозможно из-за плохих метеоусловий. В 4.30 утра А.М. Василевский через свою радиogramму просил передать Х. Хата, что представители 1-го Дальневосточного фронта Красной Армии после 20.00 этого же дня готовы встретиться с представителями командования японских войск, действовавших в районе г. Харбин.

В тот же день, вероятно, ближе к вечеру, уже А.М. Василевский приказал советским войскам прекращать боевые действия там, где японские войска не будут продолжать вести огонь, а также потребовал от всего личного состава частей Красной Армии проявлять хорошее отношение к капитулирующим японским войскам «как при пленении, так и при содержании во фронтовых лагерях»⁹¹. Все захваченное имущество он разрешил признавать трофейным, подвергать учету, использовать на месте или вывозить на приграничную с СССР территорию.

В 9.00 19 августа 1945 г. из Харбина в штаб 1-го Дальневосточного фронта были доставлены представители японского командования, среди которых был и начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Х. Хата. В 15.00 19 августа Х. Хата в качестве представителя японского командования встретился с А.М. Василевским. Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке, указав на районы, где должны были быть сосредоточены японские

⁹¹ Там же. С. 56

войска для организованной сдачи оружия, отметил, что некоторыми японскими частями еще оказывалось сопротивление. На это Х. Хата возразил, что из-за нарушения коммуникации «японская армия потеряла сразу же управление»⁹². Напоследок главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке вручил Х. Хата предназначавшийся О. Ямаде ультиматум, в котором потребовал обеспечить прекращение боевых действий не позднее 12.00 20 августа; немедленно прекратить все передвижения японских войск, связаться с представителями советского командования на отдельных участках фронта для переговоров об условиях сложения оружия; сдать список частей Квантунской армии; учесть, что на первое время питание и санитарный уход должны организовываться за счет сил и средств Квантунской армии⁹³. Позднее командующим всех фронтов из штаба главного командования войсками на Дальнем Востоке поступил приказ А.М. Василевского о необходимости организации учета всех частей и соединений противника, сложивших оружие. Разоружение регулярных японских войск началось 19 августа и завершилось в начале сентября 1945 г. 20 августа О. Ямада на встрече с заместителем командующего войсками Забайкальского фронта доложил о том, что его приказ о сложении оружия был отдан всем японским частям.

Прием разоруженных японских солдат и офицеров не был прекращен и после 2 сентября 1945 г. Отдельные группы и гарнизоны противника вследствие нарушения коммуникации со штабом Квантунской армии отказались выполнять приказ О. Ямады по собственному решению, посчитали его за дезинформацию или не получили его. Японские части, оборонявшие Курильские острова, также продолжали сопротивление. В тылу советских войск продолжали действовать разведывательные и диверсионные отряды противника. В то же время в донесениях командующих фронтами с начала боевых действий в Маньчжурии по первую декаду сентября 1945 г. различия между организованно сдавшими оружие японцами (выполнявшими приказ командования) и японцами,

⁹² Там же. С. 61

⁹³ Там же.

сложившими оружие по собственной воле, отсутствовали. При этом численность последних, как показывают другие источники, была крайне мала.

Согласно информационной сводке № 93 (451) за 17 августа 1945 г., составленной на следующий день 7-м Управлением Главного Политуправления Рабоче-Крестьянской Красной Армии (ГлавПУРККА) по материалам политуправлений Забайкальского и двух Дальневосточных фронтов, число пленных в первые дни войны было незначительным: так, к 11 августа на весь Забайкальский фронт приходилось всего 18 пленников японцев, при этом за 16 августа войска 1-го Дальневосточного фронта не взяли в плен ни одного японца⁹⁴. Среди военнопленных были не только рядовые и унтер-офицеры, но даже и высшие офицеры, соглашавшиеся на сотрудничество. Но в основной массе японцы оказывали упорное сопротивление и сдаваться не желали, даже несмотря на меры, предпринятые советскими политуправлениями. К 12 августа советскими войсками всех фронтов было распространено 9 миллионов 600 тысяч листовок, в которых содержался призыв к японским военнослужащим сдаваться в плен. Однако эти листовки оказывали действие в основном на вспомогательные войска, состоявшие из монголов и китайцев⁹⁵. Пленный китаец Ван Шу Чен, служивший в войсках Маньчжоу-Го, сообщил о том, что «китайское население не хочет войны с Советским Союзом... при случае китайцы будут охотно сдаваться в плен»⁹⁶.

Добровольное сложение оружия, как и сдача в плен, в японской армии считалось не просто позорным, а недопустимым. При этом подавляющее большинство японцев не были фанатично настроены и не верили в то, что Япония одержит победу. Тем не менее, даже зная об обращении японского императора от 14 августа 1945 г. о принятии условий Потсдамской декларации, японцы продолжали выполнять приказы своего командования и не желали сдаваться в плен. Даже страх смерти на поле боя уступал чувству вины за моральное наказание в случае сдачи в плен, которое накладывалось не только

⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 319. Л. 24, 60

⁹⁵ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18 (7-2). С. 61

⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 319. Л. 61

на военнослужащего, но и на его семью. Согласно информационной сводке 7-го управления ГлавПУРККА от 23 августа, составленной по материалам политуправления 1-го Дальневосточного фронта, один из японских солдат, плененных до получения приказа о сложении оружия, рассказал: «В Японию я возвращаться не хотел бы, если я вернусь, все будут знать, что я изменник. Если же я здесь останусь, меня будут считать погибшим... я не хотел бы упоминать своего имени. В противном случае будет репрессирована моя семья»⁹⁷. Японская пропаганда, в свою очередь, распространяла слухи о том, что японских солдат и офицеров, попавших в плен к советским войскам, советские военнослужащие немедленно убивали. Согласно материалам политуправления 1-го Дальневосточного фронта от 14 августа, один из плененных японцев отметил, что в советском плену, вопреки заявлениям его командиров, военнопленных не убивают, а, напротив, разрешают всем пленным после войны поехать по своему усмотрению в любую страну⁹⁸.

Не только советское командование, но и советское руководство считало разоруженный личный состав японских войск военнопленным контингентом и полагало, что японских солдат и офицеров было допустимо использовать на внутренних работах по восстановлению народного хозяйства Советского Союза. 23 августа 1945 г. ГКО издал постановление № 9898сс «О приеме, размещении и трудовом использовании военнопленных японской армии»⁹⁹. Постановление предписывало отобрать «до пятисот тысяч бывших японских военнослужащих» и направить в лагеря НКВД для работ по восстановлению народного хозяйства.

В историографии темы вопрос об определении статуса японских военнослужащих, сдавших оружие Красной Армии в августе 1945 г., как уже было отмечено, является дискуссионным по сей день. При этом само понятие «японские военнопленные» является условным. Его условность объясняется не только дискуссионностью вопроса о том, допустимо ли признавать их

⁹⁷ Там же. Л. 52

⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 319. Л. 53

⁹⁹ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18 (7-2). С. 175-179

военнопленными, но и тем, что среди сдавших оружие японских были не только японцы.

Во второй половине августа, примерно к 14-16 числам японские части на севере Маньчжурии были вынуждены отступить под натиском советских войск. Отступая, японцы оставляли в арьергарде подразделения китайской полиции. В конце августа, уже после того, как регулярный состав Квантунской армии был разоружен, советское командование освободило больных, тяжелораненых, инвалидов, подростков, стариков, а также значительное число корейцев, китайцев, монголов и других военнослужащих, по национальности не являвшихся японцами. Большинство из них были зачислены в Квантунскую армию накануне советско-японской войны и входили в состав вспомогательных вооруженных формирований Квантунской армии, обеспечивавших поддержку регулярным воинским частям, состоявшим из японцев. Данные о соотношении численности японцев к численности тех, кто не являлся японцами по национальности среди сложивших оружие военнослужащих, были неизвестны даже руководству Советского Союза. 8 декабря 1945 г. В.М. Молотову от начальника Генерального штаба РККА генерала армии А.И. Антонова поступила справка, в которой численность военнослужащих Квантунской армии и вспомогательных сил, сложивших оружие в августе 1945 г., была определена в 608360 человек¹⁰⁰. В.М. Молотов, получив справку, сделал на ней же пометку: «Сколько всего японцев и неапонцев?» (последнее слово он подчеркнул). Точного ответа, вероятно, В.М. Молотов так и не получил.

Понятие «японские военнослужащие» и «японские военнопленные» не совсем верно отражает фактический национальный состав военнослужащих Квантунской армии, а также частей, дислоцированных в Корее, на Курильских островах и Южном Сахалине. Тем не менее, обозначение входивших в эти соединения военнослужащих кратким понятием «японские военнопленные» уже повсеместно распространено в японской (*нихон ёкурюся*), отечественной и зарубежной («Japanese internees») историографии темы. Подавляющее

¹⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1388. Л. 17

большинство отправленных в тыл СССР военнослужащих являлись японцами по национальности и были подданными Японии. Этот факт, а также сложившаяся в историографии традиция и обусловили название темы диссертационного исследования.

Дискуссионность вопроса о юридическом статусе японских военнослужащих, размещенных в лагерях НКВД в 1945 г., объясняется неопределенностью понятия «военнопленный», и, соответственно, возникающими разногласиями относительно того, как и при каких условиях военнослужащие становились военнопленными. Военнопленными, как известно, становятся военнослужащие побежденной стороны после капитуляции противника. С самого начала переговоров советское командование было уверено, что решение японского командования о прекращении огня и последующей сдаче оружия советским частям означает капитуляцию вооруженных сил Квантунской армии, а также японских частей, оборонявших Курильские острова и Южный Сахалин. Капитуляция, при этом, не является одномоментным событием, а является процессом.

Согласно Большой Советской энциклопедии (БСЭ) третьего издания¹⁰¹ капитуляция в общепринятом значении подразумевает прекращение всякого сопротивления на условиях, предъявляемых победителем или согласованных в результате переговоров между командующими¹⁰². При этом все вооружение, техника, движимое и недвижимое военное имущество передаются победившей стороне, а личный состав противника поступает в ее распоряжение в качестве пленных. С точки зрения международного права, как гласит БСЭ, капитуляция означает прекращение вооруженной борьбы и сдачу вооруженных сил воюющего государства¹⁰³. При этом в БСЭ третьего издания из общего определения была выделена *безоговорочная капитуляция*, подписание которой означает полный

¹⁰¹ Определение понятия «капитуляция» во втором издании (Большая Советская энциклопедия. / Главный редактор Б.А. Введенский. Издание второе. Т. 20: Кандидат-кинескоп. М., 1953. С. 74) отличается отсутствием второго определения понятия с позиции международного права.

¹⁰² Большая Советская энциклопедия. / Главный редактор А.М. Прохоров. Издание третье. Т. 11: Италия-Кваркуш. М.: издательство «советская энциклопедия», 1973. С. 359

¹⁰³ Указ. соч. С. 359

разгром и сдачу в плен всех военнослужащих вооруженных сил побежденного государства. Именно безоговорочная капитуляция, согласно определению в БСЭ третьего издания, была подписана Японией 2 сентября 1945 г.

В Новой Российской энциклопедии (НРЭ) было исключено общеупотребительное значение этого понятия, а оставлено только то значение, которое вкладывалось в понятие международным правом. Под капитуляцией с точки зрения международного права в НРЭ также подразумевается прекращение сопротивления всех вражеских вооруженных сил или их отдельных частей (окруженных группировок или гарнизонов), передача военного имущества и вооружения, а также зачисление личного состава в категорию военнопленных¹⁰⁴. Капитуляция, как отмечается, не означает прекращение состояния войны, если она не является безоговорочной. При этом безоговорочная капитуляция, согласно данному в НРЭ определению, является прекращением военных действий с обязательством прекращения состояния войны (заключения мирного договора). Таким образом, в статье о капитуляции, напечатанной в НРЭ, в достаточно размытом виде были синтезированы два приведенных в БСЭ определения. Как представляется, была допущена принципиальная ошибка в определении безоговорочной капитуляции, поскольку прекращение состояния войны с Германией (ФРГ) было объявлено лишь 25 января 1955 г., т.е. 10 лет спустя после подписания безоговорочной капитуляции, в то же время как прекращение состояния войны СССР с Японией было объявлено 12 декабря 1956 г., а мирный договор, разрешающий все спорные вопросы во взаимоотношениях СССР с Японией, не заключен сторонами вплоть до настоящего времени.

Применительно к событиям августа 1945 г. капитуляция японских частей, следовательно, состояла из трех этапов: 1) свертывание наступательных операций, прекращение боевых действий; 2) сложение оружия, передача всего вооружения, движимого и недвижимого военного имущества и инвентаря,

¹⁰⁴ Новая Российская энциклопедия: в 12 т. / Редкол.: А.Д. Некипелов, В.И. Данилов-Данильян и др. Т. 7(2): Казарки-Квазистационарный. М.: ООО «Издательство «Энциклопедия»: ИД «ИНФРА-М», 2010. С. 230

ранее принадлежавших японцам, в ведение войск Красной Армии; 3) пленение всего личного состава противника. В своих приказах начиная уже с 17 августа 1945 г. главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке А.М. Василевский рассматривал японские войска не иначе как капитулировавшие. Переговоры между представителями японского и советского командного составов велись относительно двух первых пунктов, при этом относительно третьего пункта мнения сторон явно разделились.

Ход переговоров О. Ямады и А.М. Василевского показывает, что результатом переговоров стала капитуляция японских вооруженных сил, завершением которых должно было являться пленение личного состава противника, особенно учитывая обстоятельства подписания безоговорочной капитуляции представителями военного командования Германии. А.М. Василевский, его штабное окружение, командование фронтов и армий были уверены, что действия командования японских войск в Маньчжурии и на Курильских островах были вызваны их бесперспективным стратегическим положением, что весьма напоминало положение Вермахта, сложившееся к концу апреля — началу мая 1945 г. Допросы представителей японского командования использовались для подтверждения того, что именно успешные действия войск Красной Армии привели к капитуляции японских войск.

В приказе командующего Квантунской армией, насколько было известно со слов самого О. Ямады и по разведывательным донесениям, речь шла только о прекращении военных действий и сдаче оружия советским войскам. Характер этих процессов никак не обозначался, причем ни о статусе Квантунской армии как организационной единицы, ни о статусе его личного состава упомянуто не было. 18 августа в 3.30 утра по маньчжурскому времени по радио О. Ямада обещал А.М. Василевскому, что «все воинские части, находящиеся в соприкосновении с Вашими войсками, до указанного Вами срока сдадут оружие и капитулируют»¹⁰⁵.

Император Хирохито, объявляя своим подданным о том, что Япония

¹⁰⁵ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18 (7-2). С. 53

соглашается на условия, выдвинутые Советским Союзом, США, Великобританией и Китаем, не уточнил в своем рескрипте от 14 августа 1945 г., будут ли японские солдаты и офицеры, прекратившие сопротивление войскам антигитлеровской коалиции, считаться военнопленными. Статус японских военнослужащих, которые должны были сложить оружие, не был оговорен японским императором и в его рескрипте «К солдатам и матросам» от 17 августа.

Э. Баршэй в своей работе упоминает о том, что император Хирохито в своем приказе, изданном 18 августа, указал, что «военнослужащие, которые были вынуждены согласиться на безоговорочную капитуляцию», не будут считаться военнопленными¹⁰⁶. Затем, продолжает Э. Баршэй, императорской ставкой Японии от имени генерала Ёсидзиро Умэдзу, начальника генерального штаба императорской армии Японии, был издан приказ № 1385, в котором было указано, что все оказавшиеся под контролем вражеских сил японские солдаты и офицеры, к которым был адресован императорский рескрипт от 17 августа, не являются военнопленными¹⁰⁷.

Командование Квантунской армии в приказе о прекращении сопротивления и о сложении оружия от 17 августа 1945 г. прямо не указывало, какой статус будут иметь военнослужащие Квантунской армии после того, как сдадут оружие советским войскам. Японское командование на местах, выполняя приказ командующего Квантунской армией, полагало, что лишь прекращает сопротивление и боевые действия, сдавая переходящим линию фронта частям Красной Армии вооружение и личное стрелковое оружие в качестве доказательства своих намерений. Исполняя приказ о прекращении сопротивления, японское командование не считало, что все подчинившиеся японскому командованию военнослужащие с того момента, как они сдали оружие советским частям, поступали в распоряжение победившей их стороне. Также требование А.М. Василевского о том, чтобы японские войска сдавали

¹⁰⁶ Andrew Barshay. Ibid. P. 20.

¹⁰⁷ Andrew Barshay. Ibid. P. 20

оружие организовано и сами наладили питание и санитарный уход за своими ранеными военнослужащими, еще больше укрепило веру японского командования на местах (а вместе с ним и большую часть личного состава японских войск) в то, что речь об их пленении не идет.

26 августа 1945 г. представитель главнокомандующего Советскими войсками на Дальнем Востоке генерал-лейтенант Ф.А. Феденко доложил А.М. Василевскому о содержании разговора, который состоялся в тот же день между ним и представителем генштаба Японии¹⁰⁸ подполковником Асада¹⁰⁹. Асада сообщил, что генеральный штаб императорской армии Японии планировал обсудить ход капитуляции всех японских частей «на самом высшем уровне». Разоружение японских войск, как ожидалось, должно было проходить последовательно и организовано. Однако, в связи с тем, что Квантунская армия из-за своего положения начала процесс разоружения раньше других японских армий, противостоящих войскам стран антигитлеровской коалиции, генштаб императорской армии Японии выработал мнение о том, что войска Квантунской армии должны были отходить беспрепятственно, освобождая не только Маньчжурию, Корейский полуостров, Южный Сахалин, Северный Китай вместе с городом Тяньцзинем, но и острова Цусима и Сайсю. Это, согласно замыслу генштаба императорской армии Японии, уменьшило бы влияние США на Дальнем Востоке. Поэтому члены генерального штаба императорской армии Японии и японские высшие армейские чины считали целесообразным еще до выработки окончательного мнения руководств СССР, США, Великобритании и Китая решить вопрос об упомянутых территориях в пользу СССР.

Подполковник Асада свидетельствовал, что телеграмма, в которой был отражен замысел генштаба императорской армии Японии, была вручена 18 августа 1945 г. генерал-лейтенанту Х. Хата лично Асадой. На встрече с

¹⁰⁸ Так в источнике. Скорее всего, имелся ввиду генеральный штаб императорской армии Японии.

¹⁰⁹ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18 (7-2). С. 65

А.М. Василевским¹¹⁰, как утверждал подполковник Асада, Х. Хата отметил, что советские войска продвигаются недостаточно быстро в южном направлении. Прибытие самого Асады, с его же слов, было связано с обеспечением «благоприятных условий, военных и политических, для продвижения советских войск на юг»¹¹¹. Разоружение японских войск, дислоцированных в Северном Китае (в частности, в Пекине и Тяньцзине), согласно расчету генерального штаба императорской армии Японии, должны были осуществлять советские войска, к которым «у японцев отсутствуют враждебные чувства».

Таким образом, расчет генерального штаба императорской армии Японии строился на том, что Советский Союз, получив под свой контроль значительные территории, не станет требовать дополнительных репараций, и все японские военнослужащие, сдавшие оружие войскам Красной Армии, смогут вернуться на свою родину. Впрочем, подполковник Асада подчеркнул, что замыслы генштаба императорской армии Японии были известны только высшим армейским чинам и держались в секрете от политической верхушки страны — руководств японских министерств армии (вооруженных сил) и иностранных дел, а также императорских кругов.

Согласно воспоминания К.А. Мерецкова, командующего 1-м Дальневосточным фронтом, генерал-майор М. Томокацу, заместитель начальника штаба Квантунской армии, 22 августа 1945 г. на допросе заявил, что «Япония хотела бы иметь дружбу с Советским Союзом, так как России и Японии легче иметь дружественные отношения, нежели Японии, с одной стороны, Англии и Америке — с другой»¹¹². Генерал-лейтенант М. Уэмура, командующий 4-й отдельной армией в составе Квантунской армии, 23 августа 1945 г. на допросе вспомнил о том, что в разговоре с генералом У. Дзюн (командующим 3-м фронтом Квантунской армии) еще год назад высказывал мысль об отчуждении Маньчжурии в пользу СССР для улучшения отношений

¹¹⁰ Скорее всего, подполковник Асада имел ввиду встречу Х. Хата с А.М. Василевским в штабе 1-го Дальневосточного фронта, состоявшуюся 19 августа.

¹¹¹ Там же. С. 66

¹¹² Мерецков К.А. Указ. соч. С. 447

между двумя странами¹¹³.

Реальное положение дел не позволило воплотить замысел генштаба императорской армии Японии. 19 августа А.М. Василевский в своем ультиматуме главнокомандующему Квантунской армии О. Ямада всякие передвижения японских войск разрешил производить только по его указанию. А в августе-сентябре 1945 г. политическое руководство США достаточно жестко обозначило свои интересы, в сферу которых входила не только вся Япония (включая и о. Хоккайдо), но и юг Корейского полуострова, а также большая часть Китая, в котором набирало активность движение Чан Кайши, симпатизировавшее американцам. Советское руководство не стало вступать в конфронтацию с позицией американского правительства, удовлетворившись договоренностями, достигнутыми в ходе Ялтинского соглашения, а также фактическим положением дел, при котором Маньчжурия и Северная Корея оставались подконтрольны Красной Армии. Дальнейшая судьба японских военнослужащих целиком и полностью зависела от решений руководства Советского Союза.

В структуру Квантунской армии входили не только кадровые военнослужащие, служившие в регулярных соединениях. Командованию Квантунской армии подчинялись вооруженные силы Маньчжоу-Го и Мэнцзяна¹¹⁴, набранные из местного населения. В Маньчжурии всеми вопросами гражданского управления фактически занималась японская военная администрация, к которой относились и жандармские, полицейские, разведывательные и контрразведывательные органы, профессорско-преподавательский состав кадетских школ и училищ. Согласно действовавшим в японских войсках представлениям все они не имели прямого отношения к армии, однако их деятельность была направлена против Красной Армии.

¹¹³ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18 (7-2). С. 302

¹¹⁴ Мэнцзян — государственное образование, созданное при поддержке японской военной администрации 29 июня 1936 г. Возглавлялось князем (Дэ Ваном) Дэмчиг Донровом, который являлся главой вооруженных сил этого государственного образования. Подробнее о роли японских советников в становлении Мэнцзяна см.: Дудин П.В. Место и роль японских советников в системе органов государственной власти Мэнцзяна // Власть. № 7. 2014. С. 104-109

На момент завершения военных действий в Маньчжурии условия содержания военнопленных, попавших в плен, регламентировались конвенцией о содержании военнопленных, принятой в Женеве 27 июля 1929 г. Действие конвенции было распространено на категории лиц, перечисленных в приложении к Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г., а также на всех тех, кто принадлежал к вооруженным силам воюющих сторон и был взят в плен при осуществлении военно-морских и военно-воздушных операций¹¹⁵.

Согласно статье 1 приложения к Гаагской конвенции о законах и обычаях ведения сухопутной войны права и обязанности войны распространялись не только на армию, но также на милицию (ополчение) и добровольческие части, причем, в случае, если они образуют подразделение или составляют его часть, то являются армией¹¹⁶. Сражающимся (комбатантом) признавалось лицо, которое 1) подчинялось вышестоящему начальству, 2) имело «установленный и отличительный знак, распознаваемый на расстоянии», 3) носило оружие открыто, 4) соблюдало в своих действиях законы и обычаи войны¹¹⁷. Любые гражданские лица, проживающие на незанятой территории, которые добровольно носили оружие, также признавались комбатантами, если они были вооружены и соблюдали законы и обычаи войны. Определение несражающихся (некомбатантов) в конвенции не вводилось, хотя и указывалось, что они могут являться частью военных сил воюющих сторон, а в случае попадания под контроль противника они пользовались правами военнопленных¹¹⁸.

В обеих конвенциях не было сказано ни слова о событиях, происходивших до прекращения комбатантами военных действий. Это обстоятельство позволяет игнорировать события военного и политического характера, предшествовавшие разоружению японских войск, при трактовке вопроса об их юридическом статусе. Отправной точкой для действия международного права, согласно

¹¹⁵ Военнопленные в СССР. 1939-1956: документы и материалы. С. 1012

¹¹⁶ Там же. С. 1012

¹¹⁷ Вторая конференция мира. 1907. Спб.: Министерство иностранных дел, 1908. С. 16

¹¹⁸ Указ. соч. С. 16

положениям Гаагской конвенции, считается момент попадания комбатантов во власть победившей стороны, причем не имело значения то, каким именно образом они были разоружены.

Японские военнослужащие, как и подчинявшиеся командованию Квантунской армии вспомогательные части, сдавшие оружие частям Красной Армии в августе 1945 г., попадали по крайней мере под три из четырех признаков, определявших их как комбатантов. Согласно четвертому признаку, комбатантом признавался тот, кто соблюдал правила и законы войны. Правила и законы войны были определены в Гаагской конвенции о законах и обычаях войны 1899 г. Конвенция, в свою очередь, опиралась на выработанные еще в середине-последней трети XIX в. представления о законах и обычаях сухопутной войны, согласно которым не разрешалось использование запрещенных способов ведения военных действий. Список запрещенных способов в Гаагской конвенции 1899 г. определен не был. Юрист Ф.Ф. Мартенс во втором томе монографии «Современное международное право цивилизованных народов» указывал, что к перечню запрещенных средств ведения военных действий относятся: использование отравленного оружия или яда; вероломное убийство лиц, принадлежащих неприятельской армии (через подосланных убийц) и любой «изменнический способ лишения жизни»; употребление оружия или снарядов, причиняющих напрасные физические страдания; всякое разрушение или захват неприятельской собственности¹¹⁹. Лица, осуществлявшие снабжение японской армии, приготовление пищи для японских военнослужащих относились к категории невоюющих (некомбатантов), которые, тем не менее, пользовались правами военнопленных.

Однако с 1899 г. за прошедшие десятки лет до момента окончания Второй мировой войны значительно поменялся как технический уровень оснащения сторон в вооруженных конфликтах, так и изменились способы взаимодействия победившей стороны с гражданским населением. Прежние представления о

¹¹⁹ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. Изд. 4-е, доп. и испр. СПб., 1900. Т. 2. С. 473-474.

законах и обычаях войны, которые не были кодифицированы и коренились в практике войн XIX в., претерпели изменения. Арсенал способов ведения боевых действий, который был предусмотрен правилами и обычаями ведения войны в конвенциях 1899г. и 1907 г., был значительно расширен в ходе Второй мировой войны.

Деятельность сотрудников японских жандармских, полицейских, контрразведывательных и разведывательных органов Маньчжурии и военных миссий, не подпадала под действие конвенций, поскольку четкое определение невоюющего лица (некомбатанта) в них отсутствовало. В то же время, считаться интернированными они также не могли, поскольку гражданскими лицами не являлись, носили форму и имели право на ношение оружия, а также были подчинены начальству, руководившему их действиями.

Таким образом, завершая рассмотрение базовых определений норм международного права о военнопленных, следует признать, что они являлись устаревшими на момент окончания Второй мировой войны. Целые категории лиц не подпадали под действие международного права. Тем не менее, вышеприведенные положения международных конвенций позволяют считать, что все военнослужащие частей, находившихся в подчинении у командования Квантунской армии, как и само командование Квантунской армии, являлись военнопленными. Согласно Женевской конвенции о содержании военнопленных от 27 июля 1929 г. СССР имел право использовать труд военнопленных японцев. Тем не менее, следует отметить, что СССР не соблюдал 9-го пункта Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г., в котором японским военнослужащим разрешалось вернуться в Японию после их разоружения.

Несмотря на то, что Советский Союз не подписал Женевскую конвенцию о содержании военнопленных от 27 июля 1929 г., взамен ей 19 марта 1931 г. в постановлении ЦИК И СНК СССР № 46 было утверждено «Положение о военнопленных», которое основывалось на тех же принципах, что и Женевская конвенция от 27 июля 1929 г. Согласно ему, военнопленными признавались все

лица, которые: 1) входили в состав вооруженных сил государств, находившихся в состоянии войны с СССР; 2) принадлежали к населению территории, не занятой войсками РККА, имели признаки военной организации, открыто носили оружие и соблюдали обычаи и законы войны¹²⁰; 3) принадлежали к населению территории, не занятой войсками РККА, которое осуществляло вооруженную борьбу против РККА, открыто носили оружие, соблюдали в своих действиях законы и обычаи войны, но не были объединены в отряды. Гражданские лица, сопровождавшие с надлежащего разрешения вражескую армию, а также те, кто находились на морских и воздушных судах, могли быть признаны военнопленными.

1 июля 1941 г. «Положение о военнопленных» от 19 марта 1931 г. утратило силу в связи с утверждением в постановлении СНК СССР № 1798-800с нового «Положения о военнопленных». Существенных изменений в определении того, кого следует считать военнопленными, «Положение о военнопленных» от 1 июля 1941 г. по сравнению с предыдущим «Положением» не внесло: военнопленными считались лица, принадлежавшие к составу вооруженных сил вражеских государств, находящихся в состоянии войны с СССР, открыто носившие оружие и входившие в состав вооруженных отрядов, не принадлежавших к вооруженным силам противника, а также гражданские лица, сопровождавшие с соответствующего разрешения армию и флот противника, захваченные при военных действиях¹²¹. «Положение о военнопленных» от 1 июля 1941 г. действовало во время советско-японской войны и после нее. Согласно ему, военнослужащие японских войск, вооруженные силы Маньчжоу-Го и Мэнцзяна, диверсанты, сотрудники полицейских и специальных органов, преподаватели и учащиеся военно-учебных учреждений, а также гражданские лица, сопровождавшие японские войска, согласно внутреннему законодательству Советского Союза однозначно считались военнопленными.

Другим вопросом, не менее дискуссионным, нежели вопрос о статусе

¹²⁰ Военнопленные в СССР. 1939-1956: документы и материалы. С. 60-64.

¹²¹ Там же. С. 66

японцев с точки зрения международного права, является вопрос о численности японских войск, разоруженных Красной Армией. Численность поступивших в распоряжение советских войск военнослужащих Квантунской армии оказалась куда большей, чем «полмиллиона японцев», о которых шла речь в постановлении ГКО № 9898сс. В итоговой сводке Совинформбюро от 12 сентября 1945 г. было представлено официальное сообщение ТАСС, которое было напечатано в «Правде» и других центральных печатных органах СССР. Согласно официальному сообщению ТАСС количество японских военнопленных, разоруженных в конце августа 1945 г., составляло 594 тыс. человек. Таковую же численность японских военнопленных упоминает в своих мемуарах А.М. Василевский¹²². Нарком внутренних дел С.Н. Круглов в своем донесении о ходе приема и размещения японских военнопленных в Советском Союзе в СНК СССР в феврале 1946 г. также докладывал о том, что всего было пленено 594 тыс. японских военнослужащих.¹²³

Данные о количестве разоруженных японских солдат и офицеров, которые были представлены в сообщении ТАСС, являлись округленными данными, полученными оперативным управлением штаба главного командования советскими войсками на Дальнем Востоке 12 сентября 1945 г. Согласно им, число солдат и офицеров противника составило 593988 чел.¹²⁴

Подсчет сложивших оружие японских солдат и офицеров производился в штабе главнокомандующего войсками на Дальнем Востоке исходя из данных, представленных штабами фронтов. Однако итоговые данные, представленные разными отделами в штабе главного командования, противоречили друг другу. Так, согласно справке разведывательного отдела штаба главного командования о потерях противника от 4 сентября 1945 г.¹²⁵ к 3 сентября 1945 г. всего было разоружено 570839 рядовых и офицеров противника. Согласно данным разведывательного отдела штаба главного командования, представленным в

¹²² Василевский А.М. Указ. соч. С. 583

¹²³ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18 (7-2). С. 194

¹²⁴ Там же. С. 182

¹²⁵ Там же.

справке от 7 сентября 1945 г., всего оружие сложили 588830 японцев¹²⁶. В справке оперативного командования советскими войсками от 13 сентября 1945 г., составленной по итоговым донесениям командующих фронтами, указывается иная численность японских военнопленных — 583888 человек.¹²⁷

Подсчет численности попавших в плен японских военнослужащих производился Главным управлением по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД СССР. Все статистические документы о численности военнопленных составлялись в ГУПВИ после того, как поступали первичные данные, полученные фронтовыми отделениями ГУПВИ. Отчетные документы о количестве разоруженных японцев составлялись ГУПВИ с октября по февраль 1946 г., параллельно с формированием и отправкой в советский тыл японских военнопленных.

Согласно справке учетного отдела 1-го Управления (отвечавшего за военнопленных) ГУПВИ НКВД СССР об итогах работы за период с июля по октябрь 1945 г., составленной 13 октября 1945 г., 1-м Дальневосточным фронтом было взято в плен 281253 военнослужащих, 2-м Дальневосточным фронтом — 115416 военнослужащих и Забайкальским фронтом — 211691 японцев. Всего, согласно справке, в распоряжение органов военного плена поступило 608360 японцев.¹²⁸

Такое же количество разоруженных японцев было указано в справке «О численности японской армии» от 8 декабря 1945 г., подписанной А.И. Антоновым и направленной на имя В.М. Молотова. Согласно этой справке к декабрю 1945 г. в тыловые лагеря НКВД уже было вывезено 368478 человек, ожидали отправления в лагеря НКВД 92748 человек, а в пути находились 18500 человек. В Северной Корее находились 44 тыс. японцев, на Сахалине и Курильских островах — еще 14695 человек. 58500 человек было предоставлено советскому и монгольскому военному командованию для выполнения

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же. С. 188

¹²⁸ Главное Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. 1941-1952: Отчетно-информационные документы и материалы. С. 202

различных работ за пределами СССР, и еще 34053 человека находились «в других пунктах Приморского военного округа». 70134 японца подлежали освобождению¹²⁹. При сложении всех чисел, указанных в справке, выходит, что общая численность всех японцев, сложивших оружие в Маньчжурии, Корее, на Сахалине и Курилах, составляла не 608360 человек, а 701108 человек. Это противоречие В.М. Молотовым не было отмечено. Данные о 608360 японских военнослужащих вызывают сомнение в их правдивости.

Согласно другой справке ГУПВИ, составленной в декабре 1945 г. (точная дата указана не была), численность сложивших оружие японских солдат и офицеров составляла уже 641812 человек¹³⁰. В справке ГУПВИ от 30 июля 1947 г. было указано, что количество принятых Красной Армией японских солдат и офицеров составляло 619350 человек.¹³¹ А в справке, составленной в 1948 г., указывалось, что группировка японских войск в Маньчжурии, Северной Корее, на Сахалине и Курильских островах насчитывала 620595 человек.¹³²

Причины широкого разброса данных о численности сложивших оружие японцев в разных источниках заключаются в неточной первичной информации, полученной в Маньчжурии сотрудниками ГУПВИ. Поскольку в состав военнослужащих, подчиненных командованию Квантунской армии, входили не только японцы, но и представители других национальностей, подсчет «японских военнопленных» мог производиться неточно, без учета подданства военнопленных. Данные о национальном составе всех солдат и офицеров противника в различных отчетных документах отличались друг от друга. Военнослужащие, не являвшиеся японцами по национальности, инвалиды, длительно нетрудоспособные военнопленные были освобождены. Их число поначалу было завышено. 26 февраля 1946 г. С.Н. Кругловым была предоставлена докладная записка «О ходе приема и размещения японских

¹²⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1388. Л. 17

¹³⁰ Главное Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. 1941-1952: Отчетно-информационные документы и материалы. С. 189

¹³¹ Там же. С. 217

¹³² Там же. С. 223

военнопленных» на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова¹³³, в которой указывалось, что численность освобожденных вражеских военнослужащих составляла 94193 человека. А по сведениям ГУПВИ и штаба главнокомандования советскими войсками на Дальнем Востоке их число не превышало 70134 человека.

Противоречивость статистических сведений не была отмечена ни руководством органов внутренних дел, ни руководством страны, ни даже сотрудниками учетного отдела ГУПВИ, которыми производился подсчет общего количества японцев, сложивших оружие и количества военнопленных, отправленных на территорию СССР. Несоответствие информации, которой располагало советское командование на Дальнем Востоке, и данных, подсчитанных ГУПВИ, было отмечено только в 1950 г., уже после того, как репатриация японцев из СССР, согласно сообщению ТАСС, была завершена.

22 апреля 1950 г. в официальном сообщении ТАСС, распространенном в зарубежных и советских печатных периодических изданиях, было сообщено, что репатриация японцев из СССР окончена, а всего на родину было возвращено 510409 человек. В их число не входили те японцы, которые были освобождены как нетрудоспособные и инвалиды. 1487 человек были осуждены за совершенные ими военные преступления и оставлены на территории СССР, 971 военнопленный подлежали передаче КНР за совершенные ими преступления против китайского народа, а 9 человек находились на излечении и по состоянию здоровья не могли быть репатриированы вместе с остальными.

В 1950 г. ГУПВИ провело работу по уточнению данных о количестве разоруженных солдат и офицеров. 11 октября 1950 г. ГУПВИ составило справку «О наличии и движении японских военнопленных по состоянию на 10 октября 1950 г.»¹³⁴. В ней было проведено сравнение данных, которыми располагали сотрудники ГУПВИ с данными, представленными в сообщениях ТАСС. Это сравнение данных представлено в таблице 1:

¹³³ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 134. Л. 340

¹³⁴ Указ. соч. С. 228

Таблица 1. Сравнительные данные ГУПВИ и ТАСС

	Данные ТАСС	Данные ГУПВИ
Всего принято в августе 1945 г.	594000	639776
Из них освобождено непосредственно с фронтов	70880	64888
Передано правительству Монгольской Народной республики		12318
Всего скончалось	-	60968
До вызова в СССР	-	15986
Из них на территории Советского Союза (в лагерях МВД, в отдельных рабочих батальонах министерства вооруженных сил СССР)	-	38637
Скончалось в Монголии	-	2822
Скончалось в Северной Корее	-	3523
Всего репатрировано	510409	510409
Репатрировано непосредственно из лагерей МВД и рабочих батальонов МВС	488000	488000
Осуждено на территории СССР	1487	1487
Передано КНР	971	971
Оставлено в 1950 г. на излечении в спецгоспиталях	9	9

Таким образом, по данным ГУПВИ всего советскими войсками в конце августа 1945 г. были разоружены 639776 японских военнослужащих. При вычислении этих данных сотрудниками ГУПВИ были учтены данные об общем количестве репатрированных, скончавшихся и осужденных. Общее число вывезенных на территорию СССР японцев составляет 534101 человек¹³⁵.

1.2. Структура органов военного плена и создание системы лагерей для японских военнопленных

К моменту начала военных действий в Маньчжурии в Советском Союзе уже функционировала система военного плена, которая была сформирована в конце сентября 1939 г., после того, как 17 сентября 1939 г. части Красной Армии перешли советско-польскую границу и заняли территорию Западной Украины и

¹³⁵ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18 (7-2). С. 229

Западной Белоруссии¹³⁶. 19 сентября 1939 г. был издан приказ № 0308 «Об организации лагерей военнопленных» за подписью Л.П. Берии. Первым пунктом приказа предписывалось сформировать специальный орган, в задачи которого входило решение всех организационных вопросов, связанных с военнопленными — Управление по военнопленным (УПВ). Источником кадров для новой системы в первое время являлся ГУЛАГ. За годы Великой Отечественной войны система военного плена была значительно расширена в связи с резким увеличением количества военнопленных.

Лагеря для польских военнопленных, созданные в 1939 г., напрямую подчинялись УПВ, которое в своем подчинении имело 8 лагерей. УПВ, в свою очередь, подчинялось наркому внутренних дел и входило в структуру НКВД. С 1940 г. УПВ было переименовано в Управление по делам военнопленных и интернированных (УПВИ)¹³⁷, поскольку в лагеря для военнопленных стали поступать и интернированные из Литвы польские граждане. В 1943 г. вследствие увеличения потока военнопленных в результате успешного завершения боев в районе Сталинграда и Курской дуги, в УПВИ произошла реорганизация — был создан региональный уровень управления лагерями, число которых значительно возросло. С этого времени лагеря были переподчинены локальным органам внутренних дел — управлениям наркоматов внутренних дел (УНКВД) по краям и областям.

К началу 1945 г. из-за еще большего увеличения потока военнопленных список задач, возложенных на УПВИ, был расширен, что привело к новым изменениям в ее структуре. В феврале 1945 г. приказом НКВД СССР № 0014 УПВИ было реорганизовано в Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ), что могло считаться повышением его статуса. ГУПВИ, таким образом, был приравнен к остальным 13 «главкам», действовавшим в составе наркомата внутренних дел.¹³⁸ ГУПВИ было разделено

¹³⁶ Военнопленные в СССР, 1939-1956: документы и материалы. С. 25

¹³⁷ *Цунаева Е.М.* Учреждения военного плена НКВД/МВД СССР. 1939-1953: органы управления, структура, документация: автореф.... канд. истор. наук: 07.00.09. Волгоград, 2010. С. 66

¹³⁸ *Цунаева Е.М.* Указ. соч. С. 67

на отделы, отвечавшие за разные задачи, выполнение которых диктовалось спецификой работы с военнопленными.

В 1946 г. на ГУПВИ, согласно «Положению о Главном управлении НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных» от 15 января 1946 г.,¹³⁹ были возложены обязанности по руководству и организации деятельности лагерей, режима и охраны в лагерях, медицинского обслуживания военнопленных, использования их труда, партийной и антифашистской работы, персональный и статистический учет военнопленных, а также подготовка и осуществление передачи военнопленных органам репатриации. В соответствии с этими обязанностями была устроена и структура ГУПВИ, состоявшая из отделов и управлений.

На ГУПВИ был возложен сбор всех учетных, отчетных и отчетно-статистических данных по военнопленным, их обобщение и анализ. Сотрудники Главного управления по делам военнопленных и интернированных работали с огромным объемом информации, которая анализировалась, систематизировалась и докладывалась наркому (министру) внутренних дел. Эта информация становилась основой для докладов, отправляемых руководству страны. Руководство ГУПВИ предлагало решение разных проблем, касавшихся содержания и репатриации военнопленных. Учет и анкетирование военнопленных также входили в задачи, возложенные на ГУПВИ.

В компетенцию Главного управления по делам военнопленных и интернированных входило закрытие или учреждение новых лагерных отделений. Кроме того, ГУПВИ занималось решением всех вопросов, связанных с выделением военнопленных организациям и предприятиям в качестве рабочей силы. Все вопросы, связанные с согласованием перевода военнопленных с предприятий одних министерств на предприятия других, ГУПВИ решало через прямую переписку с министерствами. Переписка министерств с ГУПВИ осуществлялась на постоянной основе.

Решение всех проблем, касавшихся размещения, содержания, материального

¹³⁹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 17а. Д. 1. Л. 160

обеспечения, перемещения и репатриации военнопленных, также относилось к компетенции ГУПВИ. В его задачи входила разработка конкретных шагов для реализации указаний наркома (министра) внутренних дел — в частности, плана репатриации, согласование его с органами внутренних дел на местах и т.д. Руководства органов внутренних дел на местах (НКВД и МВД республик, УНКВД/УМВД краев, областей) нередко обращались в ГУПВИ с просьбой разъяснить спорное содержание директив, приказов и распоряжений наркома (министра) внутренних дел, постановлений ГКО, СНК и Совета министров СССР.

ГУПВИ выполняло также и инспекционные функции. Инспекционная деятельность ГУПВИ была необходима, чтобы получать объективные фактические данные о положении дел в лагерях для военнопленных или для усиления контроля за выполнением наиболее важных инициатив руководства наркомата (министерства) внутренних дел. Нередко представители ГУПВИ во время инспекций непосредственно разрешали возникающие на местах проблемы.

В своем непосредственном подчинении ГУПВИ имело сеть управлений и отделов по делам военнопленных и интернированных, собиравших информацию по регионам. Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) были созданы в республиках, входивших в состав СССР, в то время как отделы по делам военнопленных и интернированных (ОПВИ) формировались в краях и областях РСФСР. Управления и отделы по делам военнопленных и интернированных имели схожую с ГУПВИ структуру. В годы Великой Отечественной войны в местах капитуляции войск противника для организации оперативного учета военнопленных направлялись фронтовые отделы по делам военнопленных и интернированных, подчиненных ГУПВИ. Неточность и противоречивость данных о численности японских военнопленных в источниках объясняется низкой организованностью и недостаточным количеством сотрудников фронтовых отделов, отправленных в Маньчжурию для организации учета японцев во второй половине августа 1945

г.

Формирование фронтовых отделов для учета японских военнопленных началось 16 августа 1945 г., когда в Маньчжурию были командированы сотрудники фронтовых отделов ГУПВИ, осуществлявшие учет немцев, капитулировавших в Европе. К примеру, для Забайкальского фронта был переброшен фронтовой отдел при Управлении тыла 1-го Прибалтийского фронта, который, в свою очередь, был ранее сформирован из фронтового отдела при Управлении тыла 2-го Украинского фронта.¹⁴⁰ Фронтовые отделы по делам военнопленных и интернированных подчинялись как начальникам тыла фронтов, так и непосредственно ГУПВИ.

Фронтовые отделы, прибывавшие в Маньчжурию, должны были за короткий срок провести опрос и анкетирование всего личного состава японских войск. Отделы из-за недостатка сотрудников не могли в полной мере исполнять свои обязанности. Так, фронтовой отдел при Управлении тыла 2-го Дальневосточного фронта был направлен в Маньчжурию 20 августа, а в полной мере приступил к выполнению своих обязанностей только 10 сентября 1945 г., вследствие чего его сотрудники не выполнили подготовительную работу по учету военнопленных. Общее руководство по организации учета осуществлял бывший Отдел Эвакуации предприятий наркомата обороны в количестве пяти человек. Учет военнопленных во фронтовом отделе ГУПВИ при Управлении тыла 2-го Дальневосточного фронта организован не был, поскольку отсутствовали учетные формы. Подсчет японцев был приблизительным, произведен по разведанным и оперативным сводкам фронта. Переводчиков не хватало, при этом с 23 августа уже начиналась транспортировка военнопленных японцев на советскую территорию.¹⁴¹

К 1950 г., в связи со значительным сокращением количества иностранных военнопленных, содержащихся в СССР, ГУПВИ было вновь переименовано в УПВИ, а его штат был сокращен. В 1953 г., в связи с тем, что подавляющая

¹⁴⁰ Там же. Л. 160

¹⁴¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 13. Л. 53

часть всех иностранных военнопленных была репатриирована, а оставшиеся иностранные военнопленные (в том числе и японцы) были зачислены к категории военных преступников, функции УПВИ были переданы в Тюремный отдел МВД.

За снабжение лагерных отделений МВД обмундированием и продуктами питания, медикаментами и медицинским инвентарем отвечал специальный орган, относившийся к системе военного плена — Главное управление военного снабжения (ГУВС) НКВД (МВД) СССР. ГУВС отвечало за снабжение войск НКВД (МВД), тюрем для заключенных и лагерей для военнопленных. Само Главное управление военного снабжения также имело структуру, состоявшую из отделов и управлений. Так же, как и ГУПВИ, ГУВС были подчинены локальные отделы управления военного снабжения (УВС и ОУВС) в республиках, краях областях.

Помимо НКВД (МВД) ответственность за результаты работы военнопленных и за их физическое состояние несли и другие министерства. Порядка 67-70 тыс. военнопленных японцев осенью-зимой 1945 г. поступили в распоряжение народного комиссариата обороны и были зачислены в отдельные рабочие батальоны (ОРБ). В последующие годы численность японских военнопленных, занятых на работах в НКО, колебалась незначительно и снижалась ежегодно, а в 1948 г. все состоявшие в ОРБ японцы были репатриированы.

Помимо ГУПВИ и ГУВС, которые образовывали верхний уровень системы военного плена, ОПВИ и ОУВС, относившихся к среднему уровню системы военного плена, нижний уровень системы военного плена в СССР составляла сеть лагерей НКВД (МВД) для иностранных военнопленных. В делопроизводственных документах понятие «лагерь», как место непосредственного пребывания японских военнопленных, практически не встречается. Военнопленные проживали в лагерных отделениях, являвшихся структурными единицами лагеря. Несколько лагерных отделений были подчинены управлению лагеря, которое располагалось в отдалении от лагерных отделений, и непосредственно в повседневные заботы лагерных отделений не

вникало. Управления лагерей подчинялись и региональным управлениям народных комиссариатов (министерств), и ГУПВИ. В задачи управления лагерем входили не только контроль над деятельностью лагерных отделений, входившими в его состав, но и сбор статистических данных за определенный отчетный период.¹⁴²

Лагерь, являясь структурно-хозяйственной единицей, создавался для размещения контингента при предприятии или рядом с местом работ, на которые направлялись японцы. Распределение военнопленных между предприятиями происходило в соответствии с поступавшими в ГУПВИ заявками от наркоматов (министерств) на военнопленных, использовавшихся в качестве рабочей силы. Согласование этих заявок происходило на уровне ОПВИ, после чего организациям или предприятиям выделялось требуемое количество военнопленных.

Отношения лагерных отделений с организациями и предприятиями, использовавшими труд иностранных военнопленных, были определены еще до окончания Великой Отечественной войны, в приказе НКВД № 00675 от 6 апреля 1943 г., подписанным заместителем наркома внутренних дел С.Н. Кругловым¹⁴³. Согласно 14-му пункту этого приказа, обязанности сторон — лагерного отделения (лагеря) и организации или предприятия (хозоргана), использовавших труд иностранных военнопленных, — определялись в договорах, которые в обязательном порядке заключались между ними. Содержание договоров являлось типовым и было указано в приказе НКВД № 00675.

В обязанности организации или предприятия входило либо предоставление готовых жилых помещений для военнопленных, вахтерского состава, начальства лагерного отделения или обеспечение строительным материалом для их постройки. Своевременный ремонт жилых помещений, относившихся к лагерному отделению, должен был производиться за счет организации или

¹⁴² См. например РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 13. Л. 1-103

¹⁴³ Военнопленные в СССР, 1939-1956: документы и материалы. С. 565-574

предприятия, использовавшего труд военнопленных. Помещения, предоставленные для проживания военнопленных, после завершения срока действия договора надлежало вернуть стороне, в распоряжение которых были предоставлены военнопленные.

Помимо обеспечения жилыми помещениями, организация или предприятие должны были возвести постройки для хозяйственных нужд, а также строений, необходимых для осуществления функций, связанных с соблюдением режима в лагерном отделении. В число построек для хозяйственных нужд входили кухни, столовые, дезинфекционные камеры, прачечные, бани, комнаты для сушки одежды, склады с продовольствием, оборудованием и материалами, умывальные комнаты, уборные. В число строений, необходимых для соблюдения охраны и режима лагерного отделения, входили: ограждение, забор или колючая проволока, сторожевые вышки, ворота, караульные помещения для охраны, здания комендатуры и т.д. Подведение необходимых коммуникаций (водоснабжения, отопления, канализации и электричества) также производилось за счет стороны, заинтересованной в труде военнопленных.

На этом обязанности организаций или предприятий не заканчивались. Помимо строительства собственно лагерного отделения, они должны были обустроить и рабочие места для военнопленных. Сторона, которая использовала труд военнопленных, была обязана обеспечить их необходимым количеством рабочих инструментов, подготовленным рабочим местом, транспортом (для доставки военнопленных на место работ), материалами, необходимыми для работы. К числу обязанностей организации или предприятия относились также: обучение контингента, контроль за качеством и правильностью выполняемых военнопленными работ, соблюдение правил безопасности на рабочем месте.

Администрация лагерных отделений обязывалась исправно предоставлять военнопленных для осуществления работ на предприятиях, следить за соблюдением дисциплины, стимулировать в военнопленных добросовестное

отношение к труду и добиваться высоких производственных результатов. Также в число ее обязанностей входило поддержание санитарных норм, необходимых для проживания военнопленных, обеспечение их продовольствием в соответствии с установленными в приказах НКВД нормами, предметами обихода, обмундированием и обувью по сезону и постельными принадлежностями. Однако руководство лагерей имело право снимать военнопленных с работ в случае стихийных бедствий и из-за режимных соображений, а также при получении соответствующих указаний от руководства НКВД.

При невыполнении условий договора администрация лагерного отделения имела право расторгнуть договор и передать военнопленных другой организации или предприятию. Вне обозначенных в приказе НКВД № 00675 положений оставался ряд спорных вопросов, которые были упомянуты в приказах позднее. Использование военнопленных в качестве рабочей силы для строительства разрешалось только при возведении жилых помещений в лагерном отделении. Все затраты на освещение, отопление, водоснабжение, также должны были оплачиваться за счет администрации лагерного отделения.¹⁴⁴

За выполненный военнопленными объем работ сторона, использовавшая труд военнопленных, рассчитывалась не с самими военнопленными, а непосредственно с лагерями. Средний доход, приносимый предприятию или организации, зависел от типа выполняемой работы. В 1946-1947 гг., как правило, доход, получаемый от труда одного военнопленного японца, составлял от шести до шести с половиной рублей в день,¹⁴⁵ а позднее составлял уже не менее семи-восьми рублей в день. Выплата денежного вознаграждения в ряде случаев не производилась по вине работодателей, которые не осуществляли должного учета выполнения плана. Организация или предприятие, в распоряжение которых были предоставлены военнопленные,

¹⁴⁴ Там же. С. 572

¹⁴⁵ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 13. Л. 151

обязывались точно и в срок производить оплату за выполненные военнопленными производственные нормы. Просрочка в оплате счетов, предъявляемых администрацией лагеря, влекла за собой начисление пени. При систематической просрочке оплаты платежей более одного месяца руководство лагеря, получив разрешение со стороны ГУПВИ, имело право прекратить предоставление военнопленных и потребовать возмещение всех убытков, связанных с их содержанием.

Доходы, полученные от выполнения и перевыполнения производственных норм, начислялись в краевые, областные или республиканские бюджеты, откуда денежные вознаграждения для военнопленных перечислялись на счета лагерных отделений¹⁴⁶. Лагерные отделения, создававшиеся при организациях, относившихся не к промышленным отраслям, а непосредственно к хозяйственному комплексу органов внутренних дел, как было указано в инструкции «О порядке финансирования, учета и отчетности в лагерях НКВД для военнопленных» от 13 апреля 1945 г., финансировались напрямую из полученных средств.¹⁴⁷

Органы внутренних дел, выполняя постановление ГКО № 9898сс, были вынуждены в кратчайшие сроки набрать новых сотрудников для обеспечения своевременного функционирования лагерных отделений для японцев. Согласно поручению ГКО № 9898сс с 23 августа до 15 сентября (т.е. за 23 дня) было предписано зачислить в кадровый состав и направить в лагеря для японцев 4500 офицеров строевой службы, 1000 медработников, 1000 офицеров интендантской службы и 6000 красноармейцев¹⁴⁸.

Недостаток кадров стал одной из проблем, с которой столкнулось руководство НКВД в августе-сентябре 1945 г. Штат управлений лагерей и администраций лагерных отделений в 1945 г. главным образом пополнялся за счет офицерского состава резервных полков двух Дальневосточных и Забайкальского фронтов. Как правило, офицеры Красной Армии, поступившие

¹⁴⁶ Военнопленные в СССР, 1939-1956: документы и материалы. С. 204

¹⁴⁷ Там же. С. 203

¹⁴⁸ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18 (7-2). С. 178

на службу в МВД, были совершенно незнакомы со спецификой работы, которую им предстояло выполнять. Руководство МВД Хабаровского и Приморского краев приступило к систематическому обучению офицерского состава лагерей только к середине 1946 г.

Помимо офицерского руководящего состава в лагерных отделениях работали и специалисты гражданских специальностей: бухгалтеры, переводчики, водители. В докладной записке заместителя начальника ГУПВИ И.В. Петрова министру С.Н. Круглову от 12 апреля 1946 г. указывалось, что некомплектованность штатного состава лагерей на 1 апреля 1946 г. по Дальнему Востоку и Сибири составляла 542 человека, а работников снабжения — 423 человека.¹⁴⁹ Рядовой состав сотрудников лагерных отделений был частично замещен вахтерским составом. Конвойные войска НКВД (МВД), сопровождавшие военнопленных по дороге на работу, не относились к составу лагерных отделений. В 1947 г. недостаток конвойных войск вынудил руководство МВД часть военнопленных японцев оставить без сопровождения конвоя.

Нехватка персонала касалась также врачей, среднего и младшего медицинского персоналов. К концу февраля 1946 г. медицинское обслуживание японцев осуществляли 1492 медицинских работника и 502 врача. При этом, как отмечал И.В. Петров в докладной записке министру внутренних дел от 12 апреля 1946 г., требовалось еще 970 медицинских работников. Для восполнения недостатка медицинских кадров предлагалось задействовать врачей и медработников из числа военнопленных. К 1 апреля 1946 г. для оказания медицинских услуг военнопленным японцам было привлечено 468 врачей и 392 санитаров и медбратьев из числа военнопленных. Однако использование врачей из состава военнопленных не приветствовалось даже при недостатке медицинских кадров, поскольку имели место случаи, когда врачи и персонал из числа бывших японских военнослужащих незаконно выдавали справки об освобождении от работы.

¹⁴⁹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 13. Л. 27

Планомерное сокращение численности японских военнопленных в ходе репатриации, начиная с 1947 г., позволило уволить неблагонадежных сотрудников лагерей, аппарата ГУПВИ и ГУВС и оставить только проверенные и опытные кадры. Так, только за I квартал 1948 г. были ликвидированы 21 лагерь и 195 лагерных отделений, количество сотрудников системы военного плена было сокращено на 3923 сотрудника¹⁵⁰.

1.3. Размещение японских военнопленных в лагерях НКВД СССР

16 августа 1945 г. А.М. Василевскому была направлена директива наркомата обороны и наркомата внутренних дел, подписанная Л.П. Берией, в которой главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке было предписано организовать лагеря в местах разоружения японских войск, выделить для их охраны и конвоирования необходимое количество войск и организовать снабжение их продовольствием за счет местных ресурсов согласно нормам, действовавшим тогда в японской армии¹⁵¹. При этом указывалось, что военнопленные «японо-маньчжурской армии» на территорию СССР вывозиться не будут. Спустя 7 дней, 23 августа было издано постановление ГКО № 9898сс, согласно которому предписывалось вывести на территорию СССР годных к труду японских военнопленных. Вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах членами ГКО было утверждено постановление № 9898сс, до сих пор является дискуссионным.

Историки Е.Л. Катасонова и С.И. Кузнецов полагают, что решение о перемещении японцев на территорию Советского Союза было принято советским руководством в период между 16 и 23 августа. Е.Л. Катасонова аргументирует этот вывод тем, что в конце августа президент США Г. Трумэн выступил резко против предложения И.В. Сталина о начале наступательных действий на о. Хоккайдо, что вынудило советское руководство в качестве ответной меры переместить пленных японцев на советскую территорию и использовать их труд для восстановления послевоенного народного хозяйства

¹⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р9401. Оп. 2. Д. 200. Л. 79

¹⁵¹ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18 (7-2). С. 174

СССР¹⁵². С.И. Кузнецов считает, что решение ГКО являлось ответом на резкое неприятие Г. Труменом предложения советского руководства о включении советских частей в состав оккупационных союзнических войск¹⁵³.

Как представляется, решение о перемещении японских военнослужащих в лагерь НКВД было принято руководством в период с 19 по 23 августа, уже после начала организованного разоружения японских войск. 16 августа на ряде участков советско-японского фронта войска Квантунской армии предпринимали контрнаступление, хотя О. Ямада уже 16 августа в своем обращении к советскому главнокомандованию на Дальнем Востоке предлагал прекратить боевые действия. Поэтому у советского руководства отсутствовала уверенность в том, что японские войска собираются прекратить сопротивление. Присланная А.М. Василевскому директива, подписанная Л.П. Берией, относилась к тем военнопленным, которые к 16 августа уже сдались советским войскам по собственной воле, вопреки присяге. В директиве военнослужащие противника были обозначены, как «японо-маньчжурская армия», в то время как в документах, составленных после начала разоружения Квантунской армии, они упоминались в документах исключительно как «японские военнопленные». Следовательно, решение о размещении японцев в лагерях НКВД было принято уже после того, как советское командование начало получать оперативные данные о численности сложивших оружие японцев (не ранее 19 августа) или в самый день утверждения постановления ГКО.

В период с начала сентября по ноябрь 1945 г., военнопленные японцы, которые подлежали перемещению на территорию СССР в лагерь НКВД, были размещены во фронтовых армейских лагерях, которые создавались усилиями тыловых соединений Красной Армии и были подчинены управлениям тыла фронтов, сформированных перед началом военных действий на Дальнем

¹⁵² Катасонова Е.Л. Решение гуманитарной проблемы японских военнопленных в отношениях СССР (Российской Федерации) и Японии (1945-2003 гг.). Исторический аспект: автореф. ... докт. истор. наук: 07.00.03. М., 2004. С. 18

¹⁵³ Кузнецов С.И. Японские военнопленные и холодная война на Дальнем Востоке // Вопросы истории холодной войны: сборник статей / Под ред. проф. М.М. Наринского и проф. Г.Н. Новикова. М.: МГИМО, 2001. С. 83-102

Востоке. Всего насчитывалось 13 фронтовых лагерей, в которых были временно размещены военнопленные японцы: 6 лагерей для 1-го Дальневосточного фронта, 4 для 2-го Дальневосточного фронта и 3 лагеря — для Забайкальского фронта.¹⁵⁴ Самые крупные лагеря были расположены около маньчжурских городов Дайрен, Харбин, Цицикар, в районе которых происходило разоружение самых многочисленных соединений японских войск.

Для быстрой транспортировки военнопленных в тыловые лагеря НКВД использовался железнодорожный транспорт. Сеть железнодорожных путей, проходивших через Дальний Восток и Сибирь, была отремонтирована и значительно расширена накануне советско-японской войны. Для разгрома японских войск в кратчайшие сроки требовалось осуществить переброску огромного количества техники и личного состава, а состояние уже существовавших железнодорожных путей не могло эффективно обеспечить выполнение этой задачи.

Порядок и условия транспортировки японских военнослужащих в советский тыл были также изложены в постановлении ГКО СССР № 9898сс¹⁵⁵. Для сохранения организационного порядка среди военнопленных японцев была сохранена армейская структура. Перед отправкой из фронтовых лагерей из японцев были сформированы батальоны, в каждом из которых насчитывалось около тысячи человек. Батальоны делились на роты, роты — на взводы. За дисциплину во всех структурно-организационных подразделениях был ответственен командовавший ими офицерский состав.

За перевозку японцев отвечали: Центральное управление военных сообщений Красной Армии, наркомат путей сообщения, наркомат морского флота и наркомат речного флота. Отправка военнопленных производилась поэтапно в течение полугода, в зависимости от загруженности путей и наличия свободных железнодорожных составов. Сопровождение эшелонов и обеспечение порядка в пути было возложено на начальников управления

¹⁵⁴ РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 6. Л. 20

¹⁵⁵ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18 (7-2). С. 175-179

тылами фронтов. Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке приказал завершить отправку японских военнопленных на территорию СССР к 5 ноября 1945 г., освобождая в первую очередь те фронтовые лагеря, в которых наблюдались проблемы с размещением и выдачей продуктов питания¹⁵⁶. Продовольственное снабжение японцев, еще ожидавших отправки в СССР, было возложено на начальников управления тылами фронтов, которые подчинялись начальнику тыла главного командования советскими войсками на Дальнем Востоке.

Железнодорожные пути были загружены эшелонами с военнопленными японцами, продовольствием, обмундированием и инвентарем. Из-за загруженности железнодорожных путей, а также отсутствия автотранспорта военнопленные вынуждены были добираться до мест назначения самостоятельно, если места их размещения находились рядом с советско-маньчжурской границей. Так, чтобы добраться до лагерей, расположенных в приграничной с Маньчжурией местности в Хабаровском и Приморском краях, военнопленные японцы за относительно короткий срок преодолевали до 2 тысяч км.¹⁵⁷ В результате чего в лагеря они прибывали в истощенном состоянии, и через непродолжительное время после окончания карантина должны были участвовать в возведении сначала временного, затем и долгосрочного жилья. Временным жильем для военнопленных японцев во время строительства долгосрочных жилых лагерных построек служили или землянки, или утепленные палатки, представлявшие собой возведенный на фундаменте деревянный каркас, обтянутый с внутренней и внешней стороны брезентом. Использование трех тысяч палаток в качестве жилых помещений было разрешено только для 150 тыс. японцев, работавших на строительстве Байкало-Амурской магистрали.

Согласно постановлению ГКО № 9898сс от 23 августа 1945 г. 75 тыс. японцев было предписано вывезти в Приморский край, 40 тыс. — в Читинскую

¹⁵⁶ Там же. С. 187

¹⁵⁷ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 13. Л. 24

область, 50 тыс. — в Иркутскую область, 50 тыс. — в Казахскую ССР, 20 тыс. — в Красноярский край и столько же в Узбекскую ССР, 16 тыс. — в Бурят-Монгольскую АССР, а 14 тыс. — в Алтайский край. Остальные 150 тыс. японцев были распределены между регионами, поскольку они должны были работать на строительстве Байкало-Амурской магистрали, пересекавшей Забайкалье и Дальний Восток. Выполнение постановления было возложено на народных комиссаров, а также секретарей краевых и областных комитетов ЦК ВКП(б). Согласно постановлению № 9898сс, ГКО предписал подготовить не менее 50% строений, необходимых для размещения японцев, к 15 сентября 1945 г., а завершить размещение бывших японских военнослужащих в лагерях планировалось к 1 октября.¹⁵⁸

В отличие от европейской части СССР, где к моменту окончания Великой Отечественной войны уже существовала сеть лагерей для иностранных военнопленных, и имелись возможности ее расширения для размещения прибывавших иностранных военнопленных, в восточных регионах страны такая сеть лагерей создана не была. Отсутствие развитой инфраструктуры в восточных регионах СССР затрудняло возведение лагерей для военнопленных японцев. Их отправка началась уже спустя несколько дней после вступления в силу постановления ГКО № 9898сс. Выполнение постановления ГКО было осложнено из-за короткого срока, отведенного организациям и предприятиям для строительства лагерных отделений.

В результате этого предприятия и организации оказались неспособны выполнить свои обязательства, предусмотренные договорами о предоставлении военнопленных в качестве рабочей силы. Показательным в этом отношении являлось положение лагерей, создаваемых при комбинатах угольной промышленности Приморского края, получивших большинство размещенных в

¹⁵⁸ В источнике, опубликованном в сборнике «Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30-40-е годы: Документы и материалы: в 2 т. Т. 18 (7-2). М.:ТЕРРА, 2000» на странице 178 напечатано буквально следующее: «Помещения для приема прибывающих военнопленных должны быть подготовлены на 50% к 15 сентября, а остальные 15% — к 1 октября с.г.» Вероятно, вместо «остальные 15%» следует читать «остальные 50%».

крае военнопленных японцев. Согласно справке о ходе подготовки к приему бывших японских военнослужащих в Приморском крае, к началу сентября 1945 г. ни одно из предприятий трестов «Артемуголь», входивших в комбинат «Приморскуголь», не завершило и половины работ по строительству жилых помещений и построек для хозяйственных и санитарных нужд¹⁵⁹. Так, например, при шахте № 20 планировалось создать лагерное отделение на 5000 человек, при этом уже возведенных помещений хватало только на 800-900 человек. Не были подготовлены даже постройки для размещения администрации лагерных отделений и солдат из вахтерского и конвойного составов. При этом из-за сжатых сроков начальство треста не планировало строительство трубопровода для обеспечения лагерного отделения водой, как того требовали условия договора, поскольку рассчитывало использовать инфраструктуру г. Артема, располагавшего неподалеку.¹⁶⁰

Руководство управления наркомата внутренних дел Приморского края, отвечавшее за размещение контингента военнопленных перед руководством НКВД, проведя проверки, вынуждено было отметить повальную неготовность лагерей к принятию заявленной численности военнопленных японцев. В ряде случаев, как сообщается в докладной записке начальника УНКВД по Приморскому краю А.А. Закусило от 22 октября 1945 г.,¹⁶¹ не было не только завершено строительство жилого фонда, но почти во всех местах проживания военнопленных отсутствовали хозяйственные постройки, такие как дезинфекционные камеры, бани и умывальные комнаты, а лагерные отделения не были обеспечены водой. Выполнить свои обязательства «Артемуголь» и другие предприятия, которые использовали труд военнопленных, не смогли вплоть до середины ноября, несмотря на требования УНКВД по Приморскому краю завершить все строительные работы к концу октября.¹⁶²

В ноябре 1945 г. руководством НКВД были изданы требования, касавшиеся

¹⁵⁹ Японские военнопленные в Приморье. Вып. 1. С. 11-12

¹⁶⁰ Там же. С. 12

¹⁶¹ Там же. С. 31-39

¹⁶² Там же. С. 58

подготовки лагерей для иностранных военнопленных к зиме, в то время как еще не были завершены полностью все работы по возведению жилья в лагерях для японцев. Вначале эти требования относились только к уже построенным лагерным отделениям для иностранных военнопленных, прибывших с западных фронтов. 12 ноября 1945 г. в директиве № 196, подписанной наркомом внутренних дел Л.П. Берией, его заместитель С.Н. Круглов, курировавший всю работу с иностранными военнопленными, потребовал от своих подчиненных проследить за тем, чтобы все лагерные отделения были утеплены, оборудованы необходимым инвентарем и лечебно-санитарным оборудованием.¹⁶³

Спустя 12 дней, 24 ноября 1945 г., наркомам внутренних дел республик, областей и краев, принимавших японцев, поступила директива народного комиссара внутренних дел СССР № 221 «Об улучшении коммунально-бытовых условий для военнопленных японцев»¹⁶⁴. В директиве было указано на то, что степень подготовленности к зиме лагерных отделений, в которых были размещены японские военнопленные, является неудовлетворительной. Из-за недостатка времени и ресурсов лагерные отделения для военнопленных японцев, как было отмечено в директиве, возводились на скорую руку и были практически непригодны для жилья в условиях суровой зимы восточных регионов СССР. Руководствам республиканских, областных и краевых управлений внутренних дел было поручено не только отремонтировать, дооборудовать и утеплить жилые помещения, но также и остеклить их, построить нары и тамбуры. В директиве указывалось, что эта работа на период с декабря 1945 г. по февраль 1946 г. должна была стать основной.¹⁶⁵

Контроль за выполнением директив министра был возложен на комиссии, сформированные из руководящих составов республиканских, краевых и областных УНКВД. Во время проверки, проведенной комиссиями в декабре 1945 г., обследованию подвергались не только жилищные, но и санитарно-

¹⁶³ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 24 (13). С. 262

¹⁶⁴ Там же. С. 271-272

¹⁶⁵ Там же. С. 272

бытовые условия размещения японцев. Так, например, согласно заключению комиссии, проверявшей лагерные отделения в Читинской области, все проинспектированные жилые помещения требовали ремонта и утепления. В 65,5% всех проверенных комиссией лагерных отделений жилые помещения нуждались в капитальном ремонте, а в 9,7% лагерных отделениях жилье для военнопленных вообще было непригодно для проживания.¹⁶⁶ Только в 26,9% всех проинспектированных лагерных отделений жилые помещения находились в удовлетворительном состоянии. При этом под жилыми помещениями, пригодными к проживанию, подразумевались такие, в которых температура колебалась от +10 до +14 градусов Цельсия.

Коммунально-бытовые трудности испытывали не только военнопленные. Рядовые и офицеры, ответственные за охрану, а также администрация лагерных отделений не были обеспечены общежитиями или квартирами, а в ряде случаев они расквартировывались в близлежащих населенных пунктах. Лагерные отделения почти не располагали необходимыми хозяйственными строениями для санитарных нужд. Бани и дезинфекционные камеры часто располагались в 10-12 км от лагерного отделения. В Иркутской области¹⁶⁷ и в Хабаровском крае жилищный фонд пребывал в аналогичном состоянии. Кроме того, в Бурятской АССР, согласно актам комиссий, проверявших лагерные отделения уже в 1946 г., большинство из них находились в труднопроходимых местах (в густой тайге или на возвышениях), в связи с чем в лагерных отделениях отсутствовал водопровод¹⁶⁸.

Неподготовленность жилья к зиме и отсутствие централизованного отопления вынуждали военнопленных самостоятельно обеспечивать обогревание помещений самодельными приборами и печами. Это приводило к тому, что правила пожарной безопасности нарушались, а в помещениях возникали пожары. В декабре 1945 г. во все лагеря для иностранных военнопленных была отправлена телеграмма № 258, а позднее ряд директив и

¹⁶⁶ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 13. Л. 104

¹⁶⁷ Там же. Л. 138

¹⁶⁸ Там же. Л. 82

распоряжений наркома НКВД, в которых было предписано принять меры для предотвращения возникновения пожаров.¹⁶⁹

Неудовлетворительное состояние жилого фонда было отмечено С.Н. Кругловым, который 29 декабря 1945 г. был назначен наркомом внутренних дел, в докладной записке И.В. Сталину и В.М. Молотову от 26 февраля 1946 г.¹⁷⁰ В начале февраля 1946 г. в лагерные отделения Дальнего Востока и Восточной Сибири была направлена комиссия для комплексной оценки положения японских военнопленных. В нее вошли не только сотрудники областных и краевых УНКВД, но и представители региональных управлений военного снабжения, а также отделов по делам военнопленных и интернированных. Возглавил комиссию заместитель начальника ГУПВИ генерал-лейтенант И.В. Петров. Комиссия в течение полутора месяцев выборочно обследовала лагерные отделения во всех областях и краях, где были размещены японцы. 12 апреля 1946 г. по ее итогам на имя С.Н. Круглова, утвержденного на пост министра внутренних дел в марте 1946 г., была составлена докладная записка, подписанная И.В. Петровым.

И.В. Петров по итогам проведенной проверки доложил о том, что исполнение постановления ГКО № 9898с не было выполнено краевыми и областными УНКВД, а директивные указания об улучшении коммунально-бытовых условий японцев не выполнялись. Согласно результатам проверки, лишь 15-20% японцев были обеспечены долговременным жильем.¹⁷¹ При этом количество военнопленных, поступавших в лагерные отделения, не располагавших достаточным количеством пригодных для жилья строений, не снижалось. Из-за недостатка пригодных к жилью помещений японцы размещались скученно. Так, при обследовании комиссиями лагерных отделений в Бурятской АССР и в Иркутской области было установлено, что военнопленные размещались на трехъярусных нарах, а на одного человека

¹⁶⁹ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 24 (13). С. 35

¹⁷⁰ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 134. Л. 343

¹⁷¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 2. Л. 24

приходилось 0,7-0,8 квадратных метра пространства.¹⁷²

Проведение ремонтно-строительных работ в лагерных отделениях для военнопленных японцев было отложено до середины весны 1946 г. Часть непригодных к проживанию лагерных отделений были закрыты, а все требования, предъявляемые к состоянию жилых помещений для военнопленных, были унифицированы.

17 апреля 1946 г. приказ № 099 (содержание самого приказа будет раскрыто в следующей главе) был дополнен «Краткой справкой о нормативах и положенности для военнопленных японцев, содержащихся в лагерях»¹⁷³. В этой справке была установлена норма жилой площади в общежитиях, бараках, палатках — не менее двух квадратных метров на человека. В лагерных отделениях предписывалось установить умывальники (из расчета один умывальник на десять человек) и построить лазарет, способный вмещать до 5% от общего количества военнопленных, размещенных в лагерном отделении. Температура в помещениях не должна была, согласно справке, опускаться ниже 18 градусов тепла, а санитарную обработку помещений и одежды военнопленных японцев надлежало проводить не менее одного раза в семь дней.

20 апреля 1946 г. комиссиям ГУПВИ МВД, проверявшим выполнение приказа № 00339, из министерства внутренних дел поступили дополнительные инструкции, в которых были расширены критерии, определявшие условия для расформирования лагерных отделений.¹⁷⁴ Согласно им, ликвидации подлежали лагерные отделения, в которых были возведены временные постройки, такие как палатки и землянки, а также помещения, требующие капитального ремонта. Отсутствие средств на капитальный ремонт помещений также должно было считаться основанием для закрытия лагерных отделений. Лагерные отделения, в которых не были построены жилые помещения для конвойного, вахтерского и начальствующего составов, бани, дезинфекционные камеры, помещения для

¹⁷² РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 10. Л. 40

¹⁷³ РГВА. Ф. 1п. Оп. 17а. Д. 7. Л. 5

¹⁷⁴ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 10. Л. 63

хранения и приготовления пищи, амбулатории и лазареты признавались непригодными для содержания иностранных военнопленных. Отсутствие источника воды (или большая удаленность лагерного отделения от него), также как и общая удаленность лагерного отделения от места работ (более 3 км для пешего пути и 7 км для автотранспорта), шоссейных и автомобильных дорог, являлись, согласно дополнительным инструкциям, основанием для закрытия лагерного отделения.¹⁷⁵

С мая по июль 1946 г. вследствие невыполнения предписаний руководства МВД о создании удовлетворительных жилищно-бытовых условий были закрыты многие лагерные отделения, которые были построены при предприятиях, относившихся к промышленным отраслям. Во время возведения новых лагерных отделений для предприятий контингент не выводился на работы, а был направлен на строительство жилых зданий. Эти обстоятельства затрудняли выполнение обязательств, имевшихся у организаций и предприятий перед министерствами.

17 июня в распоряжении МВД № 137 было введено правило, согласно которому все вопросы, связанные с перераспределением военнопленных, согласовывались напрямую с ГУПВИ. Позднее, 10 июля 1946 г. министр внутренних дел полностью запретил своим подчиненным не только самовольно переводить военнопленных с объекта на объект, но и снимать любое количество военнопленных со строек и предприятий, которым выделение рабочей силы было предусмотрено решениями правительства или указаниями МВД¹⁷⁶. При этом снятие военнопленных с работ в связи с нарушением условий договоров было разрешено только при предоставлении обоснованных ходатайств о закрытии неблагоустроенных лагерных отделений и только при получении по этому вопросу санкций из министерства внутренних дел.

Весной и летом 1946 г. в ГУПВИ начали поступать просьбы о приостановке закрытия лагерей и перевода иностранных военнопленных на другие

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 24 (13). С. 331

предприятия. Просьбы аналогичного характера приходили от республиканских, краевых и областных комитетов ВКП(б): так, в середине июля просьба о приостановке перевода японцев на другие работы поступила от секретаря Кемеровского обкома ВКП(б) и от Бурят-Монгольского комитета партии¹⁷⁷. Советское правительство пошло навстречу этим просьбам и разрешило некоторым из них продолжать использовать труд военнопленных японцев даже в том случае, если руководства предприятий не выполняли условия договоров. 19 июля 1946 г. С.Н. Круглов докладывал Л.П. Берии о том, что начальникам УМВД сибирских и дальневосточных краев и областей были даны указания об отмене перевода в Среднюю Азию военнопленных, закрепленных за предприятиями министерства угольной промышленности восточных районов и министерства строительства топливных предприятий¹⁷⁸. В конце июля 1946 г. заместитель председателя Совета Министров А.И. Микоян дал указание отменить ликвидацию неблагоустроенных лагерей, относившихся к предприятиям министерства строительства военных и военно-морских предприятий, а также к министерству цветных металлов. 30 июля было запрещено изъятие военнопленных японцев у предприятий министерства путей сообщения. Министру внутренних дел пришлось разрешить использование военнопленных для работы на этих предприятиях и усилить контроль за подготовкой лагерных отделений к зимнему сезону.

В мае и во время летних месяцев 1946 г. в лагерных отделениях осуществлялись работы по строительству и ремонту долговременных жилых помещений и ликвидации временного жилья для военнопленных японцев. Начальники лагерных отделений, в соответствии с директивой МВД № 125, начали заблаговременно осуществлять ремонтные работы в преддверии зимы. Исключение составили лагерные отделения Иркутской области, проверка в которых показала, что их руководство к началу июля даже не приступило к выполнению указаний министра внутренних дел. В отношении них было

¹⁷⁷ РГВА. Ф. 1п. Оп. 5и. Д. 4. Л. 143, 158

¹⁷⁸ Там же. Л. 143

выпущено специальное распоряжение МВД № 153 от 9 июля 1946 г., подписанное заместителем министра внутренних дел В.С. Рясным¹⁷⁹. Вскоре руководством УМВД Иркутской области был представлен план по улучшению коммунально-бытовых условий в лагерях для военнопленных японцев. Отдельно был принят комплекс мер для контроля за выполнением директивы МВД в Тайшетском лагере, являвшимся самым крупным на территории области.¹⁸⁰

К 4 сентября 1946 г. генерал-майор Н.Т. Ратушный, возглавлявший квартирно-эксплуатационный отдел ГУПВИ, в рамках проверки готовности всех лагерей для иностранных военнопленных к зиме приказал сформировать комиссии и проверить состояние жилых и нежилых помещений, а также оценить состояние складов, проверить запасы продовольствия и медикаментов, топлива и обмундирования.¹⁸¹ В состав комиссий должны были входить: сотрудник ГУПВИ (председатель комиссии), представители УМВД, ОУВС округа и представители ОПВИ.

В процессе своей работы комиссии установили, что, несмотря на все указания, изданные МВД и ГУПВИ, проблемы жилищно-бытового характера были решены не во всех лагерных отделениях. Подготовка к зиме новых лагерных отделений еще не была завершена. С.Н. Круглов, учитывая то, что не все лагерные отделения были готовы к зиме, в телеграмме № 237, адресованной начальникам УМВД краев, областей и МВД республик, перенес крайний срок подготовки к зиме на 1 ноября, потребовал завершить проведение ремонтно-строительных работ и представить отчет о выполненной работе.¹⁸²

В декабре 1946 г. в функционировании лагерной системы наметились изменения в положительную сторону. Но окончательно изжить проблемы, связанные с жилищно-бытовыми условиями размещения военнопленных японцев, не удалось, хотя заместитель министра внутренних дел генерал-

¹⁷⁹ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 24 (13). С. 329-330

¹⁸⁰ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 15. Л. 20

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Русский архив: Великая Отечественная. Т. 24 (13). С. 344-345

полковник В.В. Чернышов 20 декабря 1946 г. в своей директиве № 294 отметил, что к зиме 1947 г. лагеря для иностранных военнопленных были более подготовлены по сравнению с зимними сезонами предыдущих лет¹⁸³.

В первом квартале 1947 г. усилия всех органов и учреждений внутренних дел, связанных с военнопленными, были направлены на уменьшение заболеваемости и смертности среди бывших японских военнослужащих. Подход к работе с военнопленными в лагерной системе претерпел значительные изменения. Начиная с марта 1947 г. руководством МВД и ГУПВИ проводилась целенаправленная работа по улучшению физического состояния военнопленных, в связи с чем устранение жилищно-бытовых проблем в лагерных отделениях стало одним из приоритетов политики, проводимой МВД в отношении иностранных военнопленных.

В октябре 1947 г. в своем закрытом письме, разосланном в лагеря, УМВД, ГУПВИ, и во все его структурные подразделения,¹⁸⁴ С.Н. Круглов подчеркнул особую важность сохранения хорошего физического состояния всех иностранных военнопленных. В нем он процитировал слова председателя Совета Министров СССР В.М. Молотова, сказанные на одном из совещаний с руководством МВД: «Я требую осознать, что речь идет о выполнении важнейшей государственной задачи, понять особую ответственность и всю важность этой задачи»¹⁸⁵ (слова «я требую» в документе подчеркнуты). Министр внутренних дел предложил начальникам УМВД по областям лично каждую декаду проводить оперативные совещания, посвященные проблемам физического состояния военнопленных и на них же принимать конкретные решения по устранению выявленных проблем. Причем он потребовал высылать ему все протоколы проведенных заседаний. С.Н. Круглов отметил недопустимость формального подхода при выполнении своих обязанностей: «Успешное выполнение задачи по сохранению физического состояния военнопленных требует организованности, четкого и добросовестного

¹⁸³ Там же. С. 364

¹⁸⁴ РГВА. Ф. 1п. Оп. 18а. Д. 4. Л. 101

¹⁸⁵ Там же.

выполнения каждым работником своих обязанностей, инициативы, максимального использования местных возможностей, глубокого знания положения дел в каждом лагерном отделении».¹⁸⁶

Репатриация японцев, проводившаяся в 1947 г., позволила значительно разгрузить лагерные отделения. Лагеря, отдаленные от транспортной инфраструктуры или приносившие убытки, а также лагерные отделения, условия проживания в которых являлись неудовлетворительными, были ликвидированы. Военнопленные японцы, которые были размещены в таких лагерях и лагерных отделениях, были или репатриированы, или размещены в более благоустроенных условиях.

В течение 1947 г. проводилась работа по улучшению жилищных условий военнопленных японцев и обеспечению минимально необходимых коммунально-бытовых условий для их проживания. В докладе ГУПВИ о выполненной за 1947 г. работе были обозначены задачи на 1948 г., в число которых входило установление строгого контроля за выполнением строительно-ремонтных работ, условиями быта и устранение скученности размещения иностранных военнопленных в жилых зданиях¹⁸⁷.

К концу ноября – началу декабря 1948 г. руководство большинства лагерей смогло устранить проблемы жилищно-бытового характера, провести своевременный ремонт жилых и хозяйственных помещений и создать достаточные запасы топлива на зиму. Репатриация японцев продолжилась в 1948 г., что повлекло за собой закрытие части лагерных отделений и ужесточение надзора за санитарно-бытовым состоянием в оставшихся лагерях. В 1948 г. и, особенно, в 1949 г. министерство внутренних дел потребовало сократить количество переводов японцев с одних предприятий на другие. В 1950 г. подавляющее большинство бывших японских военнослужащих было репатриировано, а остававшиеся на территории СССР японцы, подозреваемые или уже осужденные за совершение военных преступлений, были размещены в

¹⁸⁶ Там же. Л. 102

¹⁸⁷ Там же.

лагере № 48 (Ивановская область) и лагере № 16 (Хабаровский край), в которых ранее содержались только японские офицеры. В 1953 г. только малая часть осужденных японцев (в основном, генералов) была оставлена в лагере № 48, в то время как большинство военнопленных японцев было переведено в Хабаровский лагерь № 16, имевший два отделения.

В августе 1953 г., в связи с расформированием УПВИ, лагерь № 16 был передан в ведение Тюремного отдела МВД. 10 августа 1953 г. в двух отделениях лагеря были проведены проверки комиссиями Тюремного отдела МВД, во время которых были выявлены нарушения, касавшиеся неудовлетворительного санитарного состояния столовых, кухонь, продовольственных складов и жилой зоны¹⁸⁸. Обязательная норма жилой площади, составлявшая два квадратных метра на заключенного, не соблюдалась. Об этих проблемах было доложено полковнику М.В. Кузнецову, начальнику Тюремного отдела МВД, после чего были приняты меры, и коммунально-бытовые проблемы в лагере № 16 были устранены.

Выводы

В результате успешных действий Красной Армии уже к 16 августа 1945 г. части японской Квантунской армии, а также японские соединения, оборонявшие Южный Сахалин и Курилы, были окружены. Кроме того, личный состав японских войск был извещен о том, что император Хирохито 14 августа принял условия Потсдамской декларации. Поэтому командование японских войск приказало своим подчиненным прекратить сопротивление советским войскам и сложить оружие.

Статус японских солдат и офицеров, прекративших сопротивление войскам антигитлеровской коалиции, не был определен в императорских рескриптах. Советское руководство, напротив, считало их военнопленными, и направило сложивших оружие японских военнослужащих на работы по восстановлению народного хозяйства СССР. Согласно нормам Женевской декларации от 27 июля 1929 г., действовавшим в период советско-японской войны, японские

¹⁸⁸ РГВА. Ф. 1п. Оп. 1т. Д. 20. Л. 63

военнослужащие являлись военнопленными, которых разрешалось привлекать к труду. Тем не менее следует отметить, что Советский Союз, присоединившись 8 августа к Потсдамской декларации США, Великобритании и Китая, не выполнил ее 9-го пункта, согласно которому всем японским военнослужащим предоставлялась возможность вернуться на родину после того, как Япония прекратит сопротивление.

Из-за стремительности продвижения Красной армии в Маньчжурии, Северной Корее, на Южном Сахалине и Курильских островах, региональные советские власти не успели подготовить лагеря НКВД к размещению военнопленных японцев. Большинство из них не было подготовлено к зимнему сезону, что стало одной из причин ухудшения здоровья японцев. Другой причиной стало невыполнение предприятиями и организациями, использовавшими труд японских военнопленных, своих обязательств по благоустройству лагерей. Третьей причиной являлась громоздкость системы военного плена и отсутствие контроля за своевременным исполнением приказов и директив руководства НКВД (МВД), направленных на решение жилищно-бытовых проблем.

Сеть лагерей НКВД (МВД) для военнопленных японцев являлась частью нижнего уровня системы военного плена. Средний уровень системы военного плена составляли региональные отделения и управления по делам военнопленных, а также краевые, областные, республиканские отделения и управления военного снабжения. Верхний уровень системы военного плена образовывали Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) и Главное управление военного снабжения (ГУВС).

К февралю 1946 г. на территории СССР действовало 49 лагерей для военнопленных японцев. Руководство НКВД (МВД) столкнулось с проблемой нехватки кадров в лагерях, где были размещены бывшие японские военнослужащие, которая была решена только ко второй половине 1946 г. Большинство новых сотрудников лагерей не имело опыта работы с

военнопленными, а часть из них относилось недобросовестно к своим обязанностям. К январю 1947 г. в лагерях были выявлены массовые случаи хищения государственных средств и продуктов питания, предназначенных для военнопленных японцев. Сокращение японцев вследствие репатриации позволило руководству МВД уволить неблагонадежных сотрудников и провести их переаттестацию.

Глава 2.

Японские военнопленные в экономике Советского Союза

18 марта 1946 г. Верховным Советом СССР был утвержден четвертый пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства Советского Союза на 1946-1950 гг. Первостепенное значение в послевоенном пятилетнем плане отводилось восстановлению и развитию тяжелой промышленности, разработке сырьевой базы. Вторым по значимости в четвертом пятилетнем плане являлось восстановление и развитие средств потребления, пищевой промышленности и сельского хозяйства. Большое значение в четвертом пятилетнем плане также отводилось восстановлению инфраструктуры, пострадавшей за годы Великой Отечественной войны, и жилищного фонда СССР.

Одним из последствий Великой Отечественной войны для Советского Союза стала нехватка трудоспособного населения, необходимого для восстановления послевоенной экономики СССР. В Сибири и на Дальнем Востоке недостаток рабочих рук ощущался особенно остро. Это обстоятельство вынудило краевые и областные власти использовать любые возможности для привлечения трудоспособного населения в Сибирь и на Дальний Восток. Так, 23 марта 1946 г. председатель Хабаровского краевого исполнительного комитета ВКП(б) Ф.А. Мамонов и секретарь Хабаровского крайисполкома Р.К. Назаров докладывали И.В. Сталину и секретарю ЦК Г.М. Маленкову о том, что пополнение рабочей силы дальневосточных областей путем перемещения рабочих из других регионов крайне затруднительно, поэтому было принято решение о восполнении трудовых ресурсов за счет военнопленных, демобилизованных из армии, бывших советских военнопленных и «лиц, отбывающих наказания по суду»¹⁸⁹.

В условиях нехватки рабочих рук советским руководством были привлечены сотни тысяч военнопленных японцев для восстановления послевоенной

¹⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 545. Л. 11-12

экономики СССР. К концу февраля 1946 г. японские военнопленные были размещены в Хабаровском (154017 человек) и Приморском краях (45047 человек); в Сибири: в Читинской (32922 человек), Кемеровской (7329 человек) и Иркутской (2032 человек) областях, в Красноярском (20750 человек), Алтайском (14404 человек) краях, в Бурят-Монгольской АССР (17235 человек); в Средней Азии: Казахской (27648 человек), Узбекской (16046 человек) и Туркменской (1885 человек) республиках. Труд военнопленных японцев применялся в угольной, лесозаготовительной, горнодобывающей и других отраслях, а также использовался для восстановления инфраструктуры, необходимой для развития промышленных и добывающих отраслей советской экономики, и для строительства жилья.

В данной главе рассмотрено распределение бывших японских военнослужащих в экономической системе Советского Союза, показана организация и условия их труда, проанализирована производительность труда японских военнопленных. В связи с тем, что на производительность труда военнопленных японцев влияли не только условия и организация труда, но и обеспечение их продуктами питания, продовольственное снабжение японцев также исследовано в этой главе.

2.1. Распределение военнопленных в экономической системе СССР и организация их труда

Главные принципы использования труда иностранных военнопленных в экономике СССР были определены в постановлении Государственного Комитета Обороны № 8921сс от 4 июня 1945 г. «О мероприятиях по трудовому использованию военнопленных и материально-техническому обеспечению лагерей для военнопленных». В этом постановлении было отмечено, что использование иностранных военнопленных как рабочей силы должно быть подчинено потребностям промышленности и выполнению задач по ликвидации ущерба, причиненного Великой Отечественной войной¹⁹⁰.

Приоритетные отрасли промышленности и объекты строительства, на

¹⁹⁰ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 185. Л. 34

которых предполагалось использовать японских военнопленных, были определены уже к августу 1945 г. в постановлении ГКО № 9898сс. Из 500 тыс. военнопленных, которых надлежало разместить на советской территории, 150 тыс. планировалось отправить на строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, 85 тыс. — наркомату угольной промышленности, 59 тыс. — наркомату лесной промышленности, 37 тыс. — наркомату цветных металлов, 36 тыс. — наркомату обороны, а оставшихся военнопленных должны были получить организации и предприятия наркоматов путей сообщения, строительства, нефтяной промышленности, тяжелой промышленности, электропромышленности, морского флота, вооружения¹⁹¹. Еще 15 тыс. человек, согласно постановлению ГКО № 9898сс, было дополнительно выделено наркоматам строительства и цветных металлов для работ на предприятиях Усть-Каменогорского и Зырянского свинцовых рудоуправлений.

К концу марта 1946 г., когда закон о четвертом пятилетнем плане вступил в силу, японцы уже были распределены по предприятиям и организациям наркоматов, переименованных в министерства. Распределение военнопленных в последующие годы зависело от задач, поставленных министерствам, хотя большая часть военнопленных японцев была закреплена за хозяйственными организациями министерства внутренних дел. Наркомат обороны (с марта 1946 г. — министерство вооруженных сил СССР) также получил право использования японцев в качестве рабочей силы. Общий контроль за их физическим состоянием и результатами их труда был возложен на руководство МВД.

О результатах работы лагерной системы и о состоянии здоровья военнопленных японцев министр внутренних дел С.Н. Круглов регулярно отправлял доклады руководству СССР — в первую очередь, И.В. Сталину, В.М. Молотову и Л.П. Берии. Первый доклад руководству страны был представлен в феврале 1946 г., когда было завершено размещение японских

¹⁹¹ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18 (7-2). С. 177

военнопленных на территории СССР и была сформирована система лагерей. Доклады министра внутренних дел И.В. Сталину и другим первым лицам советского государства отправлялись ежеквартально, с февраля по сентябрь 1946 г. В последующие годы — с 1947 г. по 1950 г. доклады руководству страны носили уже менее регулярный характер в связи с тем, что количество военнопленных японцев каждый год уменьшалось в ходе репатриации, а численность предприятий, на которых применялся принудительный труд японских военнопленных, постепенно уменьшалась. После завершения четвертого пятилетнего плана подавляющая часть бывших японских военнослужащих была репатриирована. С 1950 г. по 1956 г. роль военнопленных японцев в развитии народного хозяйства СССР уже стала незначительной, в 1953 г. сеть лагерей была полностью интегрирована в хозяйственную систему Тюремного отдела МВД.

26 февраля 1946 г. С.Н. Круглов доложил И.В. Сталину и В.М. Молотову данные о распределении японских военнопленных по предприятиям, стройкам и важнейшим экономическим объектам страны. В докладе были отражены первые результаты, полученные от использования труда японцев. Из 499907 японских военнопленных, которые согласно докладу уже были размещены на советской территории, 411057 чел. состояли на учете в МВД и содержались в лагерях. 57182 чел. были зачислены в отдельные рабочие батальоны наркомата обороны, 12271 чел. оставались в Северной Корее и на Курильских островах, остальные находились в спецгоспиталях¹⁹². Не исключено, что приведенные в докладе данные являются неточными, поскольку противоречат данным, отраженным в отчетной документации ГУПВИ. Согласно им, численность всех военнопленных японцев, направленных наркоматам в феврале 1946 г., составляла 458407 чел., а численность японцев, зачисленных в отдельные рабочие батальоны НКО составляла не 57182 чел., а 51401 чел.¹⁹³.

К началу весны 1946 г., как докладывал С.Н. Круглов руководству страны, из

¹⁹² ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 134. Л. 341

¹⁹³ Справка о распределении и интернированных для трудового использования по министерствам (февраль 1946 г.). // РГВА. Ф. 1п. Оп. 4и. Д. 9. Л. 1

469554 японцев труд 140432 человек был использован на предприятиях и объектах строительства министерства внутренних дел ¹⁹⁴. Министерство вооруженных сил (МВС) получило в свое распоряжение 51401 японца, из которых в отдельных рабочих батальонах числилось лишь 46709 человек, а 4892 японца были размещены в спецгоспиталях. Остальные военнопленные японцы были распределены в соответствии с приоритетами в развитии советской послевоенной экономики. В министерства угольной промышленности было передано 60259 чел.; лесной промышленности ¹⁹⁵ — 31948 чел.; строительства топливных предприятий — 30500 чел.; тяжелой промышленности — 27373 чел.; путей сообщения — 21646 чел.; строительства военных и военно-морских предприятий — 15500 чел. В спецгоспиталях находились 11147 военнопленных японцев, а 8871 бывших японских военнослужащих числились как неработающие (являлись инвалидами, нетрудоспособными, или не были направлены на работы) ¹⁹⁶. Остальные военнопленные были распределены между другими министерствами, каждое из которых получило не более 16 тыс. человек.

К 1 июня 1946 г. из 466437 японцев в лагерях МВД числилось 407860 человек, 45546 человек было зачислено в отдельные рабочие батальоны МВС, и 13091 военнопленный оставался в спецгоспиталях ¹⁹⁷. Большая часть военнопленных японцев (126890 чел.) по-прежнему была закреплена за хозяйственными организациями в системе внутренних дел. За предприятиями министерства угольной промышленности были закреплены 61750 чел., в распоряжении министерства вооруженных сил находилось 48989 чел., министерства цветной металлургии — 27960 чел., министерства лесной промышленности — 26567 чел. ¹⁹⁸. Другие министерства, использовавшие труд военнопленных японцев, получали в свое распоряжение менее двадцати тысяч

¹⁹⁴ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 137. Л. 311

¹⁹⁵ Примечательно, что к весне 1946 г. численность японцев, задействованных на предприятиях министерства лесной промышленности (31948), была выше, чем количество немцев (23 308 человек).

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Докладная записка Сталину И.В., Берия Л.П., Молотову В.М. о состоянии и количестве японских военнопленных на 1 июня 1946 г. // ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 137. Л. 366

¹⁹⁸ Там же. Л. 370

японцев.

На 1 августа 1946 г., как доложил 6 сентября 1946 г. С.Н. Круглов И.В. Сталину, на учете в МВД состояло 450414 японцев, из которых 392582 чел. числились в лагерях, 45275 чел. — в отдельных рабочих батальонах МВС, а 12656 чел. — в спецгоспиталях¹⁹⁹. Из Северной Кореи на территорию СССР было перемещено 15320 трудоспособных японцев, оставленных в Северной Корее в качестве трудового резерва. Эти военнопленные к концу июля — началу августа 1946 г. еще не были распределены по предприятиям и организациям.

Данные о японцах, поступивших из Северной Кореи, были учтены в докладе С.Н. Круглова В.М. Молотову от 2 сентября 1946 г., в котором сообщалось о распределении 463760 японских военнопленных по территориям и министерствам²⁰⁰. Большинство японцев (121941 чел.) по-прежнему находились в распоряжении строительных организаций МВД. На предприятиях министерства угольной промышленности восточных районов к концу лета 1946 г. работало 48242 военнопленных, за МВС было закреплено 47965 чел., министерство цветной металлургии получило 22955 чел., министерство путей сообщения — 22596 чел.; министерство строительства военных и военно-морских предприятий — 22167 чел.; министерство лесной промышленности — 21568 чел., министерство топливных предприятий — 21362 чел.²⁰¹. Остальные были закреплены за другими министерствами, каждое из которых получило не более 15 тыс. человек.

К концу октября 1946 г. территориальное распределение военнопленных претерпело некоторые изменения: около 50 тыс. человек было переведено из сурового сибирского и дальневосточного климатов в более теплый климат республик Средней Азии. Распределение военнопленных по отраслям промышленности соответствовало их размещению по территориальному признаку. Большая часть военнопленных была по-прежнему размещена в

¹⁹⁹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 138. Л. 107

²⁰⁰ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 143. Л. 190-193

²⁰¹ Там же. Л. 190

Хабаровском (167827 чел.) и Приморском краях (69428 чел.), на территории которых располагались значительные запасы угля и продолжалось строительство Байкало-Амурской магистрали. На территории Читинской и Иркутской областей, Бурят-Монгольской АССР, были сосредоточены крупнейшие центры цветной металлургии, лесной и топливной промышленности, в которые для работы было отправлено 112002 японца. В Казахской и Узбекской ССР, на территории которых находились 56972 японца, возводились гидро- и электротехнические сооружения, а также городские здания.

В 1947 г. было сокращено общее количество военнопленных в результате проведенной репатриации. На территории страны, согласно справке о распределении японских военнопленных и интернированных для трудового использования по министерствам на 1 декабря 1947 г., составленной ГУПВИ, осталось всего 250206 чел. Из них более половины работали в строительных организациях МВД. Итоги 1947 г. были подведены в январе 1948 г., о них было доложено руководству страны²⁰².

Приоритеты в распределении военнопленных японцев по министерствам за 1947 г. существенным образом не изменились: большинство бывших японских военнослужащих было закреплено за предприятиями, относившимися к министерствам: внутренних дел — 71459 чел.; вооруженных сил — 47552 чел., угольной промышленности восточных районов — 19535 чел.; строительства тяжелой индустрии — 19580 чел.; строительства военной и военно-морских предприятий — 14072 чел.; строительства топливных предприятий — 14026 чел. Проведенная в середине 1947 г. репатриация позволила снизить процент больных и нетрудоспособных японцев в 4 раза (с 2,72% до 0,61%). Произошло значительное снижение численности японских военнопленных, освобожденных от тяжелого труда, которые были заняты только на внутрилагерных работах — до 4726 чел.²⁰³, что составляло около 1,94%²⁰⁴ от всей численности

²⁰² Докладная записка Сталину И.В., Молотову В.М., Берия Л.П., Жданову А.А. от Круглова С.Н., 19 января 1948 г. // ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 68-79.

²⁰³ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 6597. Л. 72

военнопленных японцев, занятых на производстве и строительстве.

Предполагалось, что после завершения репатриации к концу осени 1948 г. на территории СССР останется 91563 военнопленных японца. Уже 2 апреля 1948 г., еще до начала репатриации, С.Н. Круглов в своей записке В.М. Молотову²⁰⁵ представил предложения по примерному распределению японских военнопленных, оставшихся в СССР, по министерствам в 1948-1949 гг.: 54 тыс. чел. планировалось задействовать на строительстве БАМа (МВД) и 3563 чел. — на объектах треста «Дальстрой» в Магадане, входившего в хозяйственную систему МВД; 15 тыс. — на строительстве морского и рыбного порта²⁰⁶ в г. Находка; 12 тыс. — на комбинатах министерства угольной промышленности восточных районов; 7 тыс. — на стройках министерства строительства топливных предприятий СССР.

Репатриация японцев, проводившаяся в апреле 1948 г., привела к появлению обращений, адресованных руководству МВД (1-му заместителю министра внутренних дел генерал-полковнику И.А. Серову) и руководству ГУПВИ, в которых выражалась просьба оставить военнопленных японцев на наиболее важных предприятиях местного значения. Об этом, в частности, свидетельствует переписка И.В. Серова с заместителем министра угольной промышленности восточных районов Г.Г. Спицыным. Он просил не репатриировать военнопленных японцев, работавших на комбинатах «Приморскуголь» и «Хабуголь»²⁰⁷. Получив отказ на свою просьбу, Г.Г. Спицын 29 апреля 1948 г. попросил И.А. Серова хотя бы отсрочить их репатриацию до IV квартала 1948 г.²⁰⁸ В конечном итоге из МВД пришел отказ и на это предложение руководителя министерства угольной промышленности восточных районов, хотя частичный компромисс был найден: в августе 1948 г. численность японских военнопленных, не включенных в список репатриантов,

²⁰⁴ По одним данным, в январе 1948 г. количество японцев, занятых на производстве и строительстве, составляло 245257 человек, по другим — 249983. // ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 68, 77.

²⁰⁵ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 203. Л. 357-359

²⁰⁶ Так в тексте.

²⁰⁷ РГВА. Ф. 1п. Оп. 6и. Д. 65. Л. 54, 73

²⁰⁸ Там же. Л. 95

была увеличена в полтора раза для одного из предприятий. Просьбы об отсрочке или о приостановке репатриации военнопленных японцев направлялись как в МВД, так и напрямую советскому руководству²⁰⁹.

На 1 марта 1949 г., согласно данным министерства внутренних дел²¹⁰, в Советском Союзе из 91449 японцев 70984 чел. были размещены в лагерях МВД, 8870 чел. выполняли внутрилагерные работы, 2715 чел. числились в отдельных рабочих батальонах МВС, а остальные 3035 чел. находились в спецгоспиталях. Всего всем министерствам, использовавшим труд военнопленных японцев, к началу весны 1949 г. было выделено более 85 тыс. человек. Из 62114 военнопленных японцев, работавших на предприятиях, чуть менее половины (30363 чел.) работали в строительных организациях МВД, чуть менее четверти (18040 чел.) — на угольных шахтах, 14715 чел. строили порт в г. Находка. 4098 чел. находились в распоряжении министерства строительства предприятий машиностроения, 1328 чел. работали на строительстве объектов морского флота. Квоты по количеству бывших японских военнослужащих, выделенных другим министерствам, не превышали 1300 чел.

К концу лета 1949 г. руководства МВД и МИД СССР планировали завершить репатриацию подавляющего большинства военнопленных японцев, содержащихся в Советском Союзе — более 90 тыс. человек, за исключением военных преступников и японских военнослужащих, находившихся под следствием. Руководители предприятий, на которых работали военнопленные японцы, должны были в кратчайшие сроки привлечь вольнонаемных рабочих для выполнения своих обязательств перед государством. Помимо этого предприятиям необходимо было произвести полный финансовый расчет с лагерной администрацией, предоставлявшей им рабочую силу, а она, в свою

²⁰⁹ Так, например, 9 сентября 1948 г. начальник Главнефтегазстроя при Совете Министров СССР просил заместителя председателя Совета Министров В.М. Молотова отсрочить репатриацию японцев, занятых на строительстве завода каталитического крекинга в г. Красноводске (Туркменская ССР) до декабря 1948 года. Просьба была отклонена, т.к. к этому моменту японцы уже были сняты с работ и отправлены в г. Находка для последующей отправки в Японию. // РГВА. Ф. 1п. Оп. 6и. Д. 77. Л. 284.

²¹⁰ Справка о распределении работающих военнопленных японцев, содержащихся в лагерях МВД по министерствам. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 5091. Л. 2, 9

очередь, была обязана выплатить денежные вознаграждения, полагавшиеся военнопленным японцам. Руководители предприятий получали уведомления о необходимости освобождения японских военнопленных от работ в связи с их репатриацией незадолго до ее начала. В начале 1949 г. руководство ГУПВИ окончательно приняло решение снимать с работ военнопленных японцев, входивших в списки репатриантов, несмотря на то, что просьбы об отсрочке или отмене репатриации поступали в ГУПВИ еще с 1948 г.

В постановлении Совета Министров № 2326-905с от 10 июня 1949 г. министерствам, в распоряжении которых находились военнопленные японцы, было поручено разработка планов мероприятий по замене военнопленных на вольнонаемных рабочих. Но не все предприятия и организации, использовавшие труд японцев, министерства, краевые и областные власти были готовы предоставить план таких мероприятий. 21 июня в Совет Министров поступила записка от министра строительства топливных предприятий о том, что изъятие японских военнопленных, с его точки зрения, не было предусмотрено. Также в конце июня 1949 г. секретарь Хабаровского крайкома ВКП(б)²¹¹ просил отсрочить вывоз бывших японских военнослужащих²¹².

Проект постановления Совета Министров СССР о замене репатрируемых военнопленных японцев постоянными советскими рабочими был разработан уже к 29 июня 1949 г. Предполагалось, что на смену японцам на предприятия придут молодые рабочие и выпускники профессиональных училищ. В качестве приложения к проекту постановления Совета Министров был представлен план замены японских военнопленных вольнонаемными рабочими в период с июля по август 1949 г. (составитель плана указан не был). Согласно этому плану, министерство угольной промышленности вместо 22025 японцев должно было получить 18580 вольнонаемных рабочих; министерство строительства предприятий машиностроения вместо 12810 японцев — 10574 вольнонаемных рабочих; министерство электростанций вместо 2007 японцев — 1681 рабочего;

²¹¹ В документе фамилия не указана. Вероятно, речь шла о А.П. Ефимове, первом секретаре Хабаровского комитета ВКП(б).

²¹² ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 6597. Л. 5

министерство морского транспорта вместо 1631 японца — 1403 рабочих и т.д. Всего же вместо 40841 военнопленного японца, работавшего в наиболее важных отраслях советской промышленности, было необходимо 34186 вольнонаемных рабочих²¹³. В процессе согласования текста постановления Совета Министров были отмечены и трудности, с которыми сталкивались министерства при выполнении этого плана: так, организация набора рабочих для предприятий и строек выполнялась неудовлетворительно вследствие недостаточной суммы единовременного пособия для обустройства на новых местах (300 руб.), которое предлагалось повысить до 750 рублей²¹⁴. После внесенных в проект постановления исправлений он вступил в силу 30 июня 1949 г., и ему был присвоен номер 3273-1361с.

На 1 декабря 1949 г., согласно справке о распределении военнопленных для трудового использования по министерствам²¹⁵, в системе военного плена в СССР еще находился 8631 японец. Они подозревались или были осуждены в совершении военных преступлений. Из них 6859 человек были выделены министерствам для выполнения работ на предприятиях: 1956 человек — министерству угольной промышленности, 1120 человек — министерству строительства предприятий машиностроения, 798 человек — МВД, 400 человек — министерству лесной и бумажной промышленности. Остальные министерства получали в свое распоряжение менее 300 человек. 1772 человека не работали (они являлись освобожденными от работ офицерами) или находились в спецгоспиталях. При этом на предприятиях работали лишь 5056 человек, остальные выполняли внутрилагерные работы.

В марте 1950 г. выполнение четвертого пятилетнего плана было завершено. К концу апреля 1950 г. количество японцев, занятых на работах, сократилось в десятки раз, что означало, что их труд уже не был необходим для развития советской экономики. Трудоспособные японцы были сосредоточены в лагере № 16, находившемся в Хабаровском крае. В структуру лагеря №16 входили два

²¹³ Подсчитано по данным из следующего источника: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 6597. Л. 22

²¹⁴ Там же. Л. 12-13

²¹⁵ РГВА. Ф. 1п. Оп. 8и. Д. 5. Л. 68-70

лагерных отделения, одно из которых было создано при ХОЗО (Хозяйственный отдел) УМВД Хабаровского края, а второе лагерное отделение относилось к организациям, подчинявшимся министерству строительства.

Начальства лагерей, предприятий, строек и хозяйств, на которых работали находившиеся в СССР иностранные военнопленные, при организации их работы руководствовались сводом правил, определявшим порядок применения труда иностранных военнопленных. 29 сентября 1945 г. нарком внутренних дел С.Н. Круглов издал приказ № 0249 «О введении в действие «Положения о трудовом использовании военнопленных», который касался иностранных военнопленных, размещенных в лагерях НКВД и бывших иностранных военнослужащих, зачисленных в отдельные рабочие батальоны наркомата обороны.

«Положение о трудовом использовании военнопленных» состояло из трех разделов: первый раздел включал в себя «Инструкцию по трудовому использованию военнопленных», во второй раздел входила «Инструкция о работе производственно-плановых аппаратов лагерей НКВД для военнопленных», а третий раздел составляла «Инструкция о взаимоотношениях между лагерем и хозорганом на контрагентских договорных работах»²¹⁶.

В «Инструкции по трудовому использованию военнопленных» был закреплён ряд принципов, на которых основывалась организации труда иностранных военнопленных в СССР. Первым из них стал принцип об обязательности труда военнопленных рядового и младшего офицерского составов. Отказ от труда или халатное отношение к труду со стороны военнопленных влекло за собой наказание. Согласно второму принципу, военнопленные обязывались возместить своим трудом все расходы, потраченные на их содержание. Администрация лагеря была обязана добиваться максимально продуктивного использования вверенного ей контингента иностранных военнопленных и обеспечивать полное возмещение государственных расходов на содержание лагеря. Согласно третьему принципу,

²¹⁶ Военнопленные в СССР, 1939-1956: документы и материалы. С. 634

использование военнопленных в качестве рабочей силы осуществлялось в строгом соответствии с их физическим состоянием.

В соответствии с тремя основными принципами организации труда иностранных военнопленных в «Инструкции по трудовому использованию военнопленных» был регламентировано применение их труда. Военнопленные по прибытию в лагерь должны были проходить обязательный 21-дневный карантин, во время которого врачебно-трудовыми комиссиями²¹⁷ каждому иностранному военнопленному определялась категория труда, выявлялись его квалификация и специальности, полученные им до попадания в лагерь. За это время, согласно «Инструкции», военнопленные могли привлекаться только для выполнения работ, необходимых для обустройства своего быта внутри лагерной зоны.

В первую категорию труда зачислялись военнопленные, годные для любых типов физических работ, вне зависимости от их тяжести. Во вторую категорию труда попадали военнопленные, годные к труду средней тяжести, а к третьей категории относились военнопленные, способные выполнять только легкий труд (например, уборка территории лагерного отделения, пошив и ремонт обмундирования и другие типы работ, выполняемые внутри лагерной зоны).

Военнопленных, входивших в первые две категории труда, разрешалось задействовать на строительстве, при разработке полезных ископаемых, на работах по вырубке леса и на других типах работ, требовавших больших физических затрат. Военнопленных, зачисленных в третью категорию труда, запрещалось направлять на тяжелые виды работ, наравне с военнопленными, зачисленными в первые две категории труда. Инвалиды, входившие в четвертую категорию труда, из баланса рабочей силы исключались, а военнопленным, находившимся в спецгоспиталях на излечении, категория трудоспособности определялась после их выздоровления.

Рабочий день военнопленных из первых двух категорий труда, согласно

²¹⁷ В их состав входили: заместитель начальника лагеря, начальник санитарного отдела, начальник производственно-планового отдела. // Военнопленные в СССР, 1939-1956: документы и материалы. С. 634.

инструкции, составлял столько же, сколько и рабочий день вольнонаемного рабочего, но при неудовлетворительных показателях выполнения военнопленными производственных норм администрация лагеря имела право оставлять их на сверхурочные работы (вплоть до двух часов). Для военнопленных, зачисленных в третью категорию труда, продолжительность рабочего дня не должна была превышать 4-6 часов. Количество нерабочих дней для военнопленного составляло не более 4 дней в месяц, включая и праздники, и вынужденные простои из-за сложных метеорологических условий. Ответственными за выполнение производственных норм являлись офицеры из числа военнопленных — командиры рот и взводов, которые были освобождены от работы.

Наряду с обязанностями у иностранных военнопленных, размещенных на территории СССР, существовали и права. За полностью выполненную работу военнопленным выплачивалось денежное вознаграждение в размере 85% от заработной платы вольнонаемных рабочих, занятых на трудоемких работах, и 70% — за выполнение прочих видов работ, но сумма вознаграждения не должна была превышать 200 рублей. Деньги выплачивались военнопленным, зачисленным в первую и вторую категории труда только при наличии в их подразделениях строгой дисциплины и только при выполнении производственной нормы на 100% и более. Командирам взводов и рот из числа военнопленных выплачивалось вознаграждение от 75 рублей при полном выполнении их подчиненными производственных норм до 250-300 рублей при выполнении производственных норм на 150% и выше.

Из суммы, заработанной военнопленными, вычиталась стоимость расходов на их содержание и обеспечение, а вознаграждение за труд выдавалось только в том случае, если оно превышало стоимость их содержания. Фактическая стоимость содержания, как было подсчитано позднее, доходила до 456 рублей в месяц в расчете на одного военнопленного.²¹⁸ При этом, согласно «Инструкции трудовому использованию военнопленных», сумма денежных средств, которая

²¹⁸ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 269. Т. 2. Л. 113

единовременно могла находиться у военнопленных, не должна была превышать 150 рублей. Если денежное вознаграждение, заработанное военнопленным, превышало эту сумму, то средства начислялись на его лицевой счет. Неработающим иностранным военнослужащим, а также военнопленным, занятым на работах внутри лагерной зоны, вознаграждение не полагалось.

Для военнопленных, выполнявших и перевыполнявших производственные нормы, помимо денежных вознаграждений, были предусмотрены и другие виды материального поощрения: размещение в лучших бараках, первоочередная выдача постельных принадлежностей, обмундирования и обуви. К военнопленным, небрежно относившимся к работе и не выполнявшим производственные нормы, могли быть применены различные виды наказаний: объявление выговора перед строем и в приказе, арест с содержанием на гаупвахте на срок до 20 суток, перевод в штрафное подразделение с особо тяжелым режимом работ на срок до трех месяцев, лишение права переписки и пользования деньгами на срок до двух месяцев.

Руководство большинства лагерей, создаваемых для содержания военнопленных японцев в 1945 г., не было знакомо с «Положением о трудовом использовании военнопленных». В 1945 г. условия труда военнопленных японцев определялись содержанием директив, указаний и приказов наркома внутренних дел. Необходимость создания достойных условий труда особенно остро проявлялась с наступлением зимних холодов. Меры, указанные в директиве № 184 от 23 октября 1945 г.²¹⁹ и директивах №№ 196, 199, 200 от 12 ноября 1945 г. и директиве № 227 от 27 ноября 1945 г., были направлены на улучшение порядка использования труда иностранных военнопленных, размещенных на территории СССР. Несмотря на то, что только директивы № 196 и № 227 были адресованы начальствам лагерей для японцев, их содержание не отличалось от содержания директив №№ 184, 199, 200. Во всех этих документах нарком внутренних дел С.Н. Круглов приказал сократить рабочий день японских военнопленных до восьми часов в сутки, количество

²¹⁹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 192. Л. 82-85

сверхурочных часов — до двух, сократить расстояние пеших переходов и организовать обогрев помещений, в которых работали японцы, обеспечить их обувью и обмундированием, пригодными для использования в зимнее время года.

16 января 1946 г. С.Н. Круглов издал директиву № 16 «О мероприятиях по снижению заболеваемости и смертности в лагерях НКВД для военнопленных и интернированных», в которой им было предписано проверить выполнение других директив, разосланных ранее²²⁰. Нарком также разрешил в январе-марте 1946 г. не выводить иностранных военнопленных на работы, если организации или предприятия, использовавшие их труд, не предоставляли приемлемых жилищно-бытовых условий, или если японцам не выдавались положенные им продовольственные нормы²²¹.

Контроль за соблюдением условий труда и за организацией работ для бывших японских военнослужащих с августа 1945 г. по февраль 1946 г. осуществлялся в рамках общей практики подготовки к зимнему сезону лагерей для иностранных военнопленных. Специфика работы с новым контингентом — японскими военнопленными — слабо отражалась в нормативной документации наркомата внутренних дел до февраля 1946 г. При этом указания наркома внутренних дел, содержащиеся в его директивах, практически не отличались от некоторых пунктов «Положении о трудовом использовании военнопленных», утвержденном С.Н. Кругловым 29 сентября 1945 г.

В феврале 1946 г. в целях проверки состояния лагерей для военнопленных японцев на Дальнем Востоке и в Сибири была сформирована комиссия, состоявшая из представителей ГУПВИ, ОПВИ и начальников УМВД. Комиссией было проверено выполнение директив наркома внутренних дел, касавшихся условий и организации труда военнопленных японцев. 12 апреля 1946 г. на основании полученных данных была составлена итоговая докладная записка заместителя начальника ГУПВИ И.В. Петрова, адресованная

²²⁰ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 214. Л. 8

²²¹ О продовольственных нормах обеспечения военнопленных японцев будет рассказано более подробно ниже.

С.Н. Круглову.²²² В ней были отражены первые итоги работы с японскими военнопленными за IV квартал 1945 г., а также за I и II кварталы 1946 г. Заместитель начальника ГУПВИ И.В. Петров сделал в докладной записке следующий вывод: «Результаты труда военнопленных... позволили нам снять с повестки дня формулу о плохой работе военнопленных и на конкретных примерах доказать, что за этим скрываются причины плохой работы хозорганов [организаций, использовавших труд военнопленных, — С.П.]»²²³.

Проверка, проведенная в феврале 1946 г., выявила целый ряд недостатков в системе организации труда военнопленных японцев, избавиться от которых органам внутренних дел в полной мере не удавалось до конца 1948 г. Причем они были вызваны не только проблемами общего характера, характерными для всех иностранных военнопленных, размещенных в Советском Союзе (нехваткой зимней одежды и обуви, инструментов и т.д.), но и тем, что начальство лагерей часто не учитывало неприспособленность японцев к суровым зимним условиям в Сибири и на Дальнем Востоке.

Сжатые сроки, в течение которых организации и предприятия, использовавшие труд японских военнопленных, должны были выполнить постановление ГКО № 9898сс, стали причиной хаотичного размещения лагерей и их отделений, которые часто располагались в 5-10 км от мест работ. Согласно четвертому пункту третьего раздела «Положения о трудовом использовании военнопленных» в случае, если иностранные военнопленные были размещены более чем в 5 км от мест работ, то предприятие или организация, использовавшие труд военнопленных, должны были обеспечить их транспортом²²⁴. Поручение ГКО о выдаче в пользование лагерям для военнопленных японцев 1200 грузовых автомашин и 900 автомашин для конвойных войск НКВД²²⁵ не выполнялось. Отсутствие, или неисправность необходимого числа автомашин, доставлявших военнопленных к месту работ,

²²² РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 2. Л. 72-97.

²²³ Там же. Л. 72.

²²⁴ Военнопленные в СССР, 1939-1956: документы и материалы. С. 643

²²⁵ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18 (7-2). С. 178

являлось еще одним существенным фактором, влиявшим на общую трудоспособность японских военнопленных. При численности лагерного отделения в несколько тысяч человек в распоряжении организации или предприятия, использовавшего труд военнопленных, часто имелось всего 6-7 исправных автомашин.

Из-за нехватки транспорта японцы добирались до мест работы своим ходом в изможденном состоянии, что являлось объективным обстоятельством, затруднявшим полноценное выполнение ими производственных норм. В особенности это обстоятельство сказывалось на состоянии японцев в зимнее время года, когда военнопленные, разбитые по бригадам, вынуждены были добираться в сильный мороз через метели и бездорожье. При этом, согласно «Положению о трудовом использовании военнопленных», при пешем переходе до мест работ свыше 3 км каждый километр пути должен был засчитываться за 15 минут работы²²⁶. Однако на практике это правило не всегда выполнялось.

Чтобы не допустить сокращения численности годных к труду военнопленных, в «Краткой справке о нормативах и положенности для военнопленных японцев, содержащихся в лагерях» был запрещен вывод военнопленных 2-й и 3-й категорий труда на открытые тяжелые работы в зимнее время года, как и отправка японцев к месту работ пешим порядком на расстояние свыше 3 км.²²⁷

Из-за удаленности лагерных отделений до рабочих участков, самостоятельный путь военнопленных японцев занимал продолжительное время. При этом собственно рабочее время для них засчитывалось с того момента, как японцы приступали к работе. От утреннего подъема до того момента, как они добирались до объекта работ, уходило от 3 до 4 часов, час из которых уходил на построение и перекличку. Во время построения и переклички военнопленные находились вне помещения. В холодное время года это сказывалось на здоровье японцев, не привыкших к низким температурам.

²²⁶ Военнопленные в СССР, 1939-1956: документы и материалы. С. 643

²²⁷ РГВА. Ф. 1п. Оп. 17а. Д. 7. Л. 7

Собственно рабочий день военнопленных длился 6-7 часов, в связи с тем, что время на сдачу инвентаря и построение для отправки в лагерь засчитывалось как рабочее. Возвращались военнопленные уже поздно ночью, как правило, своим ходом, что, в свою очередь, создавало дополнительные проблемы организационного характера. Японцы попадали в дорожно-транспортные происшествия, случавшиеся в вечернее время суток. Министр внутренних дел в своих директивах предписал организовать безопасное движение на дорогах²²⁸.

Руководство лагерей, ознакомившись с «Положением о трудовом использовании военнопленных» от 29 сентября 1945 г., пользовалась своим правом оставлять военнопленных японцев на сверхурочные работы на срок до двух часов, в результате чего время ночного отдыха военнопленных сокращалось, а продолжительность рабочего дня увеличивалась до 12 часов. Короткое время ночного отдыха приводило к снижению работоспособности японцев и являлось еще одним фактором, приводившим к росту заболеваемости. Сокращение вследствие этого количества военнопленных японцев, зачисленных в 1-ю и 2-ю категории труда, работавших на тяжелых работах, приводило к тому, что японских военнопленных, входивших в 3-ю категорию труда, лагерная администрация направляла на тяжелые работы наравне с остальными японцами, что запрещалось в директивах МВД. В связи с тем, что результативность труда японцев на открытых работах продолжала оставаться на низком уровне, 22 мая 1946 г. в своей директиве № 131 С.Н. Круглов запретил оставлять бывших японских военнослужащих на сверхурочные работы²²⁹. Позднее был издан еще целый ряд директив министра внутренних дел, действовавших с 1946 по 1950 гг., в которых напоминалось о необходимости неукоснительного соблюдения восьмичасового рабочего дня. В 1947 г. был закреплен и минимальный срок ночного отдыха. Так, согласно директиве министра внутренних дел СССР № 172 «Об устранении недостатков в трудовом использовании военнопленных» от 18 сентября 1947 г.,

²²⁸ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 24 (13). С. 257

²²⁹ РГВА. Ф.1п. Оп. 17а. Д. 7. Л. 131

обязательный ночной отдых должен был составлять не менее 8 часов.²³⁰

Директивы, изданные министерством внутренних дел, привели к появлению ряда вопросов относительно их применения. В частности, для руководства лагерей оставалось неясным, распространялось ли действие директив и приказов о распорядке рабочего дня на иностранных военнопленных, входивших в третью категорию труда. Согласно директиве № 172 военнопленных этой группы разрешалось задействовать только на легких работах с продолжительностью менее 6-7 часов. Кроме того, в целях еще большей рационализации распорядка дня иностранных военнопленных министерство внутренних дел требовало максимально сократить время на их построение, проводившееся в осенне-зимнее время года вне помещений. Аналогичные мероприятия были предприняты и в отношении военнопленных, числившихся в отдельных рабочих батальонах МВС. Для того чтобы поставить под контроль положение военнопленных в отдельных рабочих батальонах МВС, министром внутренних дел была издана директива № 134 об установлении жесткого контроля за состоянием рабочих батальонов МВС.²³¹

Неподготовленные рабочие места, нехватка инструментов и спецодежды также становились причинами вынужденных перерывов в работе. В конце 1945 г. – начале 1946 г. С.Н. Круглов отдал распоряжение о проведении проверки условий труда в лагерных отделениях и лагерях краевыми и областными комиссиями, возглавляемыми начальниками УМВД. Так, в процессе проверки одной из комиссий был выявлен случай, когда на 500 военнопленных, занятых на лесоповале в Хабаровской области, выдано было лишь 100 топоров и 10 пил.²³²

Кроме того, руководства предприятий и организаций, использовавших труд военнопленных, часто не назначали ответственных за соблюдение правил безопасности, что приводило к массовому травматизму среди японцев. Отсутствие табличек на японском языке, незнание японцами русского языка

²³⁰ Там же. С. 431

²³¹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 214. Л. 187

²³² РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 13. Л. 89-95

или незнание японского языка советскими бригадирами создавало трудности в обучении японских военнопленных новой профессии. В результате этого военнопленные не знали базовые правила безопасной работы с инструментами (особенно на производстве). Каждый раз, прибывая на новое место работы, японцы вынуждены были учиться заново. Практика назначения военнопленных на работы, соответствовавшие их гражданским специальностям, широко распространена не была, во-первых, из-за нехватки в лагерях переводчиков, а во-вторых, из-за недоверия со стороны руководств предприятий и организаций и боязни саботажа производства.

В течение 1947 г. были приняты меры по созданию достойных условий труда военнопленных японцев не только министерством внутренних дел, но и остальными министерствами, использовавшими труд бывших японских военнослужащих. Так, 13 декабря 1947 г. министр угольной промышленности восточных районов Д.Г. Оника издал приказ № 102, в котором обязал всех начальников угольных комбинатов, на которых работали японские военнопленные, не только устранить недостатки по размещению военнопленных, но и обеспечить их спецодеждой, обувью, пригодными к работе инструментами, организовать пункты обогрева на открытых участках работ и провести инструктаж по нормам безопасности в соответствии с правилами ведения горных работ.²³³ Аналогичные указания от других министерств получили предприятия и организации отраслей промышленности, в которых использовался труд военнопленных японцев.

К концу апреля 1950 г. в состав иностранных военных преступников, освобожденных от репатриации, входили не только японские унтер-офицеры и рядовые, уже привлекавшиеся к труду, но и военнопленные офицеры и генералы, которые ранее были освобождены от работы. 30 ноября 1950 г. С.Н. Круглов и А.А. Громыко в своей докладной записке руководству страны предложили распространить на иностранных военных преступников порядок выплаты денежного вознаграждения за труд, установленный для заключенных,

²³³ РГВА. Ф. 1п. Оп. 6и. Д. 65. Л. 3

содержавшихся в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) и колониях Советского Союза, введенный в действие ЦК ВКП(б) 13 марта 1950 г. в постановлении Совета Министров № 1065-376сс.²³⁴ Теперь привлечению к труду подлежали все физически здоровые иностранные военнопленные, находившиеся на территории СССР, вне зависимости от звания, за исключением престарелых и больных генералов. Правила выплаты вознаграждения за принудительный труд иностранных военных преступников также отличались от тех, что действовали в отношении иностранных военнопленных до апреля 1950 г. Для всех трудоспособных военных преступников были установлены единые нормы выработки, которые определялись исходя из производственных норм, действовавших для вольнонаемных рабочих в тех краях и областях, на территории которых содержались военные преступники. Из суммы вознаграждения, которая равнялась 65% от ставки вольнонаемного рабочего, вычиталась сумма расходов на содержание и обмундирование военнопленных, а также подоходный налог. Оставшаяся сумма (но не более 250 рублей) выдавалась военнопленным на руки. Больным и нетрудоспособным военнопленным, а также тем из них, кто был занят на внутрилагерных работах, вознаграждение по-прежнему не выплачивалось. Порядок выплаты денежного вознаграждения действовал в отношении всех военных преступников вплоть до их полного освобождения.

Недостатки в организации труда военнопленных японцев, наряду с бытовыми проблемами, отражались на производительности их труда.

2.2. Производительность труда японских военнопленных

Производительность труда военнопленных японцев являлась одним из объективных показателей эффективности их работы. Как статистический показатель в делопроизводственной документации она выражалась в процентах и вычислялась исходя из данных о выполнении японцами их производственных норм. При этом численность фактически присутствовавших на работах военнопленных не соответствовала количеству военнопленных, годных к труду

²³⁴ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 269. Т. 2. Л. 111-113

(«трудовой фронт»), т.к. часть военнопленных использовалась на работах внутри лагерной зоны или на неоплачиваемых работах.

Суровая зима 1945/1946 г., а также неспособность организаций и предприятий создать достойные условия размещения военнопленных в конце I квартала 1946 г. привели к резкому снижению производительности труда, увеличению количества нетрудоспособных и заболевших японцев. Резкое изменение соотношения трудоспособных и нетрудоспособных японцев вело к повышению расходов на их содержание. За февраль 1946 г., согласно отчетным статистическим данным ГУПВИ, из 458407 человек, закрепленных за всеми наркоматами, на работах было задействовано только 244824 японца²³⁵, т.е. фактически на оплачиваемых работах было занято лишь 53,4% военнопленных. При этом, согласно данным НКВД, только за месяц, с января по февраль 1946 г., численность годных к труду японцев снизилась на 32783 человека²³⁶. Остальные работали внутри лагерной зоны или были временно освобождены от труда в связи с состоянием здоровья, не были выведены на работы из-за низких температур, отсутствия конвоя или инструментов, необходимых для работы. Часть военнопленных японцев не была направлена на работы по вине организаций или предприятий, в распоряжении которых они были предоставлены. К не работавшим военнопленным относились и офицеры, освобожденные от труда.

подавляющее большинство японских военнопленных, занятых на работах в организациях и на предприятиях, — 80969 человек (41,4%) — не выполняли и половины производственных норм; 46536 человек (23,9%) выполняли производственный план от 50% до 80%; от 80 до 100% плана выполняли 33703 военнопленных (16,9%), а 27275 военнопленных (13,9%) перевыполняли план от 1 до 24%²³⁷. Оставшаяся часть (7680 человек, или 3,9%) перевыполняли план на 25% и выше.

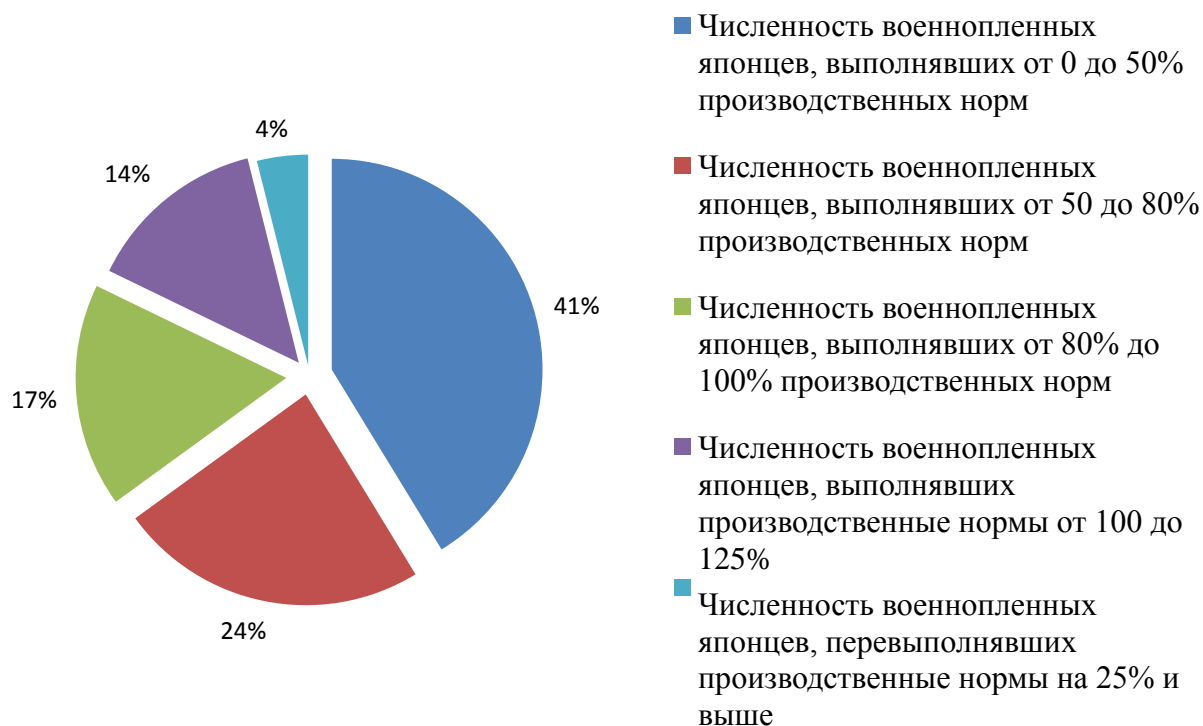
²³⁵ РГВА. Ф. 1п. Оп. 4и. Д. 3. Л. 3-26

²³⁶ Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР 1941-1952. Отчетно-информационные документы и материалы. С. 581

²³⁷ Там же. С. 582

Процентное соотношение численности военнопленных, не выполнявших, выполнявших и перевыполнявших производственные нормы, исходя из данных за февраль 1946 г., выглядит следующим образом:

Диаграмма 1. Процентное соотношение численности категорий военнопленных японцев, не выполнявших, выполнявших и перевыполнявших производственные нормы (по данным за февраль 1946 г.)

В своем докладе И.В. Сталину и В.М. Молотову от 26 февраля 1946 г. наркому внутренних дел С.Н. Круглову пришлось признать, что производительность труда японцев зачастую не превышала и 50-60%.²³⁸ В своем докладе нарком внутренних дел выразил просьбу об оказании «некоторой помощи со стороны Совнаркома Союза ССР» для улучшения результатов, получаемых от труда бывших японских военнослужащих²³⁹. К концу февраля 1946 г.²⁴⁰ в НКВД был разработан проект постановления Совета Народных Комиссаров «О мероприятиях по сохранению физического состояния военнопленных японцев и улучшению их трудового использования»,

²³⁸ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 134. Л. 342

²³⁹ Там же. Л. 344

²⁴⁰ Точной даты на документе указано не было.

в котором было предложено снизить нормы выработки для японцев, относившихся ко второй категории труда, — на 30%, а для японцев, относившихся к третьей категории труда, — на 50%, при этом сохранив все продуктовые надбавки за выполнение и перевыполнение производственных норм²⁴¹. В проекте постановления Совета Народных Комиссаров также содержалось предложение изменить и географию распределения японских военнопленных: во-первых, снять с работ и вывезти 50 тыс. японцев из Приморского, Хабаровского, Алтайского, Красноярского краев, Читинской и Иркутской областей, а также из Бурят-Монгольской АССР в более подходящий для японцев климат республик Средней Азии. Внесение этого предложения в проект постановления Совета Народных Комиссаров было основано на том, что, если производительность труда японцев на открытых работах была ниже, чем в закрытых помещениях, то работа в более благоприятных климатических условиях будет способствовать повышению производительности их труда. Помимо этого руководством НКВД в проект постановления был включен пункт, предусматривавший возможность снимать военнопленных японцев с работ и передавать другим предприятиям или организациям, если для них не были созданы удовлетворительные условия труда и размещения²⁴².

Текст проекта постановления был доставлен Л.П. Берии уже 4 марта 1946 г., а на следующий день он вынес резолюцию, в которой предписал А.И. Микояну, занимавшему тогда пост заместителя председателя Совета Народных Комиссаров (СНК), председателю Госплана СССР Н.А. Вознесенскому, наркому обороны СССР Н.А. Булганину и заместителю начальника Управления тыла СССР А.В. Хрулеву рассмотреть этот проект и представить свои соображения относительно него в Оперативное Бюро²⁴³ в десятидневный

²⁴¹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 48а. Д. 2506. Л. 21

²⁴² Там же. Л. 23

²⁴³ Скорее всего, имелось ввиду Оперативное бюро Совета Народных Комиссаров по вопросам народного комиссариата обороны, народного комиссариата Военно-Морского Флота, сельскохозяйственных и пищевых наркоматов, торговли и финансов, а также комитетов и управлений при Совете Народных Комиссаров СССР. Оперативное бюро было учреждено в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) 6 сентября 1945 г. для руководства деятельностью наркоматов // Иосиф

срок²⁴⁴. В течение марта 1946 г. текст проекта согласовывался между ведомствами, которые они возглавляли, а в конце марта — первых числах апреля 1946 г. он был обсужден на совещании у Л.П. Берии в присутствии Н.А. Булганина и А.В. Хрулева. Уже 5 апреля 1946 г. С.И. Круглов вместе с А.И. Микояном, Н.А. Вознесенским, Н.А. Булганиным и А.В. Хрулевым отправили на имя Л.П. Берии согласованный проект постановления СНК, переименованного 15 марта 1946 г. в Совет Министров, с уже измененным названием «О мерах по улучшению трудового использования и материально-бытового положения военнопленных». 8 апреля он был передан в Оперативное Бюро²⁴⁵.

Из итогового варианта проекта постановления Совета Министров были убраны предложения С.Н. Круглова о снижении норм выработки для военнопленных японцев, зачисленных во вторую и третью категории труда. Остальные положения первоначального проекта постановления были одобрены. В итоговом варианте постановления был утвержден порядок перевода военнопленных японцев из наиболее неблагоприятных по показателям производительности труда лагерей МВД в Среднюю Азию. Из Читинской области согласно плану, следовало вывезти 15 тыс. человек; из Приморского края — 10 тыс. человек; из Хабаровского края — 9 тыс. человек; из Бурят-Монгольской АССР — 7 тысяч человек и из Иркутской области — 4 тысячи человек. Оставшиеся 5 тысяч японцев планировалось переместить из Красноярского края и Кемеровской области. 13 апреля 1946 г. проект постановления был утвержден, и оно было опубликовано под номером 828-338сс²⁴⁶.

Руководство Главного управления по делам военнопленных и интернированных неоднократно предлагало снизить нормы выработки для японцев на некоторое время, чтобы восстановить их работоспособность. 20 мая

Сталин. Сочинения в 15 томах. Том 15. Постановление ПБ ЦК ВКП(б) от 6 сентября 1945 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hrono.info/libris/stalin/15-39.html> (дата обращения: 02.06.15)

²⁴⁴ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 48а. Д. 2506. Л. 26

²⁴⁵ Там же. Л. 8

²⁴⁶ Там же. Л. 46

1946 г. в ГУПВИ был разработан проект директивы за подписью заместителя министра внутренних дел В.В. Чернышова, в которой предполагалось разрешить снижение норм выработки на 20-30% для японцев, зачисленных во все категории труда, на срок в один месяц, но при этом выдавать питание как за 100% выполнение производственных норм²⁴⁷. Предполагалось, что действие этой директивы должно было распространяться на 11 лагерей для японцев во всех областях и краях с наиболее тяжелыми условиями труда и быта. Однако проект директивы утвержден не был, поскольку противоречил выполнению целей, поставленных советским правительством.

Одними из задач, поставленных органам внутренних дел, как указывал С.Н. Круглов в докладных записках, высылаемых руководству страны с марта по сентябрь 1946 г., являлось улучшение физического состояния японских военнопленных, увеличение количества трудоспособных японцев и повышение производительности их труда. На совещании руководств МВД, ГУПВИ и УМВД краев и областей, состоявшемся 20-22 марта 1946 г.²⁴⁸ было отмечено, что, если бы были устранены недостатки, связанные с неудовлетворительными жилищно-бытовыми условиями, то экономическая прибыль, полученная от труда иностранных военнопленных, могла бы быть гораздо выше²⁴⁹. На совещании министр внутренних дел отметил, что восстановить работоспособность военнопленных после ее ухудшения значительно сложнее, чем поддерживать ее. Хорошее физическое состояние военнопленных, как полагал С.Н. Круглов, являлось одним из важных условий для обеспечения рентабельности работы лагерей. В целях мотивации выполнения военнопленными производственных норм руководство ГУПВИ предложило разрешить ударникам труда скорейшее освобождение и репатриацию.

²⁴⁷ РГВА. Ф. 1п. Оп. 10з. Д. 17. Л. 224

²⁴⁸ Совещание состоялось в Москве 20-22 марта 1946 г. На совещании были обсуждены вопросы, связанные с работой органов внутренних дел, и одно из заседаний было посвящено работе с военнопленными. В его работе участвовали республиканские министры внутренних дел и начальники управлений МВД по краям и областям. В предисловии к стенографической записки было отмечено, что с ее содержанием необходимо ознакомить республиканские, краевые и областные органы внутренних дел.

²⁴⁹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 214. Л. 103

Предложение руководства ГУПВИ было реализовано к началу репатриации 1947 г.

Осенью 1946 г. часть больных и нетрудоспособных японских военнопленных была вывезена из Советского Союза. Репатриация позволила улучшить отчетную статистику по производительности труда. Согласно данным ГУПВИ в октябре 1946 г. из 362749 военнопленных японцев, годных к труду, на работах, оплачиваемых организациями и предприятиями, было занято 292628 человек, что составило порядка 81% от числа бывших японских военнослужащих, направленных на предприятия для выполнения работ²⁵⁰. Временно не работали из-за болезни 16424 человека. Из баланса рабочей силы всего было исключено 27750 человек, 15712 из которых находились в оздоровительных командах — формированиях военнопленных, которые временно освобождались от работ для улучшения своего физического состояния. Большинство японцев — 85414 человек — выполняли производственные нормы от 100% до 125%, что составляло чуть более трети — 31,8% всех занятых на оплачиваемых работах японцев. От 80% до 100% производственных норм выполняли 74111 человек (27,59%), от 50% до 80% — 51822 человека (19,29%), а меньше половины производственных норм выполняли 30026 человек (11,8%). Меньше всего военнопленных японцев перевыполняло план на 25% и выше — 27250 человек (10,14%)²⁵¹. Соотношение численности военнопленных японцев, не выполнявших, выполнявших и перевыполнявших производственные нормы, показано в диаграмме 2:

²⁵⁰ Исходя из данных, представленных в документе, соотношение военнопленных японцев, занятых на работах организаций и предприятий к общему числу входящих в трудовой фонд военнопленных составляет 81% (80,67%), а не 80%, как заявлено в документе. // РГВА. Ф. 1п. Оп. 4и. Д. 14. Л. 13

²⁵¹ Сложение всех данных о численности выполнявших нормы от 0 до 150% показывает, что количество работавших японских военнопленных составляло 268623 человек. Согласно данным, которые приводит ГУПВИ, численность японцев, занятых на работах организаций и предприятий, составляла 292627 человек. Данная разница в документе не выделена и не объяснена. Вероятно, ряд организаций и предприятий не проводил учет выполнения производственных норм. // РГВА. Ф. 1п. Оп. 4и. Д. 14. Л. 14

Диаграмма 2. Процентное соотношение численности категорий военнопленных японцев, не выполнявших, выполнявших и перевыполнявших производственные нормы (по данным за октябрь 1946 г.)

Средняя производительность труда, по расчетам сотрудников ГУПВИ, достигала 91%²⁵². Средняя прибыль, получаемая от труда одного бывшего японского военнослужащего в день, к концу 1946 г. равнялась 13 рублям 95 копейкам²⁵³. В 1947 г. одними из важнейших задач, поставленных Главному управлению по делам военнопленных и интернированных на 1947 г., являлось повышение показателей производительности труда. В список задач на 1947 г. входило не только улучшение формальных производственных показателей, но и сохранение и улучшение здоровья военнопленных.

Зачастую повышение показателей производительности труда и увеличение численности японцев, выполнявших и перевыполнявших производственные нормы, достигалось не за счет обеспечения достойных условий труда и быта, а за счет административно-репрессивных мер со стороны начальствующих составов лагерей. В первой половине января 1947 г. в лагерях МВД была зафиксирована высокая смертность и заболеваемость среди военнопленных

²⁵² Там же.

²⁵³ РГВА. Ф. 1п. Оп. 8и. Д. 5. Л. 89

японцев, немцев и других иностранных военнопленных, а также значительное снижение показателей производительности труда.

Данные о производительности труда за январь 1947 г. по сравнению с данными за октябрь 1946 г. также претерпели изменения. Численность военнопленных японцев, выполнявших производственные нормы на 125% и выше, изменилась в процентном соотношении в большую сторону на два процента (с 10% до 12%), хотя их количество уменьшилась с 27250 до 26334 человек. Количество японцев, выполнявших нормы на 100-125%, снизилось на 8,3% и достигла 51883 человек, что составляло 23,7% от всех работавших военнопленных. На 4,8% снизилось процентное соотношение числа японцев, выполнявших производственные нормы от 80 до 100%, и составило 23,22% (с 74111 до 50830 человек). Процентная доля японцев, выполнявших производственные нормы от 50 до 80%, наоборот, увеличилась на три процента (с 19% до 22%), однако их численность сократилась с 51822 до 47441 человек. Количество японских военнопленных, не выполнявших и половины норм, наоборот, выросло на 8% (с 11% до 19%), а в числовом выражении — на 12402 человека (с 30026 до 42428). Приведенные выше расчеты были проиллюстрированы в диаграмме 3:

Диаграмма 3. Процентное соотношение численности категорий военнопленных японцев, не выполнявших, выполнявших и перевыполнявших производственные нормы (по данным за январь 1947 г.)

Таким образом, по сравнению с октябрём 1946 г., произошло снижение численности бывших японских военнослужащих, выполнявших и перевыполнявших производственные нормы, и увеличение численности японцев, не выполнявших производственные нормы, даже несмотря на то, что к ноябрю 1946 г. из лагерей было репатриировано более 25 тысяч нетрудоспособных японских военнопленных, а на их место из Северной Кореи были доставлены годные к труду японские военнослужащие. Средняя производительность труда, согласно данным ГУПВИ, за первый месяц 1947 г. составила 80,4%²⁵⁴ и по сравнению с данными за октябрь 1946 г. снизилась на 1,6%.

В начале января 1947 г. в приказе № 2 С.Н. Круглов отдал указание

²⁵⁴ Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР 1941-1952. Отчетно-информационные документы и материалы. С. 591

перевести 70% военнопленных в оздоровительные учреждения лагерей, освободить их от работ, а оставшиеся 30% использовать только на внутрилагерных работах²⁵⁵. К январю 1947 г. только 237567 (74,7%) из 317856 годных к труду японцев было занято на работах, оплачиваемых предприятиями и организациями²⁵⁶. Выполнение приказа МВД № 2 привело к резкому увеличению военнопленных, зачисленных в оздоровительные команды (39195 человек), в то время как в октябре 1946 г. в них числилось 15712 японцев. В общей сложности из баланса рабочей силы в январе 1947 г. было исключено 49931 человек (при этом в октябре 1946 г. этот показатель составлял 27750 человек).

25 января 1947 г. в телеграмме, адресованной всем начальникам управлений лагерей, С.Н. Круглов ввел в лагерях МВД для иностранных военнопленных «особое положение»²⁵⁷ (также оно упоминалось в документах как «чрезвычайное положение»). На время действия «особого положения», как отмечалось в телеграмме, все усилия руководств лагерей должны были быть сконцентрированы на сохранении трудоспособности военнопленных. Ответственность за здоровье военнопленных была возложена лично на начальников лагерей.

Директивой министра внутренних дел № 22 от 28 января 1947 г.²⁵⁸ были созданы специальные комиссии в составе представителей органов МВД, отвечавших за работу с военнопленными (республиканские, краевые, областные руководства УМВД, сотрудники ОУВС и санитарных служб, а также руководство УПВИ-ОПВИ). В список лагерей, подлежащих обследованию комиссиями, вошли 109 лагерей, из которых в 25 лагерях, находившихся в Алтайском, Приморском, Хабаровском краях, а также в Иркутской и Читинской областях, содержались японцы²⁵⁹. Комиссии не только инспектировали лагерь

²⁵⁵ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 257. Л. 2-3

²⁵⁶ Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР 1941-1952. Отчетно-информационные документы и материалы. С. 588

²⁵⁷ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 257. Л. 25 - 25 об.

²⁵⁸ Там же. Л. 34

²⁵⁹ Там же.

МВД, но и на месте решали проблемы, связанные с материальным снабжением японцев и организацией их труда. Работа комиссий была завершена к началу апреля 1947 г., а «особое положение» было снято с лагерей к 1 мая 1947 г., а все иностранные военнопленные, зачисленные в третью категорию труда, были отправлены на работы.²⁶⁰

В результате принятых мер к концу мая 1947 г. численность японцев, зачисленных в третью категорию трудоспособности, по сравнению с мартом 1947 г., было уменьшено в три раза — с 75545 до 25360 человек²⁶¹. Соотношение военнопленных японцев, занятых на производстве, к общей численности японских военнопленных, содержащихся в лагерях МВД, по сравнению с январем 1947 года, увеличилось на 7,2% и составило 81,9%. Количество японцев, выполнявших производственные нормы от 100% до 125%, было доведено до 67457 человек (32,57%), от 80% до 100% — до 53516 человек (25,84%), а от 50% до 80% было снижено до 34657 человек (16,73%)²⁶².

1 сентября 1947 г. С.Н. Круглов накануне проверки готовности лагерей к зиме напомнил своим подчиненным, что их работа будет оцениваться только по данным о физическом состоянии иностранных военнопленных. В связи с репатриацией японцев, начавшейся в апреле 1947 г., часть лагерных отделений была закрыта, а оставшиеся в СССР бывшие японские военнослужащие были перераспределены. 10 октября 1947 г. С.Н. Круглов, докладывая Л.П. Берии и В.М. Молотову о состоянии здоровья военнопленных японцев²⁶³, отметил, что перевод японских военнопленных из отрасли в отрасль приводил к тому, что они из обустроенных лагерей попадали в лагерные отделения, в которых не были созданы удовлетворительные условия труда и быта. Бывшим японским военнослужащим, уже получившим профессиональный опыт в определенной специальности, приходилось ее менять и проходить переобучение. Вследствие этого, а также вследствие износа зимнего обмундирования, недостатка теплых

²⁶⁰ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 251. Л. 135

²⁶¹ Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР 1941-1952. Отчетно-информационные документы и материалы. С. 590

²⁶² Там же. С. 591

²⁶³ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 173. Л. 305-319

вещей и обуви, происходило снижение их трудоспособности и падение показателей производительности труда.

В своей докладной записке министр внутренних дел просил оказать содействие и поручить руководства министерств вмешаться и принять меры для исправления ситуации. В целях повышения производительности труда военнопленных С.Н. Круглов подготовил проект постановления Совета Министров «О мерах по повышению производительности труда военнопленных», в котором предложил обязать министерства не только выполнить все обязательства по строительству помещений, необходимых для быта и работы иностранных военнопленных, но и обеспечить лагерные отделения топливом, автотранспортом, инструментами и материалами. В проект постановления Совета Министров были включены и предложения об увеличении на 40% вознаграждения для военнопленных, занятых на тяжелых видах работ, и на 30% для занятых на прочих видах производства. Планировалась и отмена ограничения суммы единовременного денежного вознаграждения, выдаваемого иностранным военнопленным за работу, которая не превышала 200 рублей²⁶⁴. Кроме того, С.Н. Круглов предложил ввести запрет на перевод военнопленных с одного участка на другой по заявкам предприятий и организаций на период с октября 1947 г. по апрель 1948 г. Предложения С.Н. Круглова были реализованы частично: министерствам было поручено улучшить материальное обеспечение лагерей, однако ограничение суммы денежного вознаграждения, выдаваемого иностранным военнопленным, отменено не было.

В результате улучшения контроля за физическим состоянием военнопленных японцев к декабрю 1947 г. из 192228 японцев, годных к труду, на оплачиваемых работах было занято 156847 японцев (81,6%)²⁶⁵. Количество японских военнопленных, временно не работавших по состоянию здоровья, по сравнению с январем 1947 г. снизилось почти в три раза, с 16183 человек до

²⁶⁴ Там же. Л. 311-316

²⁶⁵ РГВА. Ф. 1п. Оп. 5и. Д. 4. Л. 84

5693 человек, а количество военнопленных японцев, зачисленных в оздоровительные команды, было снижено более чем в семь раз — с 39195 человек до 5602 человек.

Численность японцев, выполнявших производственные нормы от 100% до 125%, в декабре 1947 г. составляла уже почти половину от численности бывших японских военнослужащих, занятых на производстве, — 64133 человека (45,55%); от 80% до 100% — 26678 человек (18,95%); численность военнопленных японцев, перевыполнявших нормы от 25% и выше, достигла 26526 человек (18,84%). При этом только 23452 японских военнопленных (16,66%) выполняли производственные нормы менее, чем на 80%²⁶⁶. Средний показатель производительности труда, согласно данным ГУПВИ, вырос до 105,8%²⁶⁷.

Главное управление по делам военнопленных и интернированных, исходя из результатов, достигнутых за 1947 г., в 1948 г. планировало обеспечить повышение эффективности труда иностранных военнопленных, улучшить показатели производительности труда на 10% и более²⁶⁸. При этом в 1948 г. планировалось продолжить выполнение мероприятий, направленных на постоянное поддержание хорошего физического состояния всех содержащихся в СССР иностранных военнопленных.

В феврале 1949 г. начальник 4-го производственного отдела ГУПВИ Н. Чернов доложил начальнику ГУПВИ Т.Ф. Филиппову о том, что в 1948 г. средний доход от использования труда одного иностранного военнопленного в сутки достиг 18 рублей 97 копеек, что превышало плановую сумму прибыли (17 рублей). Среднее соотношение японцев, занятых на оплачиваемых работах, к общей численности всех годных к труду японских военнопленных составило 75,2%, что оказалось выше запланированного соотношения (74,8%). Эти результаты позволили руководству отдела отчитаться о выполнении задач,

²⁶⁶ Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР 1941-1952. Отчетно-информационные документы и материалы. С. 591. См. также: РГВА. Ф. 1п. Оп. 5и. Д. 4. Л. 84

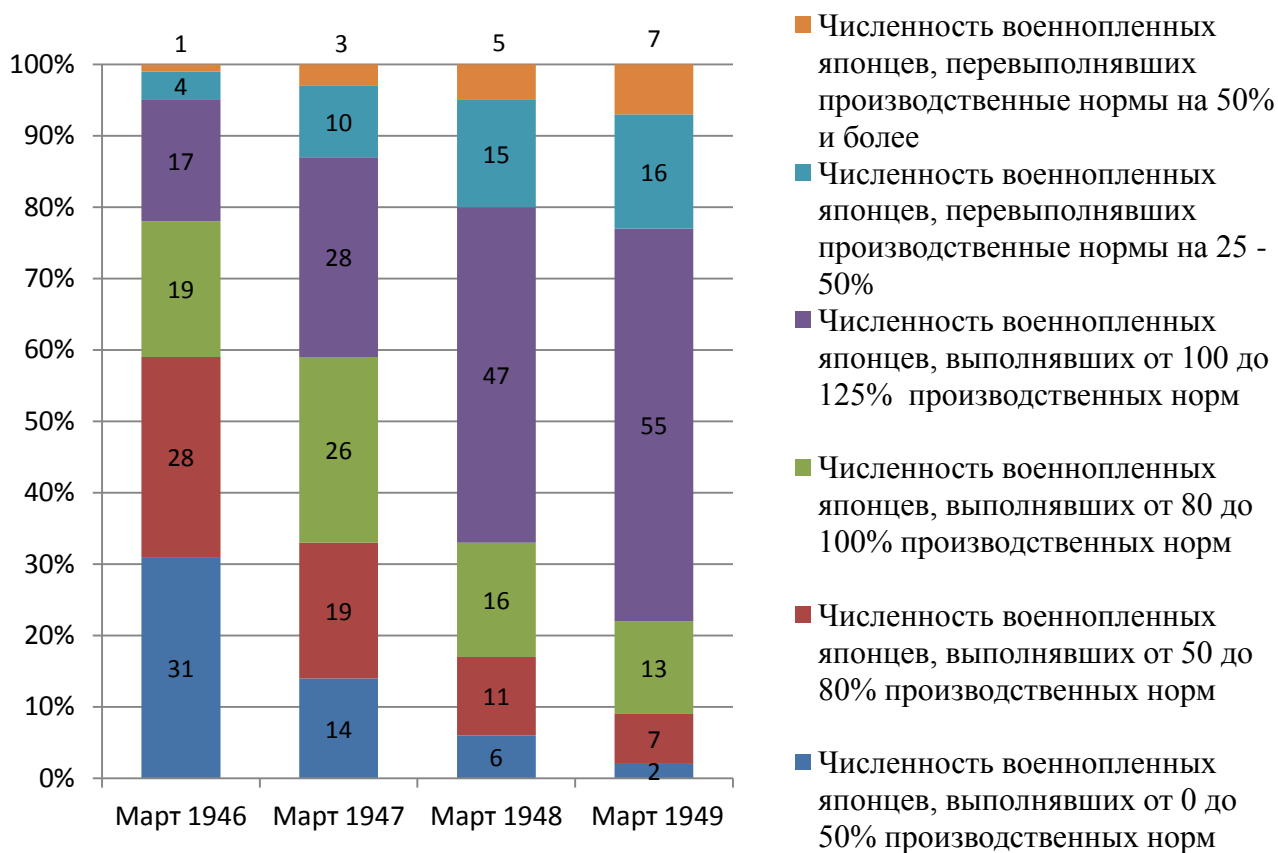
²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ РГВА. Ф. 1п. Оп. 8и. Д. 5. Л. 89

возложенных на ГУПВИ в 1948 г.²⁶⁹

На первое января 1949 г., как рапортовал С.Н. Круглов И.В. Сталину в докладной записке, из 92645 японцев, находившихся в Советском Союзе, на работах было задействовано 87216 человек, что в процентном соотношении составляло 94,13%.²⁷⁰ Как представляется, эти данные были завышены, т.к. уже к марту 1949 г. это соотношение уменьшилось до 84,46%. Соотношение численности бывших японских военнослужащих, выполнявших нормы от 100% до 125%, достигло 55,24%, в то время как в марте 1948 г. это соотношение составляло 46,62%²⁷¹. В диаграмме 4 на примере данных за март 1946-1949 гг. показано, как изменялось соотношение численности японцев, не выполнявших, выполнявших и перевыполнявших производственные нормы:

Диаграмма 4. Изменение процентного соотношения численности категорий военнопленных, не выполнявших, выполнявших и перевыполнявших производственные нормы (по данным за март 1946-1949 гг.)

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 234. Л. 75

²⁷¹ Там же.

Средняя производительность труда, согласно данным ГУПВИ, по сравнению с мартом 1948 г., возросла с 107,2% до 114,5%. В августе 1949 г., во время проведения репатриации, заместитель начальника ГУПВИ И.В. Петров докладывал начальнику ГУПВИ Т.Ф. Филиппову, что средняя прибыль от работы одного японца в сутки в 1949 г. составляла уже 22 рубля и 35 копеек, хотя, согласно плану, предусмотренному ГУПВИ на I полугодие 1949 г., она должна была составлять 18 рублей и 2 копейки.²⁷²

С весны 1950 г. статистика производительности труда японских военнопленных основывалась на данных о хозяйственной деятельности лагеря № 16, в котором были сосредоточены трудоспособные японцы. Согласно статистической отчетности за 1952 г., составленной в начале 1953 г.,²⁷³ в лагере № 16 содержалось 1530 человек²⁷⁴. Из них оплачиваемые работы выполняли только 1218 человек, что составляло почти 80% от численности всех содержащихся в лагере заключенных. Средняя прибыль от работы одного военнопленного японца составляла от 27 до 78 рублей в сутки, что превышало план на 15 рублей. Всего же на счет лагеря за работу заключенных поступило 11089 рублей, что превысило предусмотренную планом сумму на 33,4% и позволило, за вычетом расходов на содержание и обслуживание лагеря, пополнить государственную казну на 2782 рубля. Прибыль за 1952 г. превысила доходы, полученные от работы бывших японских военнослужащих в лагере № 16 за предыдущий год, на 749 рублей²⁷⁵.

Хозяйственно-экономическая отчетность лагеря № 16 была проинспектирована сотрудниками МВД в мае 1953 г. в связи с передачей лагеря в ведение Тюремного отдела МВД. Средний доход в расчете на одного осужденного военнопленного в сутки составлял 29 рублей и 30 копеек при том, что на оплачиваемых работах было задействовано 83,7% всех заключенных

²⁷² ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 234. Л. 72

²⁷³ Документ конкретной даты создания не имеет.

²⁷⁴ Военнопленные в СССР (1939-1956). С. 599

²⁷⁵ Там же.

лагеря²⁷⁶. Численность японских военных преступников, годных к труду, уменьшилась в связи с тем, что часть их была освобождена и репатриирована. 10 августа 1953 г., при обследовании лагеря комиссией, возглавляемой заместителем начальника Тюремного отдела МВД Хабаровского края полковником

А. Зиминым, были выявлены значительные недостатки в организации труда осужденных японских военнопленных. Техника безопасности на объектах работ была организована неудовлетворительно, следствием чего стал высокий травматизм, отмеченный сотрудниками УПВИ еще весной 1953 г. Выявленные недостатки были исправлены. К декабрю 1953 г. норму индивидуального производственного плана от 101% до 125% выполняли 553 японца из 911 осужденных военнопленных (60,7%), занятых на оплачиваемых видах работ в лагере № 16; 145 японских военнопленных (15,9%) выполняли нормы от 126% до 150% и лишь 78 человек (8,6%) выполняли нормы от 51% до 80%. Средний показатель производительности их труда составлял 115,5%²⁷⁷.

С весны 1950 г. по декабрь 1956 г. труд осужденных японских военнопленных, количество которых к осени 1956 г. сократилось до 1025 человек, имел несущественное значение для экономики Хабаровского края. Привлечение к труду японцев, остававшихся на территории СССР, являлось наказанием за совершенные ими военные преступления.

2.3. Продовольственное снабжение японских военнопленных

Организацией продовольственного снабжения лагерей МВД для иностранных военнопленных занималось Главное управление военного снабжения (ГУВС), входившее, как и ГУПВИ, в список «главков» в системе органов внутренних дел и подчинявшееся народному комиссару внутренних дел, а позднее — министру внутренних дел. Согласование, определение графика и объема поставок продовольствия для иностранных военнопленных, содержащихся в лагерях НКВД (МВД), осуществлялись республиканскими,

²⁷⁶ РГВА. Ф. 1п. Оп. 6и. Д. 77. Л. 17

²⁷⁷ РГВА. Ф. 1п. Оп. 2т. Д. 59. Л. 172

краевыми, областными отделами управления военного снабжения и администрациями лагерей. Продукты питания доставлялись на склад лагерного отделения, откуда распределялись по местам приготовления пищи.

Предприятия, на которых использовался труд иностранных военнопленных, могли брать на себя часть обязательств по организации их питания. В договорах, заключавшихся между предприятиями или организациями и руководствами лагерей, мог содержаться пункт, согласно которому военнопленным выдавался паек за счет стороны, использовавшей их труд. Затратная стоимость такой услуги вычиталась из итоговой суммы, перечисляемой на счет лагеря. Поставки продуктов питания (как правило, овощных и плодовых культур) осуществляли также совхозы и колхозы, располагавшиеся недалеко от лагерей. Взамен они получали право использовать труд военнопленных для своих нужд.

Организация продовольственного снабжения являлась единой для всех иностранных военнопленных, размещенных на территории СССР. На каждого военнопленного в сутки полагалось определенное количество продуктов. Исходя из него, а также из общего количества военнопленных в лагере или лагерном отделении, вычислялся месячный объем запасов продовольствия, который органы военного снабжения должны были доставлять в лагерь. Перечень и количество продуктов питания, полагавшихся военнопленным в сутки, определялись нормами суточного довольствия, которые составлялись в ГУПВИ и ГУВС. Суточные нормы довольствия вводились в действие приказами народного комиссара (министра) внутренних дел и публиковались в качестве приложения к ним. Они различались для рядового и унтер-офицерского, офицерского, генеральского составов. Для дистрофиков и военнопленных, находившихся на излечении в спецгоспиталях и лазаретах лагерей, действовали отдельные нормы довольствия. При этом, для бывших японских военнослужащих были разработаны специальные нормы питания с учетом их национальных особенностей. В данной главе рассматриваются нормы питания, действовавшие для японских рядовых и унтер-офицеров,

составлявших подавляющее большинство японских военнопленных, размещенных на территории Советского Союза.

Вплоть до конца сентября 1945 г. продовольственное снабжение японских военнопленных практически никак не регулировалось и было возложено на их командный состав. Формально во фронтовых лагерях действовали продовольственные нормы, принятые в японской армии. Нормы питания для находившихся в пути военнопленных японцев также никак не регламентировались вплоть до 4 октября 1945 г., когда начальник тыла главного командования советскими войсками на Дальнем Востоке Ф.Н. Лагунов приказал выдавать военнопленным один раз в сутки горячую пищу, состоящую из 300 г. хлеба, 300 г. крупы (заменяемых в случае нехватки 1,5 кг картофеля) и 10 г. жиров²⁷⁸. Остальная часть суточной нормы должна была выдаваться в пути сухим пайком.

Суточные нормы довольствия для японских военнопленных рядового и унтер-офицерского составов, содержащихся в лагерях НКВД, были закреплены в приказе народного комиссара внутренних дел № 001117 и в приказе начальника тыла Красной Армии № 0013, которые составляли единый документ, подписанный главами обоих комиссариатов 28 сентября 1945 г.²⁷⁹ Они касались не только японцев, размещенных в лагерях НКВД и в отдельных рабочих батальонах НКО, но и тех из них, кто еще оставался в сборных, приемных пунктах и фронтовых лагерях в Маньчжурии.

В рацион питания японских военнопленных, согласно приказу народного комиссара внутренних дел № 001117 и приказу начальника тыла Красной Армии № 0013, входило 10 наименований продуктов, из которых два (полуочищенный рис и мисо — соус, характерный для национальной японской кухни) предназначались только для японцев. Представляется, что целесообразно сопоставить суточные нормы довольствия бывших японских военнослужащих не только с нормами довольствия военнопленных немцев,

²⁷⁸ Русский архив: Великая Отечественная. Т.18 (7-2). С. 186

²⁷⁹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 181. Л. 150-152об.

австрийцев, итальянцев, австрийцев, румын и венгров, утвержденных наркомом внутренних дел 19 мая 1945 г., но и с нормами довольствия советских заключенных. Примечательно, что новые нормы для заключенных были утверждены в приказе наркома внутренних дел № 1183 от 9 октября 1945 г.²⁸⁰, т.е. спустя всего 11 дней после утверждения норм для японцев. Иностранные военнопленные и заключенные выполняли принудительный труд, требовавший значительных затрат сил, компенсировать которые должно было правильно составленное питание. В таблице 2 представлено сопоставление суточных норм довольствия рядового и унтер-офицерского составов иностранных военнопленных с суточными нормами довольствия для заключенных.

²⁸⁰ Там же. Л. 231

Таблица 2. Сопоставление суточных норм довольствия рядового и унтер-офицерского состава иностранных военнопленных и суточных норм довольствия для заключенных

Тип продуктов	Суточная норма довольствия для военнопленных рядового и унтер-офицерского состава японских военнопленных (в граммах)	Суточная норма довольствия для военнопленных рядового и унтер-офицерского состава военнопленных европейских национальностей (в граммах)	Суточная норма довольствия для советских заключенных (в граммах)
Хлеб ржаной из муки 96% помола	300	600	600
Рис (полуочищенный)	300	-	-
Мука*		10	10
Крупа	100	90	-
Макароны**		10	100
Мясо	50	30	18
Рыба	100	100	60
Жиры***	10	15	12
Растительное масло	-	15	-
Томат-пюре	-	10	10
Сахар	15	17	15
Мисо	30	-	-
Чай	3	2	2
Соль	15	30	20
Лавровый лист	-	0.2	0,1
Перец	-	0.3	0,1
Уксус	-	2	-
Овощи****			
Картофель		600	
Капуста		170	
свежая или квашенная	600	45	650
Морковь		40	
Свекла		35	
Лук репчатый		10	
Коренья, зелень, огурцы			

* Для военнопленных западных армий в наименовании продукта значилось «мука пшеничная 2-го сорта». Для японцев в наименовании продукта значилось «мука или крупа (из зерна пшеницы, овса, ячменя и бобовых)».

** Для военнопленных западных армий в наименовании продукта значилось «макарон-вермишель».

*** Для военнопленных западных армий в наименовании продукта значилось «сало или комбижир».

**** Для японцев в наименовании продукта значилось «овощи свежие или соленые», состав отдельных овощей не указан.

Сравнение представленных в таблице 2 продуктовых норм показало, что японские военнопленные не получили существенных преимуществ по сравнению с заключенными и военнопленными западных армий. Введение в нормы питания продуктов, характерных для японцев (мисо и риса), не может считаться проявлением заботы о военнопленных. Рис, являвшийся продуктом, предназначенным только для японцев, замещал половину нормы ржаного хлеба, полагавшейся военнопленным европейских национальностей и советским заключенным. Мисо, которое по документам ГУПВИ считалось приправой, заменило собой ряд продуктов, присутствовавших в нормах для военнопленных немцев, итальянцев, австрийцев, румын, венгров и заключенных. Оно не изготавливалась в СССР, а снабжение лагерей для бывших японских военнослужащих первое время производилось исключительно за счет трофейных запасов Квантунской армии, поступивших в распоряжение Красной Армии в конце августа 1945 г. Снабжение лагерей для японцев трофейными запасами продовольствия было налажено в тех лагерях, которые располагались близко к советско-маньчжурской границе и только тогда, когда не было транспортных, погодных и иных проблем, препятствовавших своевременной доставке запасов мисо. Предполагалось, что впоследствии японцы должны были самостоятельно готовить мисо из тех продуктов, которые полагались им согласно продовольственным нормам. Примечательно, что в воспоминаниях бывших военнослужащих японцев мисо, как часть их рациона, не упоминалось вовсе.

Продовольственные нормы, введенные в действие 29 сентября 1945 г. для военнопленных японцев, являлись недостаточными. 26 февраля 1946 г. С.Н. Круглов докладывал И.В. Сталину и В.М. Молотову о том, что калорийность суточного пайка для японцев, выдаваемого по нормам, была недостаточной и составляла 2390 калорий²⁸¹ и являлась одной из основных

²⁸¹ Вероятно, имелись ввиду не калории, а килокалории. Во всех источниках, содержание которых касалось калорийности пайков военнопленных, употреблялось слово «калории» вместо «килокалории».

причин высокой заболеваемости и смертности в лагерях²⁸². Средняя суточная калорийность пайка, как было подсчитано в докладе заместителя начальника ГУПВИ И.В. Петрова от 12 апреля 1946 г., составляла от 2300 до 2400 калорий.²⁸³ К концу I квартала 1946 г., ознакомившись с невысокими в целом показателями производительности труда военнопленных японцев, И.В. Петров предложил изменить продовольственные нормы для японских военнопленных, чтобы повысить их калорийность²⁸⁴. Предложение И.В. Петрова было одобрено С.Н. Кругловым.

Производительность труда военнопленных японцев в I квартале 1946 г., как было показано выше, зачастую не превышала 50-80%. Поэтому в проект постановления Совета Народных Комиссаров «О мероприятиях по лагерям военнопленных», представленного МВД в марте 1946 г., были внесены предложения по решению назревших проблем продовольственного снабжения за счет увеличения общей (базовой) продовольственной нормы для японцев²⁸⁵.

Помимо увеличения общей продовольственной нормы для рядовых и унтер-офицеров в проекте постановления Совета Народных Комиссаров было предусмотрено увеличение выдачи продуктов в соответствии с выполнением индивидуального производственного плана. При выполнении плана от 80% до 100% предлагалось выдавать японцам дополнительно 25 г. хлеба и риса, а при выполнении от 101% — 50 г. хлеба и риса и второе горячее блюдо за счет фондов лагеря, в которое должно войти 80 г. риса, 100 г. хлеба и 15 г. сахара²⁸⁶. При этом на японский офицерский состав (командирам взводов, рот, батальонов) и начальников рабочих участков должна была распространяться норма для рядовых и унтер-офицеров. Предполагалось, что паек японским офицерам должен был выдаваться пропорционально результатам работы вверенных им подчиненных, при этом надбавку за выполнение тяжелых физических работ планировалось сохранить. Были также представлены

²⁸² ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 134. Л. 342

²⁸³ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 2. Л. 46

²⁸⁴ Там же. Л. 72-97.

²⁸⁵ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 48а. Д. 2506. Л. 22-25.

²⁸⁶ Там же. Л. 21.

отдельные нормы для дистрофиков, ослабленных японцев и японских военнопленных, находившихся на карантине или содержащихся на гаупвахте. Планировалось также введение новых принципов снабжения во время этапирования японцев, простоя (из-за отсутствия конвоя, объектов работ, крайне низких температур и т.д.) и в праздничные дни²⁸⁷.

Предложения МВД, содержащиеся в этом проекте постановления СНК (Совета Министров), были одобрены, за исключением введения продуктовых надбавок за выполнение норм. В приказе министра внутренних дел № 099 от 17 апреля 1946 г.²⁸⁸ базовые продовольственные нормы для японцев были увеличены, а также вводились унифицированные нормы вещевого снабжения. Надбавки выдавались только в случае перевыполнения производственных планов. Была введена также 25% надбавка к нормам по сахару, овощам и картофелю для тех военнопленных японцев, которые были заняты на работах, требовавших тяжелых физических затрат.

Неурожай лета 1946 г. осложнил продовольственное снабжение лагерей, в которых содержались японские военнопленные. Выдача надбавок за тяжелый труд был прекращен в соответствии с постановлением Совета Министров «Об экономии в расходовании хлеба» от 27 сентября 1946 г. Возникла необходимость пересмотра принципов снабжения продовольствием военнопленных японцев с учетом возможностей и планов министерств, заинтересованных в их труде, а также ведомств, отвечавших за распределение продукции сельского хозяйства.

Изначально инициатива о пересмотре этих принципов поступила от глав министерств угольной промышленности и министерства внутренних дел. 11 октября 1946 г. глава министерства угольной промышленности западных районов Д.Г. Оника, министр угольной промышленности восточных районов В.В. Вахрушев, и заместитель министра внутренних дел генерал-лейтенант В.С. Рясной (который в 1946 г. курировал строительство Волго-Донского

²⁸⁷ Там же. Л. 22.

²⁸⁸ Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 71

канала, Куйбышевской и Сталинградской ГЭС) составили письмо руководству страны, в котором просили ввести фиксированную надбавку (400 гр. хлеба) для японцев, немцев и советских заключенных, работавших в угольной промышленности, за выполнение тяжелой работы. В записке также предлагалось ввести зависимость объема пайка для военнопленных и заключенных, занятых в угольной промышленности, от выполнения ими норм выработки²⁸⁹. Однако заместитель председателя Госплана СССР М.Ф. Власов и министр торговли СССР А.В. Любимов выступили против возврата надбавок за тяжелый труд.

В итоге было решено сократить базовые продовольственные нормы для военнопленных японцев, но сохранить надбавки, полагавшиеся тем из них, кто работал в шахтах по добыче угля и других полезных ископаемых. Приказом МВД № 450 от 16 ноября, вступавшем в действие 1 декабря 1946 г., все изданные ранее приказы с закрепленными нормами были отменены и заменены на приказ № 450. Отныне паек японского военнопленного зависел только от норм выполнения производственных норм:

Таблица 3. Продовольственные нормы для японских военнопленных согласно приказу № 450

Выполнение производственной нормы	Хлеб (в граммах)	Рис и крупа (в граммах)	Овощи и картофель (в граммах)
Менее 80%	250	350	600
От 80% до 100%	300	450	700
От 101% до 125%	350	500	800
Свыше 125%	450	550	1000

Для японцев, работавших в шахтах под землей, в случае, если они полностью выполняли свои производственные нормы, дополнительно полагалось 300 г. хлеба. Японские военнопленные, перевыполнявшие производственные нормы, получали еще 100 г. хлеба.

Осенью 1947 г. после завершения всех уборочных работ в советском сельском хозяйстве министерство внутренних дел предложило пересмотреть

²⁸⁹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 48а. Д. 2495. Л. 2-3

принципы снабжения и японцев, и немцев. 10 октября 1947 г. в докладе Л.П. Берии и В.М. Молотову С.Н. Круглов предложил вернуть 25% надбавки по хлебу, крупе, сахару, мясу, жирам, овощам и картофелю для военнопленных, занятых на тяжелых видах работ вне зависимости от их национальности. Для военнопленных, выполнявших и перевыполнявших производственные нормы, было предложено дополнительно выдавать по 50 г. крупы и мяса и 10 г. жиров, а в отношении японцев поступило специальное предложение не заменять рис и мясо другими продуктами в случае их нехватки более чем на 50%²⁹⁰.

1 января 1948 г. вступил в силу новый приказ С.Н. Круглова № 0751 от 11 декабря 1947 г.²⁹¹, отменивший дифференцированную выдачу хлеба, риса, картофеля и овощей, предусмотренную приказом № 450. Приказ № 0751 действовал вплоть до 1950 г.

К началу 1948 г. отпала необходимость в дифференцированных пайках для японских военнопленных, поскольку более половина из них выполняла и перевыполняла производственные нормы. Ассортимент продуктов, выдаваемых японцам, вновь был расширен. Дополнительную порцию хлеба в 400 г. и 25% надбавку по сахару теперь получали бывшие японские военнослужащие, занятые на подземных работах не только в угольной промышленности, но и в сланцевой и горнорудной промышленности министерства цветной и черной металлургии. Такие же надбавки получали и военнопленные японцы, которые участвовали в строительстве предприятий, относившихся к этим отраслям. Поощрение военнопленных дополнительными пайками за хорошую работу было сохранено, но оно не было привязано к выполнению производственных норм. Выдача продуктов питания в качестве поощрения разрешалась только при наличии продуктов из неплановых продовольственных фондов, а расходование продуктов на эти цели из плановых фондов было категорически запрещено.

Суточные нормы довольствия для японских военнопленных, менявшиеся с

²⁹⁰ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 173. Л. 312

²⁹¹ Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 100-106

1945 г. по 1947 г., представлены в таблице 4. Нормы по мылу, табаку и спичкам не рассматриваются.

Таблица 4. Изменение суточных норм довольствия военнопленных японцев рядового и унтер-офицерского составов с 1945 г. по 1947 г.

Тип продуктов	Нормы довольствия согласно приказу № 001117 от 28 сентября 1945 г. (в граммах)	Нормы довольствия согласно приказу № 099 от 17 апреля 1946 г. (в граммах)	Нормы довольствия согласно приказу № 0751 от 11 декабря 1947 г. (в граммах)
Хлеб*	300	350	350
Рис	300	300	300
Крупа или мука разная	-	150	150
Мясо	50	50	50
Рыба	100	150**	150**
Жиры растительные	10	10	10
Овощи свежие или соленые	600	800	300
Картофель			500
Мисо	30	30	30
Сахар	15	18	18
Соль	15	20	30
Чай	3	3	1,5

Воспоминания бывших японских военнопленных свидетельствуют о том, что продовольственные нормы соблюдались не всегда. Вот что, например, вспоминает бывший военнопленный Сидзуо Ямасита, содержащийся в лагере, расположенном в Иркутской области: «Это было самой ненавистой обязанностью. В гробовом молчании все глаза направлены только на острие ножа. В наполовину вошедшей в землю комнате, под свет тоненькой

* Согласно приказам №001117 и №099 японским военнопленным полагался хлеб из ржаной муки 96% помола. Согласно приказу № 0751 японцы должны были получать хлеб, изготовленный из муки простого помола.

** Данная норма действовала только в отношении японцев, размещенных в лагерях Сибири и Дальнего Востока. Для остальных военнопленных японцев норма оставалась прежней — 100 г. (см. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 295. Л. 210)

самодельной свечи, разрезался хлеб. Черный хлеб.²⁹²» Бывший военнопленный лагеря № 30, находившегося в Бурят-Монгольской АССР, Юдзак Сакуэ, пишет, что «когда мы нашли собаку, мы все вместе приложили все силы, чтобы поймать ее. Когда нужно выражать или объяснять ее размер, то все понятно, если скажем, «три порции» или «пять порций»... В настоящее время в Японии есть бум любимых животных. Мир — дорог.»²⁹³ Другие японцы вспоминали, что употребляли в пищу змей и лягушек, а также грибы, подорожники, марь и другие растения. Они обменивали на хлеб и другие продукты питания свое обмундирование, личные вещи и поделки, изготовленные в лагере.

Голод являлся распространенным явлением не только среди японцев, но и среди военнопленных немцев и других бывших военнослужащих европейских национальностей. Это позволяет австрийскому исследователю С. Карнеру, опираясь на воспоминания бывших австрийских и немецких военнопленных, считать голод одним из явлений, характерных для всего «архипелага ГУПВИ»²⁹⁴.

Неудовлетворительное обеспечение японцев продуктами питания объясняется как объективными, так и субъективными причинами. К объективным причинам следует отнести послевоенные голод и разруху в СССР, неурожай лета 1946 г., нехватку исправного транспорта, а также удаленность лагерей, где содержались военнопленные японцы, от дорог и железнодорожных путей. Субъективными причинами недостаточного продовольственного снабжения японских военнопленных являлись: неспособность региональных отделов управления военного снабжения своевременно организовать и распланировать поставки продовольствия в лагеря для военнопленных японцев; отсутствие налаженного учета полученного продовольствия со стороны лагерной администрации; невыполнение лагерными руководствами приказов

²⁹² *Сидзуо Ямасита*. Рассказ о Сибири: документальные зарисовки одного японского солдата. Перевод на русский язык Кузнецова С.И. Токио: Digipro, 2006. С. 59

²⁹³ Боевые друзья плачут под мерзлой землей. Печальные японские военнопленные были в СССР. Сборник иллюстраций. Токио, 1998. С. 39

²⁹⁴ *Карнер С.* Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе 1941-1956. М.: РГГУ, 2002. С. 103

НКВД (МВД) в силу своей некомпетентности или отсутствия опыта.

До начала 1946 г. обеспечение японцев продовольствием производилось в основном за счет трофейных запасов продуктов питания Квантунской армии, прибывавших из Маньчжурии. Согласно постановлению ГКО № 9898 от 23 августа 1945 г. железнодорожные составы, перевозившие бывших японских военнослужащих из Маньчжурии на территорию СССР, надлежало обеспечить двухмесячным запасом продовольствия. Эшелоны сопровождалась не сотрудниками НКВД, а офицерами тыловых служб частей Красной Армии, остававшихся в Маньчжурии. Офицеры Красной Армии осуществляли лишь охрану военнопленных японцев, в то время как организация их питания была возложена на японских офицеров. Контроль и учет продовольствия, загруженного в эшелоны, налажены не были. Продукты питания в пути портились, выдавались несвоевременно, или не выдавались вовсе.²⁹⁵ Имелись даже случаи незаконной конфискации продуктов питания военнослужащими конвойных войск. Об этом стало известно руководству НКВД. Для предотвращения подобных явлений 16 ноября 1945 г. в директиве № 203²⁹⁶ заместитель наркома внутренних дел С.Н. Круглов предложил командировать оперативных сотрудников НКВД для сопровождения эшелонов с военнопленными японцами. Это решение руководства НКВД запоздало, поскольку большая часть японских военнопленных к этому времени или уже прибыла в лагеря и лагерные отделения, или находилась в пути.

В феврале 1946 г. сотрудниками ГУПВИ была проведена проверка лагерных отделений, где содержались японские военнопленные, которая выявила существенную нехватку запасов продуктов питания, хранящихся на лагерных складах. Так, например, в эшелонах, прибывших в Хабаровский край из Маньчжурии, было недогружено 2077 тонн риса, что составляло 41% от количества, необходимого для снабжения бывших японских военнослужащих, размещенных на территории края; 3512 тонн овощей (39%); 159 тонн мисо

²⁹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 210. Оп. 3152. Д. 52. Л. 38

²⁹⁶ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 192. Л. 88

(32%); мяса – 229 тонн; рыбы – 486 тонн. Руководство лагерей и лагерных отделений узнавало о нехватке необходимого количества продовольствия лишь в момент разгрузки эшелонов. Помимо этого, в ноябре-декабре 1945 г., продовольствие в лагерях НКВД, расположенных в Хабаровском крае, не поступало, поскольку предполагалось, что оно прибудет вместе с эшелонами. Аналогичные случаи наблюдались и в лагерных отделениях соседних областей и краев.²⁹⁷

К декабрю 1945 г. в лагерях для японских военнопленных отсутствовала даже месячная норма продуктов. 21 декабря 1945 г. в своей телеграмме № 247²⁹⁸ С.Н. Круглов потребовал сообщать в ГУВС о случаях срывов поставок продовольствия, направить начальников региональных отделов управления военного снабжения в лагеря и разделить запасы среди лагерных отделений поровну, во избежание неравномерного распределения продовольствия. Кроме того, заместитель наркома внутренних дел разрешил недостающие продукты заменять другими продуктами питания. В 1945-1947 гг. руководство лагерей часто пользовалось этой возможностью. Рис и овощи, положенные военнопленным японцам, заменялись гаолянном и чумизой, являвшимися продуктами более низкой калорийности, которые пришлось в срочном порядке закупать в Маньчжурии.

Неудовлетворительная организация поставок и хранения продовольствия, а также ненадлежащая организация питания в лагерях для военнопленных японцев, наравне с неподготовленностью жилищно-бытовых условий к их приему, привели к высокой смертности. В 1945 г. и в 1946 г. в лагерях НКВД и отдельных рабочих батальонах НКО скончалось в общей сложности не менее 29434 человек²⁹⁹, причем большая часть умерших приходилась на осенний и зимний периоды.

21 марта 1946 г. состоялось совещание С.Н. Круглова с начальниками

²⁹⁷ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 13. Л. 138

²⁹⁸ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 192. Л. 135-135а

²⁹⁹ Главное Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР 1941-1952. Отчетно-информационные документы и материалы. С. 441

ГУПВИ и ГУВС, республиканскими министрами внутренних дел, краевыми и областными начальниками УМВД. На этом совещании министром внутренних дел была отмечена неудовлетворительная работа органов управлений военного снабжения, работу которых он назвал «безрукой» и предложил их руководству не перекладывать контрольно-учетные функции на администрацию лагерей. В конце заседания министр потребовал от подчиненных добиваться максимальной производительности труда иностранных военнопленных, но не в ущерб их физическому состоянию. Ухудшение физического состояния военнопленных, вызванное в том числе недостаточностью и нерегулярностью их питания, приводило к снижению производительности их труда. Министр так охарактеризовал работу с военнопленными: «Дело с военнопленными щекотливое, и правительство с нас за них строго спрашивает. Нас предупредили, что содержание и трудоустройство военнопленных — дело очень важное, и что нужно за этим делом следить».³⁰⁰

20 апреля 1946 г. на одном из совещаний с участием руководства ГУПВИ и ГУВС, посвященное причинам высокой смертности и заболеваемости в лагерях МВД для иностранных военнопленных, было принято решение в срочном порядке систематизировать работу по обеспечению продовольствием лагерей, в которых содержались японцы³⁰¹. К числу десяти лагерей, в которых к началу весны 1946 г. было неудовлетворительно налажено снабжение военнопленных японцев, относились четыре лагеря в Читинской области, три лагеря в Алтайской области, два лагеря в Красноярском крае и один лагерь в Приморском крае, и только в двух лагерях меры уже были приняты.

Сложившееся положение руководство МВД предполагало изменить за весенне-летний период 1946 г. Планировалось создать значительный запас продовольствия, предназначенного для всех иностранных военнопленных, в особенности по овощам. Из-за неурожая лета 1946 г. планы руководства МВД реализованы не были. Особенно остро нехватка продовольствия проявилась в

³⁰⁰ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 192. Л. 107

³⁰¹ Совещания с марта 1946 г. проводились с периодичностью 2 раза в месяц.

лагерях, построенных в отдалении от населенных пунктов и инфраструктуры. В связи с этим в марте 1946 г. был установлен фиксированный размер запасов, которые должны были храниться в лагерях, отдаленных от дорог, железнодорожных станций и населенных пунктов (по мясу, рыбе, жирам — на 45 суток, по остальным продуктам — на 90 суток). В конце ноября 1946 г. министр внутренних дел в докладной записке И.В. Сталину для решения проблемы продовольственного снабжения японских военнопленных предложил репатриировать по 5-6 тысяч японцев в месяц, в первую очередь тех, кто на протяжении полугода перевыполнял производственные планы. Недостаточная обеспеченность японцев продовольствием, как отмечал С.Н. Круглов, являлась одной из причин низкой производительности их труда.

Приказ № 450 о дифференцированной выдаче продуктов вызвал целый ряд вопросов у начальства лагерей и лагерных отделений относительно порядка его выполнения³⁰². Часто продукты, полагавшиеся по нормам (в особенности мясо и овощи), японцы не получали из-за их фактического отсутствия на складах. Военнопленные, как могли, в весенние и летние месяцы сами старались восполнять недостающий рацион овощей, что приводило к отравлениям ядовитыми растениями. Позднее была даже выпущена директива по проведению мероприятий, направленных против отравления ядовитыми дикорастущими растениями, которые военнопленные принимали за съедобные³⁰³. Отдельно к директиве прилагалась инструкция по клиническому лечению, профилактике и оказанию первой помощи при отравлении вехом ядовитым — наиболее опасным растением, корневище которого напоминало сельдерей, а вкус листьев — петрушку.

Ущерб от сокращения поставок продовольственных запасов в некоторой степени смягчала продукция, получаемая от подсобных хозяйств, которые имелись у лагерей. Использовать ее полностью они не могли, поскольку часть продукции вынуждены были сдавать в государственные фонды для

³⁰² См. Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 83

³⁰³ Русский архив: Великая отечественная .Т. 24 (13). С. 318

восполнения потерь, связанных с неурожаем 1946 г. В конце июля 1946 г. в МВД был разработан проект распоряжения Совета Министров СССР, в котором предполагалось освободить подсобные хозяйства лагерей от обязательств по сдаче их продукции государству и полностью направить ее на обеспечение лагерей — в первую очередь на питание военнопленных, занятых на тяжелых видах работ, больным и дистрофикам. Эта мера позволила бы выдавать военнопленным в сутки до 350 г. картофеля, до 150 г. муки и крупы и до 70 г. рыбы. Излишки, накапливаемые в одних лагерях, должны были, как предполагалось, передаваться в другие³⁰⁴.

Однако в условиях неурожая 1946 г. полностью освободить лагеря от сдачи продукции государству не удалось. В итоге было найдено компромиссное решение: 2 августа 1946 г. в записке Л.П. Берии и другим членам советского правительства С.Н. Круглов предложил установить следующие объемы продукции, сдаваемой лагерями в государственные фонды: 50% для риса, зерна, крупы и бобов (кроме семян); 50% всей разведенной или выловленной рыбы; 20% по овощам и картофелю; 12 кг. мяса с одной коровы, 30 кг. мяса с одной свиньи и 4 кг. с одной овцы. Также планировалось, что лагеря будут полностью освобождены от сдачи фруктов, ягод и молока. Министр заготовок СССР Б.А. Двинский согласился с предложением МВД, а заместитель председателя Госплана СССР С.Ф. Демидов предложил 80% всего урожая сдавать в государственные фонды. Предложения С.Н. Круглова были поддержаны Л.П. Берией и легли в основу проекта распоряжения Совета Министров, утвержденного 5 сентября 1946 г. и изданного под номером 10662-р. В полной мере новые порядки расчета с государством были введены в действие год спустя распоряжением министра внутренних дел № 413 от 30 июня 1947 г.³⁰⁵.

Одной из причин значительного ухудшения здоровья всех иностранных военнопленных, зафиксированного зимой 1946 — 1947 гг., являлось

³⁰⁴ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 48. Д. 2066. Л. 5

³⁰⁵ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 252. Л. 24

неудовлетворительное снабжение лагерей продовольствием. 25 января 1947 г. в окружные отделы УВС МВД поступила секретная телеграмма № 21 от министра С.Н. Круглова³⁰⁶, где он раскритиковал работу начальства отделов, которые лишь «удовлетворялись бумажными сводками и донесениями об обеспеченности лагерей». С.Н. Круглов приказал за декаду проверить обеспеченность лагерей продуктами, недодачи жиров и рыбы не допускать и, в случае нехватки, заменять их мясом, а отсутствие мяса или рыбы в лагерях считать «чрезвычайным происшествием». Должностных лиц, допускаявших недодачу продуктов, министр разрешил привлекать к ответственности, а не выданную норму хлеба, положенную военнопленным, предписал выдавать в тот же день на ужин. С.Н. Круглов предупредил, что, как и в случае с начальством лагерей, работа руководств региональных ОУВС будет оцениваться по показателям заболеваемости и смертности иностранных военнопленных. 10 февраля 1947 г. были подготовлены телеграммы, предназначавшиеся руководствам республиканских, краевых и областных управлений внутренних дел, в которых была подчеркнута важность налаживания снабжения продовольствием иностранных военнопленных, содержащихся в СССР³⁰⁷.

К субъективным причинам, способствовавшим ухудшению состояния здоровья и трудоспособности военнопленных японцев, относились хищения и незаконные растраты продуктов питания, в которых были замешаны и сотрудники органов военного снабжения МВД, и административный состав лагерей. Эти обстоятельства усугублялись тем, что они происходили в условиях снижения суточных продовольственных норм для всех иностранных военнопленных в 1946-1947 гг. При этом лагерная администрация и сотрудники органов военного снабжения списывали хищения именно на сокращение поставок продовольствия. В своих закрытых телеграммах С.Н. Круглов подчеркивал, что из-за сокращения продовольственных пайков должен быть

³⁰⁶ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 257. Л. 7

³⁰⁷ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 257. Л. 45-46

сохранен «каждый грамм» продовольствия. Проблемы, связанные со снабжением лагерей и сохранением трудоспособности военнопленных, как указывал министр внутренних дел в телеграмме № 21, должны были обязательно обсуждаться на собраниях, проводимых парторганами лагерей. В этой телеграмме было подчеркнуто, что политотделы и политаппараты лагерей были обязаны «всею сутью создать подлинную партийную обстановку вокруг борьбы за сохранение нормального физического состояния военнопленных, не подменяя командный состав лагерей и лагерных отделений, не дублируя их функций³⁰⁸».

К партийной ответственности только за первый квартал 1947 г. были привлечены 245 членов и кандидатов в партию, 92 чел. из которых были исключены, а 120 чел. были осуждены, в т.ч. и за незаконные хищения и растраты.³⁰⁹ За первый и второй кварталы 1947 г. были сняты, уволены на пенсию и переведены на другие места работы более 45 сотрудников руководящего звена лагерей (начальники лагерных отделений, управлений лагерей и их заместители). Из них 8 чел. были уволены за злоупотребления и развал работы, 13 чел. — за невыполнение директив, 25 начальников лагерных отделений были сняты из-за несоответствия занимаемой должности. Подобная работа продолжилась и в 1948 г., однако масштабы хищений государственных средств, выделенных для иностранных военнопленных, были значительно сокращены.

Массовые хищения и незаконные растраты продуктов, предназначенных для японцев, происходили вследствие нерационально организованной системы распределения, хранения и выдачи продуктов в лагерях, которая подверглась критике со стороны министра внутренних дел. Руководство МВД составило и распространило среди подчиненных «памятку-задание», в которой были указаны мероприятия по налаживанию контроля над расходом продовольствия: проверка учета, хранения, выдачи продуктов, времени и

³⁰⁸ Там же. Л. 29

³⁰⁹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 17а. Д. 18. Л. 30

условий принятия пищи военнопленными и т.д.³¹⁰.

В феврале 1947 г. были сформированы комиссии, целью которых являлась проверка выполнения приказаний министра и решение на месте проблем, связанных с продовольственным обеспечением военнопленных. В результате работы комиссий за первый квартал 1947 г. было налажено бесперебойное снабжение лагерей продуктами питания, а установленные продовольственные нормы выдавались в полном объеме³¹¹.

Введение дифференцированной выдачи продуктов, согласно приказу № 450, привело к фактическому снижению пайка для почти половины военнопленных японцев, не выполнявших производственные нормы на 100% в 1946 – 1947 гг. Начиная с марта 1947 г. доля японских военнопленных, выполнявших не более 80% производственных норм, постепенно сокращалась, а доля японцев, вырабатывавших от 80% до 150% производственных норм, увеличивалась. Однако ассортимент продуктов питания для бывших японских военнослужащих был сокращен значительно. Поставки продовольствия, особенно в период с января по апрель 1947 г., носили нерегулярный характер, а запасы продуктов, хранившихся на лагерных складах, которые должны были выдаваться японцам в соответствии с их производительностью труда, часто являлись недостаточными.

Одним из средств пополнения запасов продуктов питания являлся сбор съедобных дикорастущих растений. 6 марта 1947 г. была издана директива № 43, в которой лагерному начальству поручалось организовать сбор трав, грибов, ягод³¹². В лагерях в случае нехватки продовольствия также было разрешено заменять одни продукты на другие. Согласно телеграмме заместителя министра внутренних дел генерал-полковника А.Н. Аполлонова, отвечавшего за деятельность органов снабжения, 7 июля 1947 г. в телеграмме № 422 норму мяса для японцев было разрешено на 50% заменять рыбой, овощи и картофель — мукой в соотношении один к пяти, активно добавлять в рацион питания

³¹⁰ Там же. Л. 23-24

³¹¹ Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 237

³¹² ГА РФ. Ф. 9401. Оп 1а. Д. 257. Л. 63

дикорастущие съедобные растения, а также ботву моркови, свеклы и нижние листья капусты³¹³. Параллельно с этим разрешалось урожай раннего картофеля, собранный в июле на подсобных хозяйствах лагерей, выделить в первую очередь на обеспечение военнопленных.

После завершения репатриации 1948 г. имевшиеся запасы продовольствия были перераспределены, а для всех остававшихся в СССР военнопленных японцев паек был увеличен в соответствии с нормами довольствия, введенными в действие приказом № 0751. С 1948 г. вплоть до полного освобождения военных преступников в 1956 г. случаи массового нарушения норм довольствия, предназначавшихся военнопленным японцам, в источниках зафиксированы не были.

С 1947 г. бывшие японские военнослужащие, выполнявшие и перевыполнявшие производственные нормы, имели возможность приобретать продукты питания по государственным ценам в обмен на деньги, получаемые за работу. Идея о свободной продаже военнопленным японцам продуктов питания по государственным ценам была впервые предложена заместителем начальника ГУПВИ И.В. Петровым в докладной записке от 12 апреля о проверке лагерей для военнопленных японцев, проведенной в феврале 1946 г. С предложениями И.В. Петрова согласился С.Н. Круглов и попросил начальство ГУПВИ в семидневный срок с ними ознакомиться и подготовить ответ. Генерал-лейтенант М.С. Кривенко, возглавлявший Главное управление по делам военнопленных и интернированных, а также начальники отделов ГУПВИ отметили, что, в связи с тем, что выдать заработную плату военнопленным японцам на тот момент не представляется возможным, поскольку лагеря еще не перешли на самокупаемость, создание специализированных ларьков для военнопленных следует отложить.³¹⁴ Предложения И.В. Петрова были реализованы только спустя полтора года, в указании министра внутренних дел и председателя президиума Центросоюза СССР № 2191с/170 от 13 сентября

³¹³ Там же. Л. 33-34

³¹⁴ Там же. Л. 48

1947 г.³¹⁵ В ларьках предлагалось продавать по государственным ценам мясо, рыбу, жиры, овощи, соленья, грибы, молочные и др. продукты.

В 1950 г. прежние правила, регламентировавшие обращение с японскими военнопленными и привлечение их к труду, утратили область применения, поскольку остававшиеся в СССР японцы, по мнению руководства МВД, являлись иностранными военными преступниками. Нормы продовольственного обеспечения были унифицированы. Национальные особенности питания, которые учитывались в нормах для японцев с 1945 г. по 1950 г., не соблюдались. Из рациона японцев были исключены такие продукты, как мисо и рис.

Поскольку военные преступники не подразделялись по воинскому званию, были введены единые нормы продовольственного снабжения, соответствовавшие тем, что действовали в 1948 - 1949 гг. для рядового и унтер-офицерского составов военнопленных европейских национальностей. Таким образом, для бывших японских офицеров, до 1950 г. получавших увеличенные пайки, произошло фактическое снижение норм довольствия. Особые нормы довольствия получали лишь нетрудоспособные больные генералы.

Выводы

К концу 1945 г. на территории Советского Союза были размещены миллионы иностранных военнопленных, принудительный труд которых использовался для выполнения задач, указанных в четвертом пятилетнем плане советской экономики. Среди иностранных военнопленных, по данным МВД, к началу 1946 г. на территории СССР работали более 476 тыс. военнопленных японцев. Труд бывших японских военнослужащих применялся в добывающих и строительных отраслях советской экономики для развития промышленности и инфраструктуры в Восточной Сибири и в Средней Азии, а также на Дальнем Востоке. Японские военнопленные привлекались для трудоемких работ, требовавших больших физических затрат. Непривычность японцев к суровым погодным условиям Сибири и Дальнего Востока ухудшала их

³¹⁵ Русский архив: Великая Отечественная. Т.24 (13). С. 429

трудоспособность, что приводило к уменьшению прибыли, получаемой от их труда. Этому также способствовало невыполнение своих обязательств предприятиями и организациями, использовавшими японских военнопленных на своих работах. Руководства МВД и ГУПВИ, учитывая эти обстоятельства, предписывали своим подчиненным строго следить за выполнением директив, приказов и указаний, направленных на поддержание трудоспособности японцев.

Наркомат внутренних дел, отвечавший за результаты труда военнопленных японцев, нес расходы, связанные с их содержанием. При этом перед руководством МВД в 1946 г. стояла задача обеспечить рентабельность системы военного плена, максимально снизив расходы на содержание иностранных военнопленных и одновременно повысив экономическую прибыль, получаемую от их труда. Впервые о превышении доходов над расходами, связанными с функционированием системы военного плена, министр внутренних дел С.Н. Круглов доложил руководству страны в сентябре 1946 г. Он отметил, что за первый квартал 1946 г. общая сумма, полученная от использования труда иностранных военнопленных, составила 678 млн. рублей при 1056 млн. рублей расходов, в то время как во втором квартале она составила уже 1156 млн. рублей, что на 32 млн. рублей превышало расходы (1124 млн. рублей).

Получение прибыли от труда японских военнопленных в 1946 г. зачастую достигалось за счет репрессивных мер со стороны руководств лагерей. В 1947 г. в результате мероприятий, осуществленных МВД и ГУПВИ в лагерях, количество трудоспособных японцев возросло, повысилась их производительность труда. С 1947 г. по 1950 г. она становилась только выше, чему также способствовала репатриация военнопленных японцев, расформирование нерентабельных лагерных отделений и общее усиление контроля над физическим состоянием всех иностранных военнопленных, содержащихся в СССР.

Политика руководства МВД, проводимая в отношении бывших японских

военнослужащих, была направлена не на усиление их эксплуатации, а на улучшение их физического состояния. Однако эта политика основывалась не на гуманизме, а на логическом расчете. Сохранение здоровья и трудоспособности военнопленных японцев, своевременное обеспечение их продовольствием повышало производительность их труда, а значит, — и экономическую выгоду от их пребывания на территории Советского Союза.

Стимулирование производительности труда военнопленных японцев осуществлялось не только через материальные поощрения, которые полагались тем, кто выполнял и перевыполнял свои производственные нормы. Социалистические соревнования бригад и агитация за досрочное выполнение производственных планов, награждения и популяризация ударников труда, а также другие методы повышения производительности труда повсеместно применялись в лагерях в соответствии с «Положением о трудовом использовании военнопленных»³¹⁶. Использование этих методов предусматривалось в рамках политической работы, проводимой среди японцев. О ней речь пойдет в следующей главе.

³¹⁶ Военнопленные в СССР, 1939-1956: документы и материалы. С. 644-645

Глава 3.

Политическая и следственная работа среди военнопленных японцев

Контроль за организацией политической и следственной работы в отношении военнопленных японцев осуществлялся не только МВД, МВС и ГУПВИ, но и ЦК ВКП(б). Отчеты о результатах политической и следственной работы направлялись в отдел внешней политики ЦК ВКП(б). Политическая работа способствовала распространению новых идеологических установок взамен милитаристским взглядам, широко распространенным среди японского офицерства. В то же время следственная работа была нацелена на разоблачение японских военных преступников, являвшихся ярыми сторонниками милитаристской идеологии, и на отстранение их от участия в общественно-политической жизни в послевоенной Японии. И политическая работа, и следственная работа, таким образом, были направлены на то, чтобы не допустить возрождения милитаризма и реваншизма в Японии. Это обстоятельство позволяет объединить исследование следственной и политической работы в одной главе. В отдельном параграфе будет рассмотрен процесс подготовки Хабаровского судебного процесса, на котором за разработку и применение бактериологического оружия было осуждено 12 бывших японских военнослужащих.

Политическая работа среди военнопленных японцев осуществлялась органами министерства внутренних дел и министерства вооруженных сил. В МВД политическая работа среди японских военнопленных проводилась политическими отделами управлений лагерей и антифашистским отделением в составе Политического отдела ГУПВИ. В МВС руководство политической работой было возложено на Главное политическое управление Вооруженных Сил СССР (ГПУ ВС СССР). Организация политработы возлагалась на 7-е управление в составе ГПУ ВС СССР, отвечавшее за спецпропаганду. Непосредственное осуществление политработы среди военнопленных японцев выполнялось 7-ми отделами Политических управлений военных округов.

Следственная работа в отношении японских военнопленных проводилась сотрудниками Оперативного отдела в составе Политотдела ГУПВИ, которому подчинялись оперативные отделения республиканских, краевых и областных УПВ, а также оперативные отделы лагерных отделений и управлений лагерей. Следственные мероприятия проводились и органами министерства государственной безопасности (МГБ).

3.1. Политическая работа среди японских военнопленных

Находясь в лагерях МВД СССР, иностранные военнопленные подвергались интенсивной идеологической обработке. Деятельность органов, отвечавших за политическую работу среди иностранных военнопленных, была направлена не только на то, чтобы пресечь распространение политических предпочтений, клише и идеологем, сформированных правительствами нацистской Германии и ее союзников. Они стремились также привить иностранным военнопленным социалистические ценности, разоблачить внутривнутриполитический и внешнеполитический курсы прежних правительств стран, из которых прибыли военнопленные, и показать, что только политика советского правительства и ВКП(б) могли обеспечить мир и процветание других народов.

Идеологические установки, которые предстояло усвоить сотням тысяч военнопленных всего за несколько лет пребывания в лагерях, являлись не фрагментированным, а целостным политическим знанием. Его основы базировались на работах В.И. Ленина и И.В. Сталина. Социалистические ценности являлись для большинства иностранных военнопленных непривычными, особенно принимая во внимание то, что правительства нацистской Германии и ее союзников преследовали коммунистов и социалистов, причем их преследование лишь усилилось во время войны.

Политическая работа, проводимая среди японских военнослужащих в лагерях МВД, должна была привести к полной смене их представлений о политическом и социальном развитии государства и общества. Этой задаче способствовало распространение в лагерях специальной газеты для военнопленных японцев — «Нихон Симбун». Военнопленные других

национальностей также получали газеты, специально издаваемые для них, которые зачастую являлись единственным средством (помимо слухов и писем родственников), позволявшим следить за событиями, происходившими в странах, откуда они прибыли. Издательства этих газет существовали за счет государственной казны Советского Союза.

Инициатива учреждения газеты для военнопленных японцев под названием «Нихон Симбун» принадлежала Главному политическому управлению Рабоче-крестьянской Красной Армии (ГУПП РККА, с 1946 г. — ГПУ ВС СССР). 4 сентября 1945 г. Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило эту инициативу ГУПП РККА. Согласно решению Политбюро, газета должна была выходить 13 раз в месяц, содержать 4 полосы и выпускаться половинным форматом газеты «Правда» за счет ее же бумажных фондов³¹⁷. «Нихон Симбун» издавалась с 1945 г. по 1950 г. сначала при политуправлении 2-го Дальневосточного фронта, затем — при политуправлении Хабаровского военного округа.

В содержание номеров газеты «Нихон Симбун» обычно входили статьи четырех типов: а) статьи о важных событиях международного масштаба; б) обзор внутривосточных изменений, произошедших или происходивших в Японии; в) статьи, сообщающие о событиях, имевших место в СССР; г) статьи, посвященные вопросам развития общества и государства, строительству социализма в других странах, а также другим проблемам теоретического характера.

Редакция газеты «Нихон Симбун» придерживалась коммунистических взглядов. Однако только освещение с коммунистических позиций событий, происходивших в Японии и на международной арене, с точки зрения офицеров 7-го управления ГПУ ВС, являлось недостаточным для того, чтобы обеспечить увеличение количества военнопленных японцев, лояльно относившихся к советской власти. В апреле 1946 г. заместителем начальника 7-го управления ГПУ ВС СССР Б.С. Сапожниковым были подготовлены замечания о

³¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1083. Л. 69

недостатках в содержании газеты³¹⁸. Несмотря на то, что многие из них были исправлены, в подготовленном 21 сентября 1946 г. обзоре материалов газеты были вновь отмечены недочеты: согласно им, оккупационный режим союзнических войск, действовавший в Японии, разоблачался недостаточно активно; аграрной проблеме и спекуляциям на продовольственном рынке в японской экономике было уделено мало внимания; цель вступления в войну с СССР — избавление японского народа от «дальнейших жертв и страданий» — была показана на страницах газеты недостаточно четко; наконец, на страницах газеты отсутствовали высказывания просоветски настроенных японских военнопленных³¹⁹. Б.С. Сапожников отметил, что используемые в газете материалы Коммунистической партии Японии должны подбираться строго в соответствии с задачами политической работы среди военнопленных японцев. В итоге он сделал вывод о том, что наличие указанных недостатков пока не характеризует газету как «органа, призванного воспитывать японских военнопленных в демократическом духе и способствовать их пониманию Советского Союза как передового и подлинного демократического государства»³²⁰.

Помимо распространения в лагерях изданий газеты «Нихон Симбун», имевшей статус «центрального» печатного органа для японских военнослужащих, существовал и другой тип газетной продукции. В лагерях был также налажен выпуск стенных газет. Выпуск стенгазет, в которых редко находила отражение информация политического плана, являлся частью лагерного быта военнопленных японцев. В стенгазетах публиковались результаты производственных соревнований бригад, предложения по улучшению производства, поступившие от японцев, сведения об ударниках труда и другая информация.

Распространение «Нихон Симбун» среди японских военнопленных давало свои результаты, которые стали заметны к середине 1946 г. В начале мая 1946

³¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 212. Л. 15

³¹⁹ Там же. Л. 16-17

³²⁰ Там же. Л. 17

г. офицерами 7-го управления ГПУ было отмечено появление разрозненных групп «демократически настроенных» военнопленных — японцев, распространявших антимилитаристские взгляды среди своих сослуживцев и положительно относившихся к советскому политическому строю.

Эти группы формировались вокруг «демократического актива» — коллективов, в которые входили наиболее активные и просвещенные в политическом плане японцы. 6 мая 1946 г. в донесении М.А. Суслову³²¹, занимавшему тогда должность руководителя отдела внешних сношений ЦК ВКП(б), начальник 7-го управления ГПУ ВС СССР генерал-майор М.И. Бурцев отмечал, что в лагерях МВД Хабаровского края увеличивалась численность военнопленных японцев, присоединявшихся к «демократическому движению». Его расширение объяснялось процессами «брожения» в среде японских солдат и офицеров из «средней прослойки». В июле 1946 г. министр внутренних дел докладывал руководству страны о росте антифашистских³²² настроений и о появлении «демократических союзов»³²³.

В процессе своего становления «демократический актив» столкнулся с неприязнью со стороны «реакционной» части военнопленных японцев, разделявших идеологические представления, сформированные в Японии до начала Второй мировой войны. Военнопленные, разделявшие эти взгляды, пытались препятствовать агитации групп демократически настроенных японцев, а их самих представить как предателей своей родины — агентов «советов» («красных»). Группы «демократического актива» появлялись, как отмечал М.И. Бурцев в своем донесении М.А. Сулову, совершенно

³²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 212. Л. 2

³²² 12 мая 1946 г. 782 военнопленных Семеновского лагеря (Приморский край) подписали обращение, содержавшее требование создать в Японии подлинно демократическое государство и наказать военных преступников. Военнопленные требовали включить в список военных преступников японского императора как основного виновника развязанной войны и предать его суду на Международном Военном трибунале в Токио. (ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 136). Об обращении военнопленных тут же было доложено в ЦК ВКП(б). Следует отметить, что подобное обращение являлось исключительным явлением, поскольку для большинства военнопленных японцев фигура императора оставалась сакральной.

³²³ Сообщалось, что в Ангреномском лагере № 372 (Узбекская ССР) члены организованного военнопленными «демократического союза» даже принесли клятву, в которой те обещали изучать сущность социализма, принимать активное участие в работе союза и производственной жизни лагеря, а также поддерживать порядок среди их товарищей. // ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 139. Л. 126

произвольно, и вся их деятельность оставалась вне внимания со стороны политических органов на местах. Отсутствие центра по руководству этими группами, как считал М.И. Бурцев, ставило их существование в «очень затруднительное положение», в значительной степени обесценивавшее влияние газеты «Нихон Симбун» на японцев³²⁴.

Чтобы сохранить и поддержать зарождавшиеся группы «демократически» настроенных военнопленных, М.И. Бурцев предложил ряд мер. Во-первых, разрозненные группы «демократического движения» он считал логичным объединить в единую «демократическую лигу», к которой, как он полагал, смогут присоединиться другие японцы, разделявшие антимилитаристские взгляды. Во-вторых, было предложено выделить из этой лиги комитеты, которые смогли бы представлять права «демократически настроенных» японцев, помогать ликвидировать военные порядки, сохранявшиеся среди них, устранять с руководящих постов японцев, придерживавшихся милитаристских взглядов, а также бороться за создание единого «демократического фронта»³²⁵. В-третьих, предлагалось установить связь между «демократическим движением» в лагерях с антимилитаристским движением в Японии, а возникавшие у военнопленных требования о формировании нового правительства, основанного на демократических принципах, переформатировать в требования экономического характера, направленные на ликвидацию безработицы, распространенной среди демобилизованных японских военнослужащих. В-четвертых, М.И. Бурцев предложил привлекать в «демократическую лигу» японских офицеров и рядовых — выходцев из мелкобуржуазных кругов, интеллигенции, крестьян-«середняков», т.к. «в их руках по-прежнему находится руководство массами военнопленных»³²⁶. «Нихон Симбун», по мнению начальника 7-го управления ГПУ ВС СССР, могла бы содействовать организационному сближению комитетов «демократической лиги», которые должны были формироваться на основе

³²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 212. Л. 4

³²⁵ Там же. Л. 12

³²⁶ Там же. Л. 10-11

коллективов, выпускавших стенные газеты в лагерях МВД для военнопленных японцев.

М.И. Бурцев рассчитывал, что «демократическое движение», набирая силу, смогло бы не только успешно действовать в лагерях, но и в той или иной форме продолжить свою деятельность в Японии после возвращения японских военнопленных на родину. Стоит отметить, что М.И. Бурцев при составлении своих предложений исходил из того, что формирование «демократической лиги» будет основываться на энтузиазме и самоорганизации самих военнопленных японцев. Поэтому административные и материальные меры поддержки со стороны советских органов, отвечавших за политработу, им предусмотрены не были.

Впоследствии при организации политической работы в лагерях для военнопленных японцев предложения М.И. Бурцева о формировании «комитетов» и «демократической лиги» не были реализованы. Как представляется, причиной этого являлась переоценка и масштабов, и потенциала «демократического движения» среди бывших японских военнослужащих. Большая часть военнопленных японцев (в основном, рядовых и унтер-офицеров) оказалась намного инертней в политическом плане, чем ожидалось. Во многом эта инертность объяснялась недовольством японских военнопленных, связанных с тяжелыми условиями труда и быта в лагерях.

Деятельность «демократического актива» в 1946 г. не привела к изменениям политических взглядов большей части бывших японских военнослужащих. ГПУ ВС и Политотдел ГУПВИ МВД предоставляли материальные возможности для развития «демократического движения» среди японских военнопленных. К началу осени 1946 г. в Японии начали распространяться слухи о том, что советские власти намеренно задерживают японцев на территории СССР и обращаются с ними «бесчеловечными» методами³²⁷. В ноябре 1946 г. Центральным комитетом ВКП(б) Политотделу МВД и ГПУ ВС была поставлена задача по содействию органам репатриации в проведении

³²⁷ Там же. Л. 20

политико-воспитательной работы среди репатриантов, которые по прибытии в Японию должны были опровергать эти слухи и одновременно выступать за установление демократии в Японии и за формирование дружественного СССР правительства. Начальником ГПУ ВС И.В. Шикиным были разработаны организационные и материальные меры для выполнения поставленной задачи: создание читален, клубов, радиоузлов, подбор кадров политических инструкторов для работы с контингентом военнопленных в лагерях и пр.³²⁸

12 ноября 1946 г. заместитель начальника 7-го управления ГПУ Б.С. Сапожников разработал конкретный план мероприятий, связанных с организацией политико-просветительской работы среди репатриантов. В первую очередь планировалось начать широкое распространение печатной продукции. Для этой цели предусматривалось не только увеличение общего тиража «Нихон Симбун» до 150 тыс. экземпляров и перевод ее на ежедневный выпуск, но и издание огромными объемами печатной продукции на японском языке, посвященной СССР³²⁹. В транзитных лагерях, в которых размещались репатрианты в ожидании погрузки на пароходы, следовавшие в Японию, предусматривалось оборудование радиоузлов, позволявших транслировать цикл радиопередач о жизни японских военнопленных в Советском Союзе, что позволило бы, по мнению заместителя начальника 7-го управления ГПУ, опровергнуть нелицеприятные для Советского Союза слухи.

Б.С. Сапожников предложил также читать доклады и проводить беседы среди военнопленных и интернированных японцев о международной роли СССР и о политическом положении, сложившемся в Японии в 1946 г. Планировалось утвердить темы докладов уже к 1 декабря 1946 г. Также Б.С. Сапожников внес предложение, согласно которому к 15 декабря 1946 г. предполагалось начать работу месячных курсов, которые должны были

³²⁸ Там же. Л. 19

³²⁹ Так, предполагалось учреждение двух издательств: одного в г. Дальнем, в задачи которого входило бы издание новой газеты на японском языке 8 раз в месяц, а другого в Москве, которое выпускало бы иллюстрированный журнал на японском языке тиражом 100 тысяч экземпляров. К 1 апреля будущего года Б.С. Сапожников предлагал переиздать «Краткий курс ВКП(б)» на японском языке тиражом 300 тысяч экземпляров, издать ряд брошюр и другую печатную и типографскую продукцию. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 212. Л. 20.

действовать при Политическом управлении Забайкальско-Амурского военного округа для обучения «демократического актива» военнопленных и временные курсы в Южно-Сахалинске для интернированных.³³⁰

Заведующий сектором Дальнего Востока в отделе внешних сношений ЦК ВКП(б) Е.Ф. Ковалев, рассмотрев предложения Б.С. Сапожникова, отметил, что они носят общий характер и не отражают специфики работы среди военнопленных и гражданских лиц. Издаваемые для японцев газеты, тираж которых Б.С. Сапожников предлагал увеличить, были раскритикованы Е.Ф. Ковалевым. Согласно его мнению, статьи в газете были размещены в хаотичном порядке, сами газеты «извращали советскую действительность», а их редакции нуждались в доукомплектовании кадрами и перестройке своей работы³³¹. Для чтения докладов и проведения бесед предлагалось направлять только тех политработников, которые уже имели опыт работы среди японцев и впредь систематически знакомить кадры с внутривосточным положением в Японии. «Демократически настроенных» японцев, как считал Е.Ф. Ковалев, не следовало задерживать до конца репатриации, а отправлять на родину как можно скорее. Литературу, издаваемую для военнопленных японцев, он предложил отправлять вместе с репатриантами, чтобы продолжить ее распространение в Японии.

Замечания Е.Ф. Ковалева были учтены при подготовке постановления ЦК ВКП(б) об усилении политико-воспитательной работы среди военнопленных и интернированных японцев, в которое вошли все предложения Б.С. Сапожникова, за исключением тех, которые касались увеличения тиража «Нихон Симбун». Сокращен был и объем печатной литературы, которая должна была распространяться среди японцев, т.к. одно только ее издание в намеченных масштабах, по подсчетам офицеров 7-го управления ГПУ, обошелся бы казне СССР в 9 млн. 275 тыс. рублей³³². Объем печатной продукции, распространяемой среди японцев, вследствие ее дороговизны был

³³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 212. Л. 22

³³¹ Там же. Л. 26

³³² Там же. Л. 35

сокращен, и впоследствии репатриантам выдавались только брошюры, посвященные советскому государственному устройству.

В декабре 1946 г. И.В. Шикин приступил к выполнению постановления ЦК ВКП(б). 13 декабря 1946 г. членам военных советов Дальневосточного, Приморского, Забайкальско-Амурского и Восточно-Сибирского военных округов была выслана телеграмма начальника ГПУ № 07 о создании радиоузлов для трансляции передач, об оборудовании читален с пропагандистской литературой, а также об усилении массово-политической работы в лагерях и в эшелонах, следовавших в них³³³. Чтение докладов и лекций стало одним из главных средств организации политической работы среди военнопленных в лагерях. Во время репатриации с 20 ноября по 5 декабря 1946 г. офицерами 7-го отдела ГПУ ВС и политическими управлениями Дальневосточного военного округа репатриантам было прочитано 250 докладов. Темы докладов касались как внутривнутриполитических проблем Японии (выходом из которых, как указывалось в докладах, должно было стать формирование «демократического» правительства), так и Советского Союза.³³⁴

19 октября 1946 г. был расширен и реорганизован Политический отдел, входивший в состав ГУПВИ, а также политические отделы ОПВИ и УПВИ в регионах. Был значительно увеличен штат входившего в его состав антифашистского отделения. С.Н. Круглов в декабре 1946 г. в своей директиве³³⁵ подчеркнул важность проведения антифашистской работы, особенно учитывая будущую массовую репатриацию. В задачи антифашистского отделения, несмотря на название, входила не только широкая антифашистская пропаганда. В 1947 г. министр внутренних дел поручил антифашистскому отделу выполнение следующих задач: 1) представить ошибочным прежний политический курс стран, из которых прибыли

³³³ Там же. Л. 38

³³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 235. Л. 48

³³⁵ Директива министра внутренних дел СССР № 300 «Об упорядочении и активизации антифашистской работы среди военнопленных» от 28 декабря 1946 г. // РГВА. Ф. 1п. Оп. 21а. Д. 5. Л. 3

иностранные военнопленные; 2) поддерживать и развивать «демократические» (дружественные СССР) взгляды среди бывших военнослужащих Германии и ее союзников; 3) показать правильность внутренней и внешней политики Советского Союза и доказать ошибочность социально-экономических преобразований, происходивших в буржуазных странах; 4) привить иностранным военнопленным «чувство вины» по отношению к СССР за причиненные ими разрушения и стимулировать их к ее искуплению через труд³³⁶.

Обосновать для бывших японских военнослужащих справедливость их нахождения в плену на территории СССР было крайне затруднительно, поскольку именно Советский Союз не продлил пакт о нейтралитете и начал наступление на оборонительные порядки японских войск в Маньчжурии. Основаниями для использования труда японских военнослужащих, с точки зрения политработников ГПУ и МВД, являлись территориальные конфликты на реке Халхин-гол и на озере Хасан, а также события Гражданской войны, в ходе которой японские вооруженные силы действительно оккупировали советскую территорию. Таким образом, японские военнослужащие несли ответственность не за свои действия, совершенные во время советско-японской войны 1945 г., а за действия предыдущих правительств Японии. Этот факт препятствовал формированию у японских военнопленных, разоруженных советскими войсками в августе 1945 г., «чувства вины» за свои действия в ходе Второй мировой войны.

В 1947 г. в лагерях для военнопленных японцев сотрудниками ГУПВИ МВД, и офицерами ГПУ ВС проводится большое количество агитационных мероприятий. За 4 месяца, с 1 января по 1 мая 1947 г. согласно донесениям о результатах политической работы среди военнопленных японцев только офицерами 7-го отдела политического управления Забайкальско-Амурского военного округа и офицерами 1-й и 36-й армий были прочитаны 359 докладов и

³³⁶ РГВА. Ф. 1п. Оп. 21а. Д. 5. Л. 28

бесед, на которых присутствовали 172 тыс. военнопленных японцев³³⁷, организована работа 27 выездных бригад³³⁸. Было проведено: 19 совещаний с коллективами «демократического актива», на которых присутствовали 378 чел.; 21 митинг, на которых присутствовали 17 тыс. чел.; 105 бесед, в которых участвовали 79800 чел.; 27 киносеансов, на которых присутствовало 27800 чел.. Помимо этого под контролем политработников лагерей было проведено 64 концерта художественной самодеятельности и анкетированы 6250 чел.³³⁹

Офицерами 7-х отделов было также организовано: 113 собраний с охватом 58200 чел.; 179 митингов, на которых присутствовало 68 тыс. чел.; 18 производственных и политических конференций, в которых приняло участие 1430 чел.; 2116 групповых бесед, в которых участвовало 163 тыс. чел.; 2224 индивидуальных бесед; 85890 групповых чток газет с охватом 242850 чел.³⁴⁰. Было напечатано 488 стенгазет, проведено 146 совещаний с корреспондентами стенных газет³⁴¹.

Для того, чтобы ускорить подготовку «демократического актива», было оборудовано 2 клуба и открыты 24 лагерные библиотеки, куда были завезены 257 книг, оборудованы 63 радиоточки. Под контролем офицеров политических управлений военных округов и сотрудников МВД были сформированы 61 драматических, 17 хоровых и 15 оркестровых кружков, которые поставили 609 спектаклей и дали 285 концертов³⁴². Во второй половине 1947 г. в лагеря для военнопленных японцев начала поступать идеологическая литература: в частности, в лагеря были завезены 20 тыс. экземпляров «Краткого курса ВКП (б)» на японском языке³⁴³.

В 1947 г. из-за нарастания напряженности в Японии, вызванной появлением свидетельств репатриантов о неудовлетворительных бытовых условиях в

³³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 235. Л. 2

³³⁸ Выездные бригады проверяли выпуск стенных газет.

³³⁹ Там же.

³⁴⁰ Число «242850» подчеркнуто. Ниже в документе были приписаны другие данные, согласно которым всего было проведено 100829 чток стенных газет с охватом 195110 человек.

³⁴¹ Там же. Л. 7

³⁴² Там же.

³⁴³ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 383

лагерях, усилия ГПУ были направлены на то, чтобы пресечь распространение нежелательных для СССР подробностей об условиях жизни японских военнопленных в Советском Союзе. В декабре 1947 г. силами политуправлений были организованы радиопередачи, во время которых военнопленные передавали приветствия своим родственникам и соотечественникам. Была организована также трансляция концертов художественной самодеятельности в лагерях МВД для военнопленных японцев, организована отправка статей и заметок, ранее опубликованных в «Нихон Симбун», для печати в японской прессе³⁴⁴.

На совещании офицеров отделов спецпропаганды, состоявшемся в ноябре 1947 г., было отмечено, что в лагерях МВД политработа была организована намного лучше, чем в отдельных рабочих батальонах МВС. Причину этого явления советские офицеры объясняли не только тем, что проведение мощной агитационной кампании в лагерях МВД являлось приоритетом для всех политработников, но и тем, что в 1947 г. был резко усилен контроль за соблюдением условий труда, размещения и содержания японцев в лагерях МВД. Это значительно облегчало усвоение ими новых знаний. В то же время в отдельных рабочих батальонах МВС японские военнопленные не были довольны условиями труда, размещения и питания. Руководящий состав отдельных рабочих батальонов МВС, как было отмечено на совещании, зачастую состоял из неквалифицированных и «морально неустойчивых» кадров. Имели место даже рукоприкладство и издевательства.³⁴⁵ По итогам совещания было принято решение не только об усилении политработы в ОРБ, но и была отмечена необходимость созыва в декабре 1947 г. совещания с участием и офицеров, проводивших политическую работу в отдельных рабочих батальонах, и представителей тыловых организаций, отвечавших за организацию труда военнопленных.

К концу 1947 г. политическая работа, проводимая среди японских

³⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 235. Л. 133

³⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 134. Л. 134-135

военнопленных, начала давать первые результаты. «Демократически настроенных» японских военнослужащих интересовали не только изменения, происходившие в Японии, но и события на международной арене. К таковым относились съезды представителей коммунистических партий, один из которых прошел в Варшаве в сентябре 1947 г. Представители «демократического актива», уже усвоившие один из советских принципов — интернационализм — активно интересовались событиями, происходившими в странах «народной демократии». 11 декабря 1947 г. в донесении начальника отдела спецпропаганды Политического управления войск Дальнего Востока начальнику 7-го управления ГПУ ВС СССР были представлены наиболее яркие высказывания японских военнопленных о декларации девяти компартий, принятой в Варшаве³⁴⁶. Старший унтер-офицер Тюдзи Симада из отдельного рабочего батальона МВС, размещенного на Сахалине, высказался так: «Американские империалисты и их прихвостни Черчилли ведут пропаганду новой войны. Против империализма — демократический лагерь³⁴⁷». Другой военнопленный, ефрейтор Ёсигоро Хора из 551-го отдельного рабочего батальона, охарактеризовал совещание компартий как «совещание своей родной семьи», которая является «богиней мира и безопасности — против разоблачивших себя барсука и лисы (Америки и Англии)»³⁴⁸.

«Демократически настроенные» военнопленные японцы, высказывая свое мнение относительно внешнеполитических событий, обычно повторяли содержание статей, напечатанных в «Нихон Синбун», а также докладов и лекций, читаемых политработниками в лагерях. Оно обычно базировалась на следующих убеждениях: 1) Советский Союз, возглавлявший социалистический («демократический») блок стран, выступал за мирное урегулирование всех послевоенных разногласий, в то время как США, руководившие блоком капиталистических стран, являлись сторонниками агрессивной международной политики; 2) империалистический мир с центром в США ставил своей целью не

³⁴⁶ Там же. Л. 3

³⁴⁷ Там же. Л. 4

³⁴⁸ Там же. Л. 5

только преследование социалистов по всему миру, но и являлся подстрекателем новой мировой войны; 3) только СССР обладал достаточно сильным политическим и военным влиянием, чтобы предотвратить новую мировую войну.

Социалистические и, в особенности, коммунистические силы, с точки зрения «демократически настроенных» военнопленных японцев, могли бы привести Японию, в которой происходила политическая борьба, к процветанию и миру. В то же время «антидемократический лагерь», возглавляемый США, ставил целью закабаление Японии, «чтобы сделать ее послушным орудием в руках американских монополистов»³⁴⁹.

Для увеличения количества «демократически настроенных» военнопленных японцев в лагерях МВД и отдельных рабочих батальонах МВС выездных и организационно-административных мероприятий, проводимых сотрудниками ГПУ и Политотдела ГУПВИ, было недостаточно. Политические инструкторы органов внутренних дел совместно с офицерами Политических управлений военных округов организовывали одномесячные и двухмесячные курсы, на которых осуществлялась подготовка кадров для «демократического движения» в лагерях. Слушатели курсов отбирались из числа японцев, принимавших активное участие в деятельности «демократического движения». Во время занятий на курсах японцы проживали не в лагерях, а в специально созданных для них общежитиях, освобождались от работ, получали хорошее обмундирование и питание. Выпускники курсов, помимо знания основных положений работ В.И. Ленина и И.В. Сталина, должны были быть в курсе последних событий, происходивших в Японии, и уметь давать им правильную, с точки зрения сотрудников ГПУ ВС и Политотдела МВД, оценку. Японцы, завершившие обучение, должны были стать лекторами и проводить с остальными военнопленными японцами политические беседы о Советском Союзе, Японии и о событиях, происходивших на международной арене. Для этого даже использовались специальные учебные материалы, доставленные из

³⁴⁹ Там же. Л. 4

Японии. Так, 19 февраля 1948 г. начальник Политотдела ГУПВИ генерал-майор Е.И. Борисоглебский просил сотрудников советского МИД выслать материалы VI съезда Коммунистической партии Японии³⁵⁰.

17 марта 1947 г. одними из первых начали свою работу курсы по подготовке «демократического актива» при Политическом управлении Забайкальско-Амурского военного округа, в организации которых участвовали сотрудники МВД из 16-го управления лагерей³⁵¹. На этих курсах одновременно могло обучаться до 300 человек.³⁵² В течение обучения японские военнопленные прослушали 18 лекций³⁵³ о политическом, социальном и государственном устройстве СССР, его истории, а также об основах учения В.И. Ленина и И.В. Сталина. Кроме этого, японцам были прочитаны лекции о международных отношениях, об экономическом положении на их родине, о политике, проводимой США в Японии, о действиях японского правительства и о деятельности Коммунистической партии Японии.³⁵⁴ Выпуск этих курсов состоялся 6 апреля 1947 г., о чем было сообщено в отдел внешних сношений ЦК ВКП(б) М.А. Суслову.

В начале 1948 г. и при Приморском военном округе были организованы курсы, преподавательский состав которых набирался из бывшего редакторского состава газеты «Минсю Синбун» («Демократическая газета») и из наиболее подготовленных в политическом плане военнопленных из «демократического актива». Программа курсов была утверждена руководством политического управления Приморского военного округа. Темы курсов касались общественного и государственного устройства СССР, внутривнутриполитического управления Японии, анализа международных событий и посвященных им

³⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 623. Л. 166

³⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 235. Л. 55

³⁵² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 212. Л. 30-31

³⁵³ Вот темы некоторых из них: «Как рабочие и крестьяне боролись против царизма, помещиков, капиталистов»; «В.И. Ленин и И.В. Сталин — организаторы и руководители социалистического государства»; «Конституция СССР — самая демократичная конституция в мире» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 235. Л. 55

³⁵⁴ Там же.

докладов А.А. Жданова и В.М. Молотова³⁵⁵. Также слушателям курсов были прочитаны лекции на темы: «В.И. Ленин и И.В. Сталин — организаторы Великой Октябрьской революции»; «В.И. Ленин — борец за освобождение трудящихся всего мира из-под гнета капитала»; «Освободительная миссия Красной Армии»; «Передовая роль советской культуры»; «Денежная реформа и отмена карточной системы в СССР»³⁵⁶. На курсах рассматривались и практические вопросы, касавшиеся организации «демократического движения» среди военнопленных японцев.

Об итогах подготовки первого набора курсов по подготовке «демократического актива» было доложено в отдел внешних сношений ЦК ВКП(б), заместителем начальника которого являлся Л.С. Баранов. За время обучения «за проявление ими реакционных настроений» было исключено три человека.³⁵⁷ В конце обучения слушателей курсов ждал экзамен, который был успешно сдан большинством из них. Первый выпуск курсов, организованных при Приморском военном округе, насчитывал 116 чел. и состоялся 10 марта 1948 г.³⁵⁸ Уже 19 марта 1948 г. начались занятия для второго набора курсов, насчитывавшего 90 слушателей. С 1 апреля начали работу одномесечные курсы по подготовке «демократического актива» при 1-й Краснознаменной армии в Забайкальском военном округе, на которых обучались 105 чел.³⁵⁹ К подготовке «демократического актива» присоединился и Политотдел ГУПВИ. Сотрудниками Политотдела ГУПВИ были организованы три «антифашистских школы», где в течении шести месяцев происходило обучение «демократического актива», 43 трехмесячных курса и 38 одномесечных курсов³⁶⁰. Всего же на курсах с 1947 г. по 1949 г. были подготовлены более 39 тыс. чел.³⁶¹

Деятельность японцев из «демократического актива» воспринималась

³⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 623. Л. 239

³⁵⁶ Там же. Л. 167

³⁵⁷ Там же.

³⁵⁸ Там же. Л. 167, 239

³⁵⁹ Там же. Л. 167

³⁶⁰ РГВА. Ф. 1п. Оп. 21а. Д. 5. Л. 170

³⁶¹ Там же.

остальными японскими военнопленными с одобрением или равнодушием. Однако нередко «демократически настроенные» военнопленные японцы встречали не только открытое, но и скрытое противодействие со стороны бывших японских военнослужащих, являвшимися сторонниками милитаристской идеологии — военнопленными офицерами и, реже, унтер-офицерами. «Демократически настроенные» японцы, как правило, являлись рядовыми и вынуждены были подчиняться им. В течение десятилетий, предшествовавших Второй мировой войне, в Японии культивировалась политика слепого и беспрекословного подчинения вышестоящим лицам. В особенности это проявлялось в японских вооруженных силах. Любой, даже самый абсурдный приказ командира должен был выполняться его подчиненными немедленно, а его невыполнение грозило не только дисциплинарными, но и физическими наказаниями.

Закрытость армейской среды военнопленных японцев и царившая в ней круговая порука позволяла скрывать враждебное отношение военнопленных японских офицеров к военнослужащим из «демократического актива». Скрытое противодействие их деятельности являлось более эффективным, т.к. открытое противодействие могло повлечь за собой конфликт с администрацией лагеря и репрессии с ее стороны.

Противодействие «демократическому активу» наблюдалось не только в лагерях МВД, но и в транзитных лагерях. Первые известия о появлении групп, противодействовавших распространению «демократических» взглядов, появились в 1946 г. О них было доложено руководству страны. 17 мая 1946 г. С.Н. Круглов докладывал И.В. Сталину, В.М. Молотову и А.А. Жданову о том, что «реакционно» настроенные военнопленные офицеры затрудняют распространение «демократических» идей среди рядовых и унтер-офицеров³⁶².

Согласно данным, полученным офицерами 7-го управления ГПУ, в распоряжении японских офицеров имелось немало способов противодействия «демократическому активу». Используя свое положение, они посылали

³⁶² ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 136. Л. 191

военнопленных, разделявших «демократические» взгляды, на самые трудоемкие работы, могли пренебрегать их жалобами и одновременно вести слежку и подслушивания.³⁶³ Жесткая иерархия, царившая в японской армии, позволяла японским офицерам обособляться от остальной массы военнопленных и долгое время скрывать свои планы и настроения от оперативных сотрудников лагерей. Заместитель начальника 7-го управления ГПУ ВС полковник Байков, сообщая об этих фактах М.А. Суслову, был вынужден признать, что «разоблачение антифашистской клеветы и борьба с реакционной и милитаристской идеологией... крайне затруднена в силу действующей в лагерях японской воинской системы»³⁶⁴.

Неэффективная работа оперативных сотрудников, входивших в состав лагерной администрации, снижала результаты политработы. Так, группа японских офицеров численностью до 300 человек, организаторами которой стали сотрудники японских полицейских органов, была выявлена осенью 1946 г. перед самой отправкой в Японию.³⁶⁵ В 1947 г. в репатриационном лагере № 380 (г. Находка) была раскрыта группа японских офицеров, которая прибыла из лагеря № 7³⁶⁶. Первоначально эта группа японских офицеров, согласно данным офицеров ГПУ ВС носившая название «Кровная месть», была охарактеризована как террористическая. В результате расследования сотрудники Политотдела ГУПВИ выяснили, что в лагере № 7 существовала организация под названием «Кровное братство», однако, по их данным, террористической она не являлась. Тем не менее, было установлено, что политотделением лагеря № 7 не велась систематическая политическая работа.

Конфликт «демократически настроенных» военнопленных с офицерами был вызван не только идеологическими и политическими разногласиями. В мае 1946 г. в своем докладе начальник 7 управления ГПУ ВС СССР М.И. Бурцев сообщал М.А. Суслову, что офицерство и унтер-офицерство, занимавшие

³⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 212. Л. 42

³⁶⁴ Там же.

³⁶⁵ Там же. Л. 50

³⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 235. Л. 93

командное положение, теряют авторитет, поскольку солдаты, разделявшие «демократические» взгляды, им не доверяют, а прежние порядки, принятые в японской армейской среде, поддерживаются с «большим трудом» и вызывают все большую ненависть среди рядовых военнослужащих, которые в некоторых лагерях устраивали митинги против офицерства.³⁶⁷ Спустя год заместитель начальника ГПУ ВС СССР генерал-майор Б.С. Сапожников докладывал в отдел внешней политики ВКП (б) заместителю его начальника Л.С. Баранову, что в репатриационном лагере № 380 группа военнопленных (рядовых и унтер-офицеров), прибывшая из лагеря МВД № 51, 26 июня 1947 г. составила на имя начальника репатриационного лагеря письмо. В нем коллектив бывших японских военнослужащих просил освободить солдат от «офицерского ига», ускорить развертывание «демократического движения» среди японских военнопленных, «возненавидевших старый строй и изуверскую систему японской военщины»³⁶⁸.

Японцы, входившие в «демократический актив», не только поддерживали антимилитаристов, но и выступали за упразднение системы беспрекословного подчинения, существовавшей в среде военнопленных японцев. Деятельность «демократического актива», таким образом, представляла угрозу для власти японских офицеров, отвечавших за дисциплину среди своих подчиненных в лагерях.

Офицерство являлось олицетворением традиционного уклада, существовавшего в Японии до 1945 г. Поддержание авторитета офицеров символизировало не только возврат к старым социальным порядкам, сторонниками которых были отнюдь не все военнопленные японцы, но и возврат к идеологии войны. В результате политической работы, проводимой в лагерях, военнопленные японцы по возвращении в Японию должны были стать гражданскими лицами, готовыми к политической и общественной борьбе за будущее Японии, для которых фигура японского офицера не должна была

³⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 212. Л. 2

³⁶⁸ Там же. Л. 94

являться безусловным авторитетом.

В своем письме бывшие японские военнослужащие из лагеря МВД № 51 отмечали, что в японцах «всячески поддерживалось сознание... ничтожества перед офицерами японской армии — олицетворением императорской власти. В результате побоев, чинимых японскими офицерами, росло число физически изувеченных солдат... они урезали солдатам нормы питания, а солдат, проявлявших недовольство существующим положением, вызывали к себе в штаб и пытали. Это было системой»³⁶⁹. пытки и издевательства японские офицеры объясняли приказами руководства лагеря, якобы недовольного работой рядовых военнопленных. Письмо подписало 1496 человек.

Согласно показаниям одного из военнопленных по имени Кийоси Сакай³⁷⁰ из этого же лагеря (лагерное отделение № 22), его руководство получало «извращенную информацию» о политико-идеологических настроениях в среде японских военнослужащих от командовавших ими офицеров, которые «в беседах с русскими надевали маски демократов», в то время как на самом деле являлись убежденными противниками «демократических» взглядов.³⁷¹ Некоторые офицеры даже открыто говорили о том, что вступают в «демократические кружки» только лишь затем, чтобы попасть поскорее на родину. В Японии они обещали вести борьбу с «агентами русских»³⁷². Один из японских офицеров из лагеря № 128, согласно агентурным данным, высказывал такое мнение в эшелоне на пути в репатриационный лагерь: «Эх, поскорее бы добраться домой, да взяться за подготовку новой русско-японской войны, чтобы поблагодарить русских за их гостеприимство!»³⁷³

В историографии темы большинство исследователей полагают, что политическая работа проводилась среди военнопленных японцев помимо их воли и желания. Участие во всех мероприятиях, организованных

³⁶⁹ Там же.

³⁷⁰ Так в источнике. Согласно принятым в настоящее время правилам чтения, фамилия военнопленного должна читаться как «Киёси».

³⁷¹ Там же.

³⁷² ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 170. Л. 107

³⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 212. Л. 95

«демократическим активом» (митинги, конференции, манифестации), являлось добровольно-принудительным и по своей сути — формализованным. Исследователи также считают, что сами политические убеждения, распространяемые среди японских военнопленных, не вызывали интереса с их стороны. Бывшие японские военнослужащие в подавляющем большинстве случаев относились к ним индифферентно. Эта точка зрения подтверждается тем, что «демократически настроенные» японцы, проявлявшие политическую активность в лагерях, включались в списки репатриантов в первую очередь. Министр внутренних дел в своих приказах о репатриации в 1947 г. и 1948 г. предписывал в каждую группу репатрируемых включать равное количество «демократически настроенных» японцев и ударников труда.

Низкая заинтересованность основной массы японских военнопленных в участии в «демократическом движении» подтверждается и другими источниками. Так, согласно данным министерства внутренних дел СССР, из 194 тыс. писем, отправленных военнопленными японцами к 1 января 1947 г., лишь в 15% (в 29100 письмах) из них были затронуты вопросы политического и идеологического характера³⁷⁴. С 1 января по 1 октября 1947 г. японцами были отправлены 547233 письма. Из них положительные отзывы о «демократическом движении» в лагерях МВД и отдельных рабочих батальонах МВС содержали только 10% (54723) писем, а резко негативные отзывы о нем присутствовали лишь в 2,8% (15322) писем³⁷⁵.

Несмотря на то, что в 1947 г. численность военнопленных японцев, участвовавших в «демократическом движении», оставалась невысокой, бывшие японские военнослужащие проявляли интерес к устройству советского общества. Так, в конце июня 1947 г. в докладе С.Н. Круглова о полученных агентурой сведениях о политических настроениях среди военнопленных японцев было помещено высказывание одного из них, с которым согласились

³⁷⁴ Количество писем подсчитано на основе данных, взятых из следующего источника: ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 168. Л. 246-247.

³⁷⁵ Докладная записка Сталину И.В., Молотову В.М., Берия Л.П., Жданову А.А. и Сулову М.А. о содержании и объемах переписки японских военнопленных. // ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 171. Л. 206

шестеро других: «Во время пребывания в СССР у нас появилась любовь к русским людям. Это действительно культурный народ. Мы увидели, что в СССР женщины имеют равноправие с мужчинами, чего еще нет в Японии. Нам нужно многому учиться у русских»³⁷⁶. Пребывание в Советском Союзе меняло образ мышления японских солдат. Так, согласно полученным МВД агентурным данным, подпоручик Сэмба в середине 1947 г. высказывал такие мысли: «Японскими солдатами становится невозможно командовать. Они, пробыв в плену больше года, стали не теми солдатами, которыми были раньше, до пленения, [они] читают газету «Нихон Симбун», где русские пишут о демократии. Фактически, ведь, русские распространяют ложь, а солдаты этому верят»³⁷⁷. Репатриант Масао Фудзисима в интервью корреспонденту одного из японских изданий рассказал о том, что даже те военнопленные японцы, которые считали пропагандой информацию, распространяемую «демократическим активом», поддавались любопытству и проявляли интерес к ней³⁷⁸.

Японцы, принимавшие участие в «демократическом движении» в лагерях МВД СССР, способствовали укреплению влияния СССР в Японии. Бывшие японские военнослужащие, прибывавшие из СССР, подвергались интенсивному допросу как со стороны японских чиновников, так и со стороны оккупационных властей. Те из них, кто открыто придерживались социалистических взглядов или симпатизировали СССР, попадали под пристальное внимание со стороны оккупационных властей. Но даже в таких условиях «демократическое движение» существовало в Японии еще на протяжении ряда лет. В аппарат советского политического советника Союзного совета³⁷⁹ в ноябре 1948 г. одним из членов общественной организации под названием «Лига оказания помощи лицам, вернувшимся из Советского Союза»

³⁷⁶ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 170. Л. 106

³⁷⁷ Там же. Л. 107

³⁷⁸ Японские военнопленные в СССР: 1945–1956. Сборник документов. С. 401

³⁷⁹ Союзный совет — консультативный орган, созданный при Верховном главнокомандующем союзными войсками в период оккупации Японии союзными войсками. Подробнее о деятельности Союзного совета см. главу 4 «Репатриация японских военнопленных».

были переданы сведения о том, что бывшие японские военнослужащие, придерживавшиеся «демократических» убеждений, попадали под «явное и тайное, прямое и косвенное, планомерно-агитационное давление американо-японской реакции»³⁸⁰.

В 1948 г., и, особенно, в 1949 г. численность репатриантов, участвовавших в общественно-политической жизни в Японии, возросла. Ониполнили число сторонников Коммунистической партии Японии (КПЯ) и других социалистических партий. Наиболее активные из них участвовали в митингах, организованных Коммунистической партией Японии, и впоследствии пополняли ее ряды. Примечательно, что репатрианты, вступавшие в партию, имели свои представления относительно того, в каком направлении стоит развивать ее деятельность. Они считали, что КПЯ должна строго следовать советской модели развития социализма³⁸¹, а часть репатриантов даже разочаровалась в партии, ожидая увидеть в ней прообраз ВКП(б)³⁸². Разногласия, возникавшие между бывшими военнопленными, недавно вступившими в КПЯ, и партийными деятелями, уже имевшими большой партийно-агитационный опыт, проявились и при обсуждении вопроса о том, каким образом КПЯ может получить власть в стране: вследствие революции или победы на партийных выборах.

Разделение японских военнопленных на тех, кто придерживался «реакционных» или «демократических» убеждений, сохранилось и среди японских военных преступников, осужденных на территории СССР. Военнопленные из «демократической группы», содержащиеся в лагере № 16 с 1950 г. по 1955 г. пропагандировали «мир, демократию и национальную независимость» среди остальных заключенных. По словам заключенного Асахары Сейки, возглавлявшего эту группу, лагерная администрация никак не поощряла их деятельность³⁸³. Осужденные военнопленные лагеря, которые

³⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 145. Л. 4

³⁸¹ РГВА. Ф. 4п. Оп. 11. Д. 176. Л. 104

³⁸² Там же. Л. 50-51

³⁸³ Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 179

придерживались милитаристических взглядов («реваншисты», как их называл А. Сейки), считали бывших военнопленных из «демократической группы» предателями. Двое японцев, входивших в эту группу, были убиты, а один был тяжело травмирован. 19 декабря 1955 г. в лагере № 16 осужденные военнопленные, возглавляемые бывшими японскими штабными офицерами, проявили открытое неповиновение начальству лагеря, отказавшись выйти на работу, а 2 марта 1956 г. объявили голодовку и потребовали немедленного освобождения³⁸⁴. Неповиновение заключенных было вызвано тем, что советские власти, с их точки зрения, намеренно затягивали советско-японские переговоры о репатриации находившихся в СССР японских граждан. Администрация лагеря после продолжительных переговоров согласилась передать требования советскому руководству. 12 марта 1956 г. на территорию лагеря были введены советские войска, и беспорядки были прекращены. Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко 19 мая 1956 г. принял решение освободить 28 «демократически настроенных» японцев, которые призывали к прекращению беспорядков среди заключенных. 16 августа 1956 г. они были переданы представителям японского Красного Креста и репатриированы.

3.2. Следственная работа среди японских военнопленных

Следственная работа, проводившаяся сотрудниками МВД среди военнослужащих японских частей, была нацелена на достижение двух целей. Первая цель состояла в том, чтобы получить показания от представителей высшего командования Квантунской армии, а также японских и китайских чиновников, которые были необходимы советскому руководству для формирования обвинительной базы представителей СССР на Токийском процессе, в ходе которого Международным военным трибуналом для Дальнего Востока были осуждены японские военные преступники, совершившие преступления против мира и человечности. Второй целью являлось выявление японских военнослужащих, занимавшихся разведывательно-диверсионной деятельностью и шпионажем, а также сотрудников японских полицейских

³⁸⁴ Там же. С. 180-182

служб, действовавших в Маньчжурии.

Первые следственные мероприятия среди японских военнослужащих (преимущественно среди высшего командного состава) были проведены уже в конце августа — начале сентября 1945 г., когда допросу со стороны командного состава советских частей подвергались японские генералы и высшие офицеры, занимавшие значимые командные должности в японской армии. Советское командование интересовало подробности формирования и пополнения Квантунской армии накануне советско-японской войны. В дальнейшем, уже после того, как японские военнослужащие были перемещены в лагеря НКВД, японский высший командный и штабной составы были повторно допрошены, но уже сотрудниками министерства внутренних дел СССР.

Несмотря на то, что в годы Второй мировой войны Советский Союз практически не пострадал от действий японских войск, участие представителей СССР в Токийском процессе было необходимо для Советского Союза — державы, внесшей свой вклад в разгром японских вооруженных сил. Допросы высших японских офицеров, проводимые сотрудниками внутренних дел Советского Союза, являлись наиболее важной частью следственных мероприятий, направленных на подготовку обвинительных материалов со стороны СССР на Токийском процессе, который должен был начаться в январе 1946 г.

Показания представителей японского командования свидетельствовали о том, что у японского высшего военного руководства существовали планы, согласно которым были предусмотрены подготовительные действия к наступательной войне против СССР. Наиболее важные и полные показания военнопленных японских генералов, занимавших важные посты, в виде докладных записок регулярно отправлялись И.В. Сталину, В.М. Молотову и Л.П. Берии.

Главнокомандующий Квантунской армией генерал Отодзо Ямада был допрошен 8 и 9 апреля 1946 г. На допросе он уклончиво упоминал о том, что накануне Великой Отечественной войны у японского генерального штаба

имелись намерения по усилению Квантунской армии в связи с подготовкой к военным действиям против СССР согласно плану «Канн Току Эн» («Особые маневры Квантунской армии») ³⁸⁵. В то же время, в своих собственных показаниях, переведенных на русский язык, он отметил, что план под названием «Канн Току Эн» представлял собой «план мероприятий по подготовке к наступательной войне против СССР», который при этом не являлся оперативным планом войны ³⁸⁶. О. Ямада отмечал, что с 1940 г. Квантунская армия получала пополнения, и в ее состав включались новые соединения. Бывший главнокомандующий Квантунской армии в своих показаниях упомянул и о приказе верховной ставки японского командования, в котором было велено начать подготовку к войне с СССР. Первоначально численность Квантунской армии составляла 386 тыс. чел. (13 дивизий), а после пополнения (во главе одного из них прибыл и сам О. Ямада) она составляла уже примерно 600 тыс. чел. (15 дивизий). О. Ямада свидетельствовал, что в 1941 г., уже после начала Великой Отечественной войны, на личном совещании у императора было принято решение о том, что Япония будет придерживаться собственной политики по вопросу советско-германской войны ³⁸⁷.

С 20 по 23 апреля 1946 г. показания давал бывший командующий 1-м фронтом Квантунской армии Сейити Кита. В своих показаниях он упомянул, что генеральный штаб императорской армии Японии разработал план наступательной войны против СССР под названием «Оцу» ³⁸⁸. План «Оцу» предусматривал наступательные действия на границе с Советским Союзом и оккупацию всего советского Дальнего Востока вплоть до озера Байкал. Согласно показаниям С. Кита, он состоял из четырех этапов: 1) демонстративные маневры на границе с СССР, подготовка к наступлению,

³⁸⁵ Документ № 8. Докладная записка Сталину И.В. 9 июня 1946 г. Экз. №1. // Родина. 2010. № 9. С. 53.

³⁸⁶ В сборнике документов в серии «Русский архив: Великая Отечественная» (Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30-40-е годы: Документы и материалы: В 2 т. Т.18 (7-2). М.:ТЕРРА, 2000. С.323-333) были опубликованы собственноручные показания генерала О. Ямада.

³⁸⁷ Документ № 8. Докладная записка Сталину И.В. 9 июня 1946 г. Экз. №1. // Родина. 2010. № 9. С. 53

³⁸⁸ Там же.

переход советских границ и наступление вглубь советского Дальнего Востока; 2) развитие наступления вплоть до Хабаровска и его оккупация; 3) наступательные действия в Забайкалье, захват Читы; 4) завершение оккупации советской территории³⁸⁹. С. Кита отмечал, что план «Оцу» изменялся из года в год вплоть до 1944 г., когда ситуация явно стала складываться не в пользу Японии, Германии и их союзников.

Сведения, полученные органами внутренних дел, советское руководство планировало использовать на Токийском процессе. Тем более что у представителей американского обвинения не было сведений о наличии у японского политического и военного руководства агрессивных планов в отношении СССР. 28 ноября 1946 г. Я.А. Малику, министру иностранных дел, а также генеральному прокурору СССР К.П. Горшенину поступило ходатайство от представителей защиты Международного военного трибунала для Дальнего Востока о вызове в Токио в качестве свидетелей защиты десяти военнопленных японцев, занимавших командные должности. Восемь из них, согласно данным МВД СССР, содержались в Советском Союзе в лагере № 45 в Хабаровском крае³⁹⁰. Об этом ходатайстве был информирован С.Н. Круглов, который отметил, что их присутствие на судебном процессе в качестве свидетелей нежелательно.³⁹¹ Все восемь человек были допрошены сотрудниками министерства внутренних дел СССР, и из них семеро дали показания, свидетельствовавшие о наличии планов по подготовке войны с СССР, а восьмой значимых сведений не предоставил.

Руководство МВД СССР желало получить информацию и о том, какую политику проводила японская военная администрация в Маньчжурии. 21 марта 1946 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило директиву советским представителям в Международном военном трибунале для Дальнего Востока, в которой было отмечено, что советское обвинение должно было доказать не только то, что Япония готовила военное нападение на СССР, провоцировала приграничные

³⁸⁹ Там же. С. 55

³⁹⁰ ГА РФ. Ф. 9401. Оп 2. Д. 143. Л. 228

³⁹¹ Там же.

военные конфликты, но и то, что Маньчжурия и Корея были подчинены ей и превращены в военный плацдарм³⁹².

О политике, проводимой японской военной администрацией в Маньчжурии, стало известно из показаний ее правителя — императора Пу И. Он являлся номинальным главой Маньчжоу-Го и формальным главнокомандующим маньчжурских вооруженных сил. Однако фактически ему подчинялись несколько чиновников и его свита. В августе 1945 г. японское командование Квантунской армии хотело вывезти его в Японию, чтобы скрыть факты, компрометировавшие командование Квантунской армии. Но Пу И вместе с маньчжурскими чиновниками и своей свитой был вывезен в Советский Союз, и, во избежание нежелательных контактов с представителями японского командования, был поселен в отдельном доме с прислугой. Поскольку Пу И не относился к военнопленным и считался интернированным, в этой главе рассматриваются предоставленные им показания, а не факты его биографии (в том числе события, произошедшие уже в СССР), хотя некоторые из них весьма интересны³⁹³.

13 марта 1946 г. министр внутренних дел выслал докладную записку на имя И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.П. Берии, Г.М. Маленкова, в которой был помещен перевод коллективного письма, составленного Пу И и министрами Маньчжоу-Го на китайском языке. Оно было адресовано советскому правительству. В письме говорилось, что до прихода советских войск императору Маньчжоу-Го и его окружению запрещалось вести

³⁹² Лубянка. Сталин и МГБ. Март 1946 — март 1953: документы высших органов партийной и государственной власти / Сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД: Материк, 2007. С. 8

³⁹³ Пу И несколько раз писал письма благодарности И.В. Сталину и всему советскому руководству, а также просил разрешения вместе с семьей остаться в Советском Союзе и получить советское гражданство. В знак признательности советскому руководству в мае 1946 г. он преподнес в дар свои ювелирные украшения, драгоценности и утварь стоимостью более 473 тысяч рублей по ценам «Ювелирторга» 1946 г. Аналогичные дары (на сумму около 476 тысяч рублей) были преподнесены советскому правительству и интернированными китайскими чиновниками. 1 июля 1950 г. представители КНР согласились принять бывшего императора Маньчжоу-Го, и 3 августа 1950 г. он под усиленным конвоем был отправлен в Мукден (КНР). Как сообщалось в докладе министра внутренних дел руководству страны, перед репатриацией Пу И вел себя нервно и высказывал мысль о самоубийстве. Перед тем, как состоялась его передача представителям КНР, Пу И еще раз устно поблагодарил Советское правительство за гуманное к нему отношение и при этом даже прослезился. // ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 269. Т.1. Л. 163, 404.

самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, назначать и снимать представителей маньчжурского правительства, была запрещена свобода слова, прессы и печати³⁹⁴. Бывший маньчжурский император позднее свидетельствовал на Токийском процессе, о том, что у него «не было собственных рук», и «не было собственного рта»³⁹⁵.

Показания Пу И оказались неожиданными для представителей США и для японского народа. Представители защиты подсудимых японских политиков, как сообщалось в японской прессе, пытались поставить под сомнение его слова, аргументируя это давлением на свидетеля, якобы оказанным со стороны представителей СССР. Японской газетой «Сэкай Ниппон» было отмечено, что его показания имели существенное значение для составления обвинительных материалов со стороны СССР³⁹⁶. Позднее глава совета обвинения Д.В. Кинэн написал ему письмо с благодарностями, в котором высоко оценил значимость показаний, данных бывшим маньчжурским императором в ходе Токийского процесса³⁹⁷. Сам же Пу И, несмотря на действия представителей защиты подсудимых, держался твердо и уверенно. Он вызвал большой интерес у репортеров и сотрудников информационных агентств, освещавших ход Токийского процесса.

В Маньчжурии японской военной администрацией были учреждены органы безопасности и органы специального назначения. Разведывательная, шпионская и диверсионная деятельность японских специальных органов была развернута задолго до начала военных действий между советскими и японскими войсками. Стремительное наступление Красной Армии в начале августа 1945 г. ухудшило оперативное и тактическое положение регулярных японских соединений и частей, но создало благоприятные условия для ведения подрывной деятельности в советском тылу. Японские диверсионные войска разрушали и подрывали коммуникации, объекты инфраструктуры, промышленные

³⁹⁴ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 135. Л. 95-96

³⁹⁵ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 139. Л. 81

³⁹⁶ Там же. Л. 129

³⁹⁷ Там же.

предприятия. Подготовленные специальные диверсионные отряды действовали в советском тылу почти автономно, а успехи или неудачи японских соединений на фронте практически не вносили изменения в их деятельность. Даже после того, как всем японским войскам был разослан приказ о сложении оружия, диверсии и саботажи в тылу советских войск не прекратились.

28 августа 1945 г. заместителю председателя СНК Г.М. Маленкову была направлена телеграмма от генерал-лейтенанта И.В. Шикина, являвшегося тогда членом Военного совета Главного командования советскими войсками на Дальнем Востоке. В ней сообщалось, что в тылу войск Красной Армии сохранилась обширная сеть японской агентуры. Японские диверсанты, замаскированные под местное население, нападали на красноармейцев. Они также наносили ущерб гражданской инфраструктуре, подрывали мосты и переправы, нарушали связь, коммуникации и водоснабжение, а также выводили из строя военные и промышленные объекты. В связи с этим политуправлениям советских частей были даны указания об усилении политической работы среди населения занятых районов.³⁹⁸

Выявление японских военнослужащих, причастных к перечисленным видам деятельности, началось сразу же после завершения разоружения частей японских войск. Вскоре были достигнуты первые успехи. Судебное рассмотрение дел в отношении японцев, подозреваемых в шпионаже в пользу Японии, вербовке агентуры, ведении разведывательной деятельности, сборе данных о военных объектах и дислокации частей Красной Армии, проводилось в рамках заседаний военных трибуналов, созданных при Дальневосточной армии ПВО, начиная с февраля 1946 г. В список подсудимых входили сотрудники японской военной миссии в г. Сахальяне (ныне — г. Хэйхэ), расположенном вблизи границы с СССР, которые подозревались в организации агентурных сетей в Маньчжурии и в шпионской деятельности. Были преданы суду военных трибуналов и китайцы (маньчжуры), завербованные японскими сотрудниками специальных органов, а также согласившиеся на сотрудничество

³⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 319. Л. 17-18

с японцами русские эмигранты, проживавшие в Маньчжурии³⁹⁹.

Однако не были выявлены генералы и офицеры, руководившие этими видами деятельности. Они, как считало руководство ГУПВИ и МВД, являлись военными преступниками, которые вместе с другими японскими военнослужащими были размещены в лагерях МВД.

19 января 1948 г. С.Н. Круглов в своем докладе руководству страны сформулировал задачи, стоявшие перед МВД на 1948 г., среди которых упомянул и задачу по выявлению военных преступников⁴⁰⁰. К середине 1948 г. следственные органы МВД смогли получить сведения о том, как была устроена работа диверсионных и шпионских японских органов. Ими было установлено, что в августе 1945 г. в разветвленную многоуровневую систему японской агентуры были вовлечены десятки человек. Первый, низовой уровень этой системы, составляли непосредственно разведчики, агенты, резиденты и проводники из числа китайского (маньчжурского) населения; второй уровень этой системы занимали вербовщики, командно-преподавательский состав диверсионных и разведывательных школ; третий уровень был представлен начальством японских силовых органов и спецслужб, действовавших в Маньчжурии. За поддержку, обеспечение и снабжение всем необходимым японских разведчиков, шпионов и диверсантов отвечали отдельные группы военнослужащих, также являвшиеся частью этой системы.

Японские вербовщики использовали сложившееся тяжелое материальное и правовое положение местного населения (китайцев, монголов, корейцев, реже — потомков русских эмигрантов) в свою пользу. Подкупая, а иногда прямо угрожая физической расправой, они не испытывали недостатка в кадрах. К диверсионной и разведывательной работе привлекались и потомки русских белоэмигрантов, бежавших из РСФСР во время Гражданской войны. Они использовались для сбора информации об СССР и его вооруженных силах, а также для совершения диверсий в тылу. Отодзо Ямада на допросе 20-23 апреля

³⁹⁹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 2. Д. 14. Л. 83

⁴⁰⁰ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 72

1946 г.⁴⁰¹ указал, что для их подготовки была организована 2-я секция в составе Квантунской армии. В ее структуру входило т.н. «осведомительное бюро», штаб которого находился в Харбине.

Если агентура набиралась в основном из представителей местного населения, то разведчики и диверсанты состояли преимущественно из японцев. Кроме этого, в Маньчжурии была налажена и контрразведывательная деятельность, направленная на нейтрализацию советской разведки в годы Великой Отечественной войны. Она контролировалась японскими полицейскими органами в крупных городах и также состояла в основном из японцев.

В ноябре 1946 г. следственным органам МВД, занимавшимся выявлением японских военных преступников, стали известны конкретные лица, ответственные за совершение диверсий в тылу Красной Армии. Одним из таковых являлся майор Макото Морита⁴⁰², начальник штаба целой бригады диверсантов, известных как «смертники». «Смертники» специализировались на ведении партизанской войны — уничтожении в тылу техники противника (в основном — танков), совершении вылазок на военные склады, аэродромы, штабы, уничтожении средств связи, разрушении путей сообщения и совершении террористических актов в отношении советских офицеров и генералов. По словам майора Макото Мориты, в состав бригады «смертников» входили только лучшие солдаты и офицеры Квантунской армии, которые были воспитаны в глубокой преданности своей родине и императору и были готовы, если потребуется, совершить самопожертвование⁴⁰³. Бригада имела армейскую структуру и делилась на полки, полки состояли из батальонов, а те — из рот.

Согласно показаниям М. Морита, инициатива создания бригады принадлежала начальнику 1-го отдела оперативного отделения штаба

⁴⁰¹ Документ № 8. Докладная записка Сталину И.В. 9 июня 1946 г. Экз. № 1 // Родина. № 9. М., 2010. С. 53.

⁴⁰² Морита Макото — майор японской армии 1912 года рождения, уроженец префектуры Сайтама, японский подданный, кадровый офицер, получивший военное образование. В японской армии числился с 1935 г. 20 августа 1945 г. в Маньчжурии сдал оружие советским частям. // Родина. № 10. 2010. С. 4.

⁴⁰³ Документ без комментариев. Докладная записка Сталину И.В. от Круглова С.Н. от 12 января 1947 г. // Родина. 2010. № 10. С. 4.

Квантунской армии подполковнику принцу Такэда ⁴⁰⁴. Предложение подполковника Такэда, поддержанное штабом Квантунской армии, было направлено в министерство армии (министерство вооруженных сил) Японии. Бригада была сформирована в августе 1944 г. на базе 2-го оперативно-маневренного полка «смертников», существовавшего с 1941 г. и находившегося в непосредственном подчинении у главнокомандующего Квантунской армии. Первоначально численность бригады составляла 4-5 тыс. человек, но уже к началу августа 1945 г. доходила до 7-8 тыс. японцев. В августе 1945 г. часть этой бригады была переведена в отдельные батальоны «смертников», которые создавались по приказу штаба Квантунской армии в феврале 1945 г. Все члены бригады проходили специальную подготовку на трехмесячных курсах. В процессе подготовки курсанты обучались действиям в ночное время суток и даже изучали опыт ведения партизанской войны советского народа в годы Великой Отечественной войны⁴⁰⁵.

С 20 июля 1945 г. вдоль всей границы с Советским Союзом военнослужащие бригады смертников строили опорные пункты, которые могли послужить укрытиями во время осуществления диверсионной деятельности в тылу Красной Армии. Опорные пункты представляли собой землянки с запасами боеприпасов и провизии, в которых могли жить японские офицеры и рядовые. С 10 августа 1945 г. в течение 7 дней военнослужащие бригады «смертников» действовали в тылу танковых частей Красной армии. 17 августа, когда командиру бригады был отдан приказ о сложении оружия, деятельность «смертников» прекращена не была из-за отсутствия связи. Лишь к 20 августа, по словам М. Мориты, приказ о сложении оружия был выполнен. В своих показаниях майор Морита упомянул 77 офицеров — адъютантов, помощников, командиров полков, батальонов и рот, включая и командира бригады полковника Хидэаки Киносита, содержавшегося, по предположению самого

⁴⁰⁴ Вероятно, речь шла о принце Цунаёси Такэда, который приходился кузеном императору Хирохито. В 1943 г. он, получив звание подполковника, был направлен в Квантунскую армию (см. *Andrew E. Barshay. Ibid. P. 2*)

⁴⁰⁵ Документ без комментариев. Докладная записка Сталину И.В. от Круглова С.Н. от 12 января 1947 г. // Родина. 2010. № 10. С. 5

Морита, в лагере МВД № 97.

Лица, вовлеченные в разведывательную, шпионскую и диверсионную деятельность, освобождались от репатриации из лагерей. Деятельность японских полицейских и карательных органов также квалифицировалась как враждебная по отношению к Советскому Союзу. Все японцы, которые в разные годы работали в этих органах или оказывали им содействие, также до особого разрешения не подлежали репатриации. В ходе следственной работы, проводимой органами МВД среди военнопленных японцев, было установлено, что японские карательные органы осуществляли массовый террор среди мирного населения и поэтому являлись военными преступниками. Жертвами военных преступлений становились не только жители Маньчжурии, но и граждане Советского Союза.

Судебное рассмотрение дел в отношении японцев, занимавшихся разведывательно-диверсионной деятельностью, проводилось на заседаниях трибуналов военных округов и войск МВД, соответствовавших дислокации лагеря, где содержались подсудимые. В 1949 г. состоялись заседания военных трибуналов при Дальневосточном округе войск МВД, Приморском военном округе, военном округе войск МВД Хабаровского края и Казахской ССР⁴⁰⁶.

Согласно информации, которой к 1 марта 1949 г. располагало ГУПВИ, общее число военнопленных японцев, которые могли быть причастны к совершению военных преступлений, шпионаже или в совершении диверсий против советских вооруженных сил, составляло 8870 чел.⁴⁰⁷ Все они стояли на оперативном учете МВД. К началу июля 1949 г. министр внутренних дел доложил руководству страны также о 696 японцах, работавших в японских разведывательных и контрразведывательных органах. Из них к тому моменту были осуждены лишь 397 чел., а 298 японцев находились под следствием⁴⁰⁸.

9 октября 1949 г. В.М. Молотову от министра внутренних дел был выслан

⁴⁰⁶ РГВА. Ф. 1п. Оп. 8и. Д. 5. Л. 83-102

⁴⁰⁷ Там же. Л. 16

⁴⁰⁸ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 235. Л. 250

проект постановления Совета Министров ⁴⁰⁹, согласно которому 5138 военнопленных и интернированных японцев подлежали репатриации, поскольку у МВД отсутствовали данные, свидетельствующие об их преступной деятельности ⁴¹⁰. От репатриации были освобождены 4547 военнопленных и интернированных японцев. Министр внутренних дел предложил создать комиссию в составе С.Н. Круглова, министра государственной безопасности В.С. Абакумова и генерального прокурора СССР Г.П. Сафонова, которая должна была рассмотреть дела освобожденных от репатриации военнопленных и интернированных японцев и определить список тех, кого следовало судить на заседаниях военных трибуналов. Кроме того, согласно имевшимся у МВД данным, еще примерно тысяча японских военнопленных и интернированных были причастны к совершению преступлений в отношении мирного китайского населения и бойцов Народно-Освободительной армии Китая⁴¹¹.

В.М. Молотов согласился с предложениями С.Н. Круглова, а 2 ноября 1949 г. согласно постановлению Совета Министров СССР № 5038-1924сс. комиссия была учреждена. Работа комиссии должна была закончиться еще к 20 ноября 1949 г., однако результаты ее работы были доложены И.В. Сталину только 20 декабря. Комиссия по итогам своей работы пришла к заключению, что в военные трибуналы следует направить материалы на 2883 японских военнопленных и интернированных⁴¹². Всего к началу января 1950 г. военные трибуналы уже осудили 1690 японцев. Численность японских военнопленных,

⁴⁰⁹ Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 475-476

⁴¹⁰ Из 5138 военнопленных и интернированных, подлежащих репатриации в октябре 1949 г., 4359 человек служили в японской полиции и жандармерии, 402 человека являлись сотрудниками японских военных миссий в Маньчжурии, 237 человек являлись «реакционно настроенными», 89 человек являлись номинальными членам общества «Кё Ва» (или Кио-Ва-Кай — общественная организация, созданная японской военной администрацией в Маньчжурии для упрочения своего военного и политического влияния), 45 человек входили в агентурную сеть японской контрразведки, и 6 рядовых участвовали в полевых карательных подразделениях. // Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 476

⁴¹¹ Для определения точной численности военнопленных и интернированных японцев, которых планировалось передать КНР, в конце октября 1949 г. была сформирована специальная комиссия, в которую вошли представители МВД, МИД, министерства юстиции и Генеральной прокуратуры СССР. // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1388. Л. 29

⁴¹² Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 478

подлежавших передаче правительству Китайской Народной Республики, составляла 971 человек⁴¹³. Всего на территории СССР к началу января 1950 г. содержались 5544 японских военнопленных и интернированных⁴¹⁴.

Комиссия, в которую, помимо С.Н. Круглова, Г.П. Сафонов и В.С. Абакумова были включены также министр юстиции К.П. Горшенин и министр иностранных дел А.Я. Вышинский, еще раз изучила следственные материалы, подлежавшие передаче военным трибуналам. К 25 января 1950 г., В.М. Молотов получил доклад комиссии, в котором было указано, что из 2883 военнопленных японцев следует судить только 871 человека. Остальных (2012 японцев), ввиду неубедительности доказательств, планировалось репатриировать в Японию. Комиссия также приняла решение о том, что 1017 японцев из 1690 чел., уже осужденных военными трибуналами на территории СССР, следует освободить из мест заключения, поскольку они совершили незначительные преступления уже во время своего пребывания в лагерях МВД (нарушения лагерного режима, кражи, драки и т.д.)⁴¹⁵.

2 февраля 1950 г., комиссия завершила свою работу. Согласно итоговым данным, от репатриации были освобождены 1578 чел., в число которых входили 1487 чел. военнопленных (среди них 34 генерала), и 91 интернированный японец. Репатриации подлежали 3109 японцев, среди которых насчитывалось 1346 бывших японских военнослужащих (включая 80 генералов) и 1683 гражданских лица, а 971 японский военнопленный ожидали передачи КНР.

Из 1578 чел., освобожденных от репатриации, 895 японцев ожидали суда военных трибуналов. Из них:

- 24 генерала, руководивших разведывательной, контрразведывательной, диверсионной и шпионской деятельностью японских органов и специальных войск;
- 479 рядовых сотрудников жандармерии, военной полиции, разведывательных

⁴¹³ Там же. С. 477

⁴¹⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1388. Л. 30

⁴¹⁵ Там же. Л. 60-61

- и контрразведывательных органов;
- 215 человек входило в командно-преподавательский и курсантский составы специальных разведывательных и диверсионных школ, созданных на территории Маньчжурии;
 - 75 сотрудников «спецотряда № 731»;
 - 71 участник диверсионных и террористических отрядов, действовавших в тылу Красной Армии;
 - 24 руководителя общества «Кё Ва»⁴¹⁶;
 - 7 участников карательных операций против китайского населения⁴¹⁷.

Численность японцев, которые не были освобождены из мест заключения к началу февраля 1950 г., составляла 683 человека. К ним относились:

- 10 генералов, получивших различные сроки наказания по итогам Хабаровского судебного процесса;
- 534 японца, виновных в шпионаже в пользу Японии;
- 67 японцев, совершавших диверсии;
- 27 японцев, участвовавших в террористических актах;
- 8 чел., осужденных за вредительство;
- 3 чел., состоявших в фашистских организациях;
- 31 чел., замеченных в оказании «помощи международной буржуазии»;
- 3 чел., осужденных за бандитизм⁴¹⁸.

К весне 1950 г. из 1487 военнопленных, остававшихся на территории СССР, было осуждено 678 солдат и офицеров (из них 10 генералов) за подготовку бактериологической войны, а задержано 809 военнопленных (24 генерала), занимавшихся диверсионной, шпионской, разведывательной, контрразведывательной деятельностью против СССР и вербовкой агентуры для шпионажа на советской территории.⁴¹⁹ К концу декабря 1950 г., как

⁴¹⁶ «Кё Ва» («Кио-Ва-Кай») — общественная организация, созданная японской военной администрацией в Маньчжурии для упрочения своего военного и политического влияния.

⁴¹⁷ Там же. Л. 64

⁴¹⁸ Там же.

⁴¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1080. Л. 182

докладывал И.В. Сталину министр внутренних дел, на территории Советского Союза находились 19457 осужденных и ожидавших суда военных преступников из числа бывших иностранных военнопленных⁴²⁰. Из этого количества японцы составляли 8%.

К началу апреля 1952 г. в СССР из 10910 иностранных военных преступников насчитывалось 1049 японских военнослужащих: 28 генералов, 366 офицеров, 656 унтер-офицеров и рядовых. Восемь человек ожидали суда⁴²¹. В феврале 1953 г. заместитель начальника УПВИ (в 1950 г. ГУПВИ претерпело сокращения в структуре и штатах и было переименовано в УПВИ) И.С. Денисов докладывал начальнику УПВИ А.З. Кобулову⁴²², что к 1 января 1953 г. на территории СССР оставались только 1050 осужденных военнопленных японцев⁴²³, а пятнадцать из них еще не были осуждены. Часть бывших японских военнослужащих, вероятно, были причислены к категории интернированных, которых теперь насчитывалось 411 чел., из них лишь четверо еще не были осуждены.

Из 1065 военнопленных японцев, находившихся в СССР к началу 1953 г., 928 чел. содержались в лагере МВД № 16, расположенном в Хабаровском крае, 41 чел. — в лагере МВД № 48 (Ивановская область), 23 чел. отбывали заключение в тюрьмах МГБ, 9 чел.— в тюрьмах МВД, 45 чел. находились в лагерях ГУЛАГа, а еще четверо военнопленных находились на излечении в спецгоспиталях⁴²⁴.

В апреле 1953 г. после того, как все военнопленные японцы были осуждены военными трибуналами, функции ГУПВИ были переданы Тюремному отделу МВД, который представил иные данные относительно численности

⁴²⁰ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. 2. Д. 269. Т. 2. Л. 120

⁴²¹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 270. Л. 134-135

⁴²² РГВА. Ф. 1п. Оп. би. Д. 77. Л. 4-5

⁴²³ Данные в докладе И.С. Денисова противоречат друг другу. В нем сообщается о том, что 1 января 1953 г. было осуждено 1052 японца и 13 ожидало суда, в то время как согласно другим данным, представленным далее в докладе, численность осужденных военнопленных японцев составляла 1050 человек, а ожидавших суда — 15. Возможно, это объясняется тем, что в отношении двух человек судебные процессы еще продолжались или были завершены незадолго перед составлением докладной записки.

⁴²⁴ Там же.

содержащихся в Советском Союзе японских военнопленных. 10 сентября 1953 г. И.С. Денисов сообщил руководству министерства внутренних дел о 1446 бывших японских военнослужащих. Большинство осужденных военнопленных отбывали свои сроки заключения в лагере №16 в Хабаровском крае.

Согласно докладной записке министра внутренних дел, адресованной Н.С. Хрущеву, Н.А. Булганину и заместителю министра иностранных дел Н.Т. Федоренко, к 20 ноября 1956 г. на территории СССР оставались 1040 японских подданных, из которых 825 заключенных являлись бывшими военнопленными и 215 чел. — бывшими интернированными⁴²⁵.

3.3. Подготовка и проведение Хабаровского судебного процесса

19 июля 1948 г. С.Н. Круглов доложил В.М. Молотову⁴²⁶ о том, что в результате агентурно-следственных мероприятий, проведенных сотрудниками МВД, были выявлены японцы, работавшие в «противоэпидемическом отряде № 731» — секретном научно-исследовательском подразделении, сотрудники которого разрабатывали бактериологическое оружие, проводили его экспериментальную апробацию и налаживали его серийное изготовление.

Деятельность «противоэпидемического отряда № 731» или «отряда № 731» контролировалась командованием Квантунской армии, хотя сам он в состав Квантунской армии не входил. Начальник штаба Квантунской армии генерала Хикосабуро Хата в своих показаниях указывал, что вопросами, связанными с разработкой и применением бактериологического оружия, занимался 1-й оперативный отдел и медицинское управление Генерального штаба императорской армии Японии. Главное здание, в котором работали сотрудники подразделения, находилось в 20-25 км от крупного маньчжурского города Харбин, в городке Хэйбо (по-китайски — Пинь Фань). Вся территория городка являлась запретной зоной. Штат «отряда № 731» насчитывал примерно три тысячи лабораторных и технических сотрудников⁴²⁷. Около двухсот из них содержались в лагерях МВД. Подразделение имело также филиалы в пяти

⁴²⁵ Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 684

⁴²⁶ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 204. Л. 173-199

⁴²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1079. Л. 214

других городах: Хайлине, Линкоу, Сунь-У, Хайларе и Дайрене⁴²⁸. Филиалы располагались на приграничной с СССР территории.

«Отряд № 731» имел разветвленную структуру, но главным образом состоял из трех отделов: исследовательского (1-го отдела), экспериментального (2-го отдела) и производственного (4-го отдела). Сотрудники 3-го отдела ни производством, ни разработкой бактериологического оружия не занимались и отвечали за водоснабжение и проведение противоэпидемических мероприятий. Исследовательский отдел (1-й отдел) отвечал за создание и отбор наиболее смертоносных бактерий; в экспериментальном отделе (2-м отделе) осуществлялась «апробация» наиболее перспективных средств ведения бактериологической войны; производственный (4-й отдел) занимался разведением бактерий, вакцин, сывороток и их производством в крупных масштабах⁴²⁹. Позднее стало известно о существовании пятого отдела — «учебно-просветительского», который занимался обучением кадров для «правильного» использования бактериологического оружия.

О деятельности этих отделов стало известно из показаний начальника производственного отдела генерал-майора Кавасимы Кийоси⁴³⁰. Он сообщил, что подразделение было строго засекречено и по документам именовалось как «отряд противоэпидемического снабжения водой Квантунской армии». Формально оно занималось не только очисткой воды, но и борьбой с эпидемическими заболеваниями. Деятельность подразделения скрывалась даже от самих японских военнослужащих, и во внутренних документах подразделение называлось «маньчжурским отрядом № 731». Доступ в «отряд № 731» предоставлялся только с разрешения командующего Квантунской армией Отодзо Ямада⁴³¹. В 1945 г., как указывал О. Ямада, «отряд № 731»

⁴²⁸ Там же.

⁴²⁹ Там же.

⁴³⁰ Кавасима Кийоси — генерал-майор, начальник санитарного управления 1 фронта Квантунской армии в г. Муданьцзян и одновременно — начальник производственного отдела «отряда №731». По специальности являлся врачом-бактериологом. В 1936 г. получил научную степень доктора медицины, защитив диссертацию о бактериях псевдотуберкулеза. // ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 204. Л. 180

⁴³¹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 204. Л. 174

возглавлял генерал Исии Сиро, который в момент разоружения японских войск не находился в Маньчжурии.

«Отряд № 731», согласно показаниям К. Кавасимы, имел в своем распоряжении крупную производственную базу по массовому производству разных видов бактериологического оружия. Также были выстроены аэродром, полигон для его испытания, и сформировано специальное авиационное подразделение для его применения.

В 1949 г. стало известно о существовании других секретных подразделений, созданных для аналогичных целей. Самое крупное из них называлось «отряд № 100». В его задачи входило разведение бактерий, предназначенных для заражения скота бактериями сибирской язвы и других смертельных заболеваний. «Отряд № 100» также имел собственные филиалы. Кроме «отряда № 100» на китайской территории и в Маньчжурии действовали и менее крупные подразделения — «Эй» и «Нами»⁴³².

В 1930-е гг. в сферу интересов Японии попала Маньчжурия с ее богатыми запасами полезных ископаемых. Маньчжурия стала не только источником сырья, но и рынком сбыта японских товаров. В конце 1930-х годов конфронтация Советского Союза и Японии усилилась, что привело в итоге к вооруженным конфликтам на реке Халхин-гол и на озере Хасан. К началу войны японские власти для защиты своих интересов разместили на территории Маньчжурии военную группировку (Квантунскую армию), которая планомерно увеличивалась с 1941 г. по 1945 г. «Отряд № 731» и «отряд № 100» были созданы для того, чтобы нанести максимальный вред силам противника.

Советский Союз являлся соперником Японии в борьбе за господство на Дальнем Востоке и не мог не рассматриваться японскими властями в качестве возможного врага. Однако накануне Второй мировой войны в японском правительстве было принято решение начать наступление против американского флота в Тихом океане. Возможность одновременного ведения войны на сухопутном и военно-морском театрах военных действий

⁴³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1079. Л. 214

исключалась японским правительством ввиду ограниченности ресурсов. 13 апреля 1941 г. был заключен пакт о нейтралитете между СССР и Японией сроком на 5 лет, вплоть до 13 апреля 1946 г. Несмотря на это, следует отметить, что возможность одностороннего аннулирования этого договора и последующей военной агрессии со стороны Японии, в случае достижения успехов на тихоокеанском театре военных действий, сохранялась. Создание «отряда № 731» являлось логичным шагом, предпринятым командованием Квантунской армии при разработке плана войны против СССР («Канн Току Эн»). Однако японские генералы стремились это опровергнуть: так, К. Кийоси утверждал, что ни в каких документах конкретно не назывался будущий противник и объект применения бактериологического оружия⁴³³.

Показания об «отряде № 731», полученные от японских генералов, руководство МВД изначально рассматривало как доказательства, полностью изобличившие военное командование Квантунской армии в подготовке к ведению агрессивной наступательной войны против Советского Союза. В конце апреля — в начале мая 1949 г. С.Н. Круглов отправил все имевшиеся у МВД следственные материалы в отношении сотрудников «отряда № 731» министру иностранных дел А.Я. Вышинскому и предложил провести открытый судебный процесс над ними. Министр иностранных дел в мае 1949 г. ознакомился с материалами, присланными ему С.Н. Кругловым и отметил, что их вполне достаточно на проведение открытого судебного процесса. Однако, 20 мая А.Я. Вышинский в своем письме В.М. Молотову сообщил о том, что не считает целесообразным обсуждать этот вопрос более детально до окончания репатриации японских военнопленных, которая должна была завершиться осенью 1949 г.⁴³⁴ В.М. Молотов не посчитал эту причину веской и на сообщении министра иностранных дел поставил резолюцию «вернемся к вопросу в июне-июле»⁴³⁵.

Предложение министра внутренних дел было в конечном итоге одобрено, и

⁴³³ Там же. Л. 198

⁴³⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1387. Л. 1

⁴³⁵ Там же.

17 августа 1949 г. на заседании Политбюро ЦК был утвержден проект обвинительного заключения в отношении японцев, подозреваемых в производстве и применении бактериологического оружия. Утвержденный текст обвинительного заключения они должны были получить 22 декабря.

Судебный процесс в отношении военных преступников из числа японских генералов и высших офицеров должен был стать событием, представлявшим интерес не только для советского общества, но и для мировой общественности. Согласно решению, принятому на заседании Политбюро, полный текст обвинительного заключения к 24 декабря 1949 г. планировалось опубликовать в органах центральной печати, а сокращенный текст — в местных периодических изданиях⁴³⁶.

В конце августа 1949 г. большая часть репатриантов возвратилась в Японию. Уже 5 сентября 1949 г. А.Я. Вышинский дал свое согласие на проведение судебного процесса, заметив, что «вопрос об организации указанного выше процесса следовало бы решить теперь же»⁴³⁷. В ходе обсуждения деталей проведения судебного процесса между руководствами МИД и МВД, было решено, что местом проведения открытого судебного процесса станет г. Хабаровск. Об этом 28 сентября в записке, подписанной С.Н. Кругловым и А.Я. Вышинским, был извещен И.В. Сталин. 30 сентября 1949 г. главы МВД и МИД СССР представили проект постановления Совета Министров, санкционировавшего проведение в Хабаровске открытого судебного процесса. В.М. Молотов, ознакомившись с текстом постановления, внес незначительные поправки, в которых отредактировал некоторые формулировки, заменив их на те, в которых прямо указывалось на то, что обвиняемые не только производили бактериологическое оружие, но и были готовы применить его на советской территории⁴³⁸. После того, как поправки В.М. Молотова были учтены, проект постановления был выслан И.В. Сталину.

Всех двенадцать подсудимых, подозреваемых в разработке планов по

⁴³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1079. Л. 14

⁴³⁷ Там же. Л. 2

⁴³⁸ Там же. Л. 5

применению бактериологического оружия на советской территории, еще до начала самого судебного процесса предполагалось судить согласно статье 1 указа Президиума Верховного Совета СССР № 39 от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников». Статья 1 этого указа гласит: «Установить, что немецкие, итальянские, румынские, венгерские, финские фашистские злодеи, уличенные в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, а также шпионы и изменники родины из числа советских граждан караются смертной казнью через повешение.»⁴³⁹

Указ Президиума Верховного Совета вступил в силу в период, когда войска Вермахта и союзников Германии находились на советской территории и освобождавшие ее советские военнослужащие имели возможность непосредственно наблюдать последствия нацистской оккупации. Показания свидетелей — переживших оккупацию мирных жителей и побывавших в плену красноармейцев — являлись достаточными материалами, позволявшими предать суду нацистских «карателей» и их пособников, попавших в плен к частям Красной Армии. Досудебное следствие, сбор и систематизация показаний фактически не требовались, а количество самих показаний было более чем достаточным, чтобы производить суд на месте. Поэтому 3-й, 4-й и 5-й пункты того же указа разрешали на месте организовывать военно-полевые суды при дивизионных военных трибуналах. Учитывая относительно недавний характер преступлений, военно-полевые суды были скорыми, а приговоры осужденным (смертная казнь через повешенье) приводились в исполнение немедленно, причем «публично, при народе».

Преследование нацистских военных преступников, ответственных не только за совершение, но и за организацию и планирование массовых преступлений

⁴³⁹ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика: Верховный Совет Рос. Федерации, 1993. С. 149

против советских граждан, продолжилось и после войны, поскольку многие немецкие офицеры, руководившие карательными акциями, скрывались под видом простых военнопленных, размещенных в лагерях НКВД-МВД. Сотрудники следственных органов МВД и МГБ продолжали проведение следственных мероприятий по их выявлению среди миллионов бывших военнопленных вражеских армий, оккупировавших советскую территорию в годы Великой Отечественной войны. К 1947-1948 гг. следственные органы МВД, Генеральная прокуратура и министерство юстиции СССР уже располагали достаточным количеством показаний и улик, что позволило предать военных преступников суду.

Проведение открытых судебных процессов над военными преступниками утверждало справедливость и неотвратимость наказания за содеянное. В Советском Союзе действовала Постоянная комиссия по проведению открытых судебных процессов по наиболее важным делам бывших военнопленных германской армии и немецких карательных органов, а также другие комиссии, занимавшиеся организацией и проведением судебных процессов над бывшими военнопленными армий Германии и ее союзников, виновными в истреблении и пытках советских граждан.

Принимая во внимание советскую судебную практику того времени, стоит отметить, что основные и принципиальные выводы в отношении обвиняемых вырабатывались еще до начала самого открытого судебного процесса. Еще на стадии следствия и досудебного расследования доказывалась причастность или непричастность виновных к совершению преступлений, устанавливалась степень их вины. При этом сам открытый судебный процесс являлся в большой степени формализованным, а вынесение обвинительного вердикта в отношении тех, на кого еще на стадии досудебного расследования имелись «компрометирующие материалы», убедительно доказывающие их причастность к военным преступлениям, было предсказуемым. Варьировались лишь сроки наказания подсудимых лиц.

Первая статья указа Президиума Верховного Совета СССР относилась

только к военным преступникам из числа военнослужащих армий европейских стран, являвшихся союзниками нацистской Германии. Следует также отметить, что японские войска за годы Великой Отечественной войны не оккупировали советскую территорию. Соответственно, злодеяний и военных преступлений в отношении советских граждан японские войска на советской территории не совершали. Японские войска присутствовали на советской территории только в годы Гражданской войны в России.

Японские генералы и высшие офицеры, руководившие деятельностью «спецотряда № 731», согласно позиции МВД, являлись военными преступниками. Однако, поскольку фактов военного преступления, совершенного ими на территории СССР, следствием обнаружено не было, в обвинительных материалах против подсудимых на Хабаровском судебном процессе было отмечено, что японское командование намеревалось применить бактериологическое оружие на советской территории.

Документы, подтверждавшие наличие планов по его использованию против советских граждан, обнаружены не были. Однако в 1948 г. из показаний генерал-майора Кийоси Кавасимы и других японских генералов и высших офицеров сотрудникам МВД стали известны подробности о работе экспериментального (2-го) отдела «отряда № 731». Теоретические результаты исследований апробировались не только на животных, но и на живых людях. Они, согласно милитаристической идеологии, являлись людьми «второго сорта». Это обстоятельство позволяло сотрудникам «отряда № 731» игнорировать нравственные нормы. К. Кавасима свидетельствовал о том, что ежегодно в «отряд № 731» поступало 500-600 чел.⁴⁴⁰

В качестве «экспериментального материала» выступали не только китайцы, но и русские — выходцы из эмигрантской среды, советские граждане, сбежавшие из СССР или захваченные в плен в ходе приграничных конфликтов. Сотрудниками японских контрразведывательных органов и органов военной полиции советские граждане расценивались как шпионы и подвергались

⁴⁴⁰ Документ № 10. Докладная записка Сталину И.В. 23 апреля 1949 г. // Родина. № 9. 2010. С. 77

интенсивным допросам со стороны представителей японских спецслужб в Маньчжурии. В случае отказа от сотрудничества они подвергались пыткам и издевательствам. Начальник одного из жандармских отрядов признался в том, что они переводились в «отряд № 731» в качестве «подопытного материала», чтобы скрыть следы пыток. Формальной причиной их перевода являлось то, что пленные якобы были больны и нуждались в изоляции⁴⁴¹.

Один из допрошенных японских офицеров свидетельствовал, что «особой отпавке» в «отряд № 731» каждый месяц подвергались не менее 150-180 чел., 20 чел. из которых поступали из лагеря «Хогоин», в котором содержались советские граждане, задержанные сотрудниками японских полицейских органов⁴⁴². Начальник этого лагеря, майор Иидзима, был также допрошен сотрудниками МВД и свидетельствовал применение пыток в отношении советских граждан. Аналогичные показания были даны японскими офицерами, уже осужденными за насилие и применение пыток в отношении советских граждан на срок от 15 до 20 лет лагерного заключения в ходе закрытых заседаний военного трибунала Хабаровского военного округа в апреле 1948 г.⁴⁴³.

В задачи 2-го отдела «отряда № 731» входила не только экспериментальная апробация «перспективных» исследований в области разработки бактериологического оружия. Отдел разрабатывал и новые средства ведения бактериологической войны, которые также проходили испытания в условиях, максимально приближенных к реальной обстановке.

Все исследовательские изыскания проводились под непосредственным контролем со стороны генерал-лейтенанта Сиро Исии, который возглавлял «спецотряд № 731». В 1939 г. И. Сиро сообщил на совещании сотрудникам «спецотряда № 731», что его деятельность была одобрена генеральным штабом императорской армии Японии. И. Сиро лично разработал новый способ применения бактериологического оружия посредством сброса бомб,

⁴⁴¹ Указ. соч. С. 76

⁴⁴² ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 204. Л. 176

⁴⁴³ Там же.

начиненных блохами, зараженными чумой. Этот способ получил название «бомбы Исии». В 1940 г. он лично возглавил экспедицию «спецотряда № 731» в Китай, где они испытывали различные средства распространения бактериологического оружия, жертвами которых стали тысячи человек⁴⁴⁴. «Бомбы Исии» начинялись бактериями чумы, холеры, сапа, тифа, дизентерии и кровоточащей инфекционной лихорадки Сонго.

В 1941 г. произошло испытание этих «перспективных» способов ведения войны в условиях, максимально приближенных к реальности. В маньчжурском городке Нимбо была зафиксирована вспышка чумы. Этот факт попал на страницы одного из журналов по медицинской тематике, издававшегося в Маньчжурии в 1941 г. В статье был отмечен необычный, подозрительный характер проявления заражения местного населения, поскольку чума обычно распространялась через грызунов, а их скоплений в этом районе не отмечалось. К. Кавасима в своих показаниях рассказывал о том, что вспышка чумы произошла вследствие намеренного заражения, переносчиком которой стали зараженные чумой блохи, выращенные в лабораториях отряда и выпущенные около городка⁴⁴⁵. Генерал-майор К. Кавасима также свидетельствовал о том, что зараженные чумой блохи в керамических бомбах сбрасывались с самолетов год спустя на город Чандэ (Центральный Китай), который являлся важным коммуникационным пунктом китайских отрядов, действовавших против японских экспедиционных войск.

В начале июня 1942 г., как отмечал К. Кавасима, И. Сиро созвал секретное совещание, на котором присутствовали все начальники отделов. На совещании они были извещены о том, что главнокомандующий Квантунской армии (тогда ее возглавлял Умедзу Иосидзиро) приказал применить бактериологическое оружие вблизи железнодорожной станции Чжэган (Центральный Китай). В сентябре 1942 г. в ходе специально организованной «экспедиции» сотрудников «отряда № 731» заражению подверглись множество источников воды.⁴⁴⁶ Из-за

⁴⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1079. Л. 217-228

⁴⁴⁵ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 204. Л. 17

⁴⁴⁶ Там же.

деятельности отряда погибли в общей сложности порядка трех тысяч человек.

Из показаний японских генералов следовало, что «отряд № 731» располагал значительной материальной базой: инструментами, инвентарем, оборудованием, помещениями для осуществления своих изысканий. Молниеносное наступление Красной Армии вынудило командование Квантунской армии спешно эвакуировать сотрудников «спецотряда № 731» в Южную Корею и 20 августа 1945 г. уничтожить все улики, документацию и даже сами здания лабораторий и прилежавшие к ним постройки, а также тюрьму, в которой содержались порядка 500 заключенных-«подопытных»⁴⁴⁷. Генерал-лейтенант медицинской службы Кадзицу Рюдзи заявил в ходе допроса о том, что именно главнокомандующий Квантунской армией О. Ямада отдал приказ об уничтожении здания «спецотряда № 731» и эвакуации всех его сотрудников.⁴⁴⁸

Для подтверждения наличия лабораторных комплексов, о которых свидетельствовали японцы, 14 февраля 1947 г. в качестве свидетеля был допрошен начальник Забайкальско-Амурского военного округа генерал-лейтенант Троценко, в то время являвшийся командиром частей Красной Армии, наступавших в районе г. Ванемья⁴⁴⁹. Он рассказал, что в августе 1945 г. на юго-западной окраине этого города было обнаружено полусгоревшее здание — предположительно, один из лабораторных комплексов. При этом других сгоревших или полусгоревших зданий в округе замечено не было. Здание имело 5 комнат, похожих на больничные палаты, уборную, душевую, клиническую лабораторию и телефонную станцию, хорошо оснащенные операционную и предоперационную палаты, склад лабораторного и научного оборудования и больших размеров моечную комнату для лабораторной посуды. Здание имело второй этаж, который почти полностью сгорел. Генерал-лейтенант Троценко предположил, что, судя по обуглившейся посуде, на втором этаже

⁴⁴⁷ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 234. Л. 372-376а

⁴⁴⁸ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 204. Л. 177

⁴⁴⁹ Документ № 10. Докладная записка Сталину И.В. 23 апреля 1949 г. // Родина. №10. М., 2010 г. С. 77

располагалась крупная лаборатория. В шкафах и сейфах, найденных в здании, документов обнаружено не было.

На расстоянии 15 метров с западной и восточной сторон здания были обнаружены аптека и деревянные склады, в которых хранилась разнообразная посуда для химических опытов. В 2-3 метрах от здания была обнаружена разбитая посуда с ярко выраженными питательными бактериальными культурами. Позднее именно в районе г. Ванемяо были отмечены вспышки чумы, хотя за последние десять лет случаи заражения в этом районе зафиксированы не были. Вспышка чумы, по мнению генерал-лейтенанта Троценко, могла появиться из-за выпущенных из лаборатории крыс и мышей, зараженных чумой, а также из-за того, что использовавшуюся для опытов посуду, разбросанную около здания, подбирали китайцы, проживавшие поблизости. Чумой заболели члены семей, живших недалеко от бывшей лаборатории⁴⁵⁰.

Факты, о которых упоминал генерал-лейтенантом Троценко, подтверждаются и некоторыми документами, изданными в серии «Русский архив: Великая Отечественная». 19 сентября 1945 г. штаб Забайкальского фронта издал приказ, в котором, в связи с появлениями очагов заболеваний, «подозрительных на чуму», всем советским воинским частям было предписано удалиться из города не менее чем на 10 км., выполнить дезинфекцию обмундирования и изолировать больных, страдавших лихорадкой. Въезд и выезд из города был запрещен, а общение с местным населением было прекращено. Также командующий войсками Забайкальского фронта приказал организовать изолятор и стационар для больных и уничтожить грызунов в очаге заболеваемости в радиусе пяти километров⁴⁵¹.

Показания японских генералов и генерал-лейтенанта Троценко, по мнению руководства МВД, являлись достаточными доказательствами для проведения судебного процесса над руководителями «спецотряда №731». 8 октября 1949 г.

⁴⁵⁰ Там же. С. 78.

⁴⁵¹ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18 (7-2). С. 167

на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) был утвержден проект постановления Совета Министров об организации в Хабаровске открытого судебного процесса над японскими военными преступниками, а постановлению был присвоен номер 4284-1783сс.

Согласно вступившему в силу постановлению Совета Министров организация и проведение открытого процесса были возложены на три ведомства: министерство внутренних дел (С.Н. Круглов), министерство юстиции (К.П. Горшенин), Генеральную прокуратуру СССР (Г.П. Сафонов). Итоги и результаты Хабаровского судебного процесса, по решению правительства, надлежало опубликовать и в местной, и в центральной печати Советского Союза.

Состав судейской коллегии и представителей от обвинения был закреплен в постановлении Совета Министров от 8 октября 1949 г. Он состоял как из представителей военного трибунала (МВС), так и из представителей Генеральной прокуратуры СССР, которые уже получили опыт работы в ходе работы Международного военного трибунала для Дальнего Востока в Токио и участвовали в других открытых судебных процессах, на которых были осуждены иностранные военнопленные. Обвинение представлял государственный советник юстиции 3-го класса Л.Н. Смирнов. Председателем судейской коллегии спустя некоторое время был назначен генерал-майор юстиции Д.Д. Чертков, член военной коллегии Вооруженных Сил СССР. Защиту подсудимых представляли члены Московской коллегии адвокатов, также уже имевшие опыт проведения открытых судебных процессов⁴⁵².

Хабаровский открытый судебный процесс являлся скорее формальным мероприятием, нежели реальным судебным разбирательством. Он не являлся исключением из ряда открытых судебных процессов, на которых были осуждены военнопленные немцы и другие иностранные военнослужащие, обвинявшиеся в совершении военных преступлений. В постановлении Совета Министров от 8 октября 1949 г. в директивном порядке были определены даты

⁴⁵² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1078. Л. 434

начала (17 декабря) и окончания судебного процесса (25 декабря). Вид и примерный срок наказания также были определены в 3-м пункте того же постановления. Десятерых подсудимых предполагалось осудить на срок от 10 до 25 лет исправительно-трудовых лагерей в зависимости от степени виновности каждого, а двух других японских офицеров — на срок от 1 до 3 лет.⁴⁵³ Проект обвинительного приговора предписывалось составить заранее, его составление было возложено на комиссию по подготовке и проведению Хабаровского судебного процесса.

14 октября 1949 г. министр внутренних дел разослал подчиненным распоряжение № 632, в котором приказал завершить все подготовительные мероприятия к 15 ноября⁴⁵⁴. Ответственным за организацию и подготовку судебного процесса был назначен начальник УМВД по Хабаровскому краю генерал-майор В.С. Царев. Для оказания помощи в подготовке судебного процесса из Москвы была выслана группа оперативных сотрудников МВД.

22 ноября 1949 г. в своей докладной записке, высланной В.М. Молотову, К.П. Горшенин, Г.Н. Сафонов и С.Н. Круглов отметили, что следствие было завершено только в отношении девяти обвиняемых. Десятым обвиняемым должен был стать главнокомандующий Квантунской армии генерал О. Ямада, который отрицал свою причастность к деятельности «спецотряда № 731» и «отряда № 100». Однако в конечном итоге он вынужден был признаться в том, что он отдавал приказы о создании «отрядов»⁴⁵⁵. О. Ямада обвинялся по той же статье, что и другие обвиняемые. Судебный процесс, на котором он должен был быть осужден, К.П. Горшенин, Г.Н. Сафонов и С.Н. Круглов предложили начать раньше — 7 декабря 1949 г., и завершить не позднее 14 декабря. Причина, по которой главнокомандующего Квантунской армией предполагалось судить отдельно от других обвиняемых, неясна. В конечном итоге это предложение реализовано не было, и О. Ямада был включен в список подсудимых на Хабаровском судебном процессе.

⁴⁵³ Там же.

⁴⁵⁴ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 335. Л. 123

⁴⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1387. Л. 11

3 декабря 1949 г. И.В. Сталину был представлен вариант проекта обвинительного заключения⁴⁵⁶ в отношении десяти подсудимых. Они обвинялись не только в руководстве деятельностью «спецотряда № 731» и «отряда № 100» (изготовление и применение биологического оружия), но и в подготовке в Маньчжурии плацдарма для организации наступательной войны против Советского Союза. Доказательства, представленные в проекте обвинительного заключения, только частично основывались на показаниях свидетелей и были составлены из информации, полученной от самих обвиняемых, причем восемь человек из десяти (О. Ямада, К. Кавасима, Т. Такахаси, Т. Карасава, М. Оноуэ, Т. Ниси, Д. Хирадзакура, К. Митомо), как следует из текста обвинительного заключения, признали свою вину полностью, а С. Сато и Ф. Кодзицука признали себя частично виновными⁴⁵⁷. 9 декабря окончательный вариант проекта обвинительного заключения был согласован с В.М. Молотовым, В.С. Абакумовым и заместителем министра внутренних дел А.А. Громыко. Список обвиняемых был расширен до двенадцати человек. Обвинительное заключение предполагалось вручить обвиняемым 13 декабря 1949 г. Подготовка к проведению судебного процесса затянулась, и судебный процесс был начат только 25 декабря и завершён 30 декабря, а его итоги были опубликованы в «Известиях» 1 января 1950 г.

Следственные органы МВД в 1948-1949 гг. располагали делами еще примерно на 200 японских военнослужащих, которые являлись рядовыми сотрудниками или занимали невысокие руководящие должности в структуре «отрядов» № 731 и № 100 в звании рядовых и офицеров. 2 февраля 1950 г. С.Н. Круглов, Г.Н. Сафонов, К.П. Горшенин, В.С. Абакумов и А.Я. Вышинский доложили В.М. Молотову о 75 рядовых сотрудниках «спецотряда № 731», остававшихся в лагерях МВД.⁴⁵⁸

Судебные дела рядовых сотрудников «спецотрядов» подлежали рассмотрению на закрытых заседаниях военных трибуналов. Разницу между

⁴⁵⁶ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 204. Л. 276

⁴⁵⁷ Там же. Л. 297

⁴⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1387. Л. 64

открытым судебным процессом в Хабаровске и закрытыми заседаниями военных трибуналов, несмотря на общую причину их проведения, В.М. Молотов подчеркивал еще на стадии утверждения проекта постановления Совета Министров о проведении в Хабаровске судебного процесса. Открытый судебный процесс в отношении японских генералов, как ожидалось, должен был стать для мировой общественности примечательным событием. Наказание военных преступников, ответственных за подготовку бактериологической войны против СССР, являлось логическим завершением событий на Дальнем Востоке — в Маньчжурии, на Сахалине и Курильских островах. Таким образом окончательно закреплялся статус Советского Союза не только как державы-победительницы, избавившей Европу от Третьего Рейха и ужасов нацизма, но и как страны, избавившей угнетенные народы Дальнего Востока от японского милитаризма.

В начале 1950 г. Политбюро ЦК ВКП(б) провело еще одно совещание, на котором были определены способы популяризации итогов процесса для того, чтобы как можно большее число и советских, и иностранных граждан узнали о результатах Хабаровского открытого судебного процесса. 28 января 1950 г. Государственное издательство политической литературы («Госполитиздат») получило указание от Политбюро ЦК ВКП(б) о подготовке к изданию материалов судебного процесса в виде отдельной брошюры, а Государственному издательству иностранной литературы («Иноиздату») было поручено издать брошюру с аналогичным содержанием на китайском, корейском, английском, французском и немецком языках, обеспечив при этом высокое качество перевода⁴⁵⁹.

31 марта 1950 г. А.Я. Вышинскому, по поручению В.М. Молотова, был прислан экземпляр специального издания под названием «Сборник материалов судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии»,⁴⁶⁰ посвященного Хабаровскому судебному процессу. А.Я. Вышинский,

⁴⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1079. Л. 79

⁴⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1387. Л. 33

ознакомившись с изданием, выслал В.М. Молотову свои замечания относительно сборника. Из них следовало, что в ходе следственных мероприятий были допущены процессуальные нарушения, на первый взгляд незначительные. Они были вызваны незнанием подсудимыми русского языка и необходимостью изъясняться с помощью переводчика. В издании, как заметил А.Я. Вышинский, было отмечено, что одни протоколы допроса обвиняемых, состоявшегося в ходе Хабаровского процесса, были прочитаны обвиняемым «на понятном японском языке», в других местах в издании упоминалось, что протоколы написаны «на японском языке», а иногда и вовсе отсутствовали упоминания о том, прочитаны ли были протоколы обвиняемым. Министр иностранных дел предложил исключить всякие детали относительно того, как именно были прочитаны протоколы допросов подсудимым и стилистически унифицировать все фразы об этом.⁴⁶¹ Наконец, А.Я. Вышинский отметил, что не во всех протоколах было указано, что переводчик был осведомлен об ответственности за заведомо ложный перевод протоколов, и попросил это исправить.

В июне 1950 г. Государственным издательством иностранной литературы это издание было выпущено на английском языке под названием «Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия⁴⁶²». Об этом было сообщено В.М. Молотову 13 июня 1950 г. На полях сообщения В.М. Молотов отметил: «Надо, чтобы наша печать (и заграничная) популяризировала это издание — против воинствующих поджигателей войны — бактериологов и т.д.»⁴⁶³

Поручения В.М. Молотова о популяризации результатов Хабаровского судебного процесса посредством распространения книги и других материалов были выполнены к октябрю 1950 г., о чем 18 октября отчитался В.Г. Григорьян,

⁴⁶¹ Там же.

⁴⁶² «Materials on the trial of former servicemen of the Japanese army charged with manufacturing and employing bacteriological weapons»

⁴⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 422. Л. 109 об.

председатель внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б)⁴⁶⁴. Всесоюзным объединением «Международная книга» было отправлено 8,9 тыс. экземпляров книги на немецком языке, 3 тыс. — на французском, 12 тыс. — на английском, 72 тыс. — на корейском и 74 тыс. — на японском языке⁴⁶⁵. Кроме этого Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей (ВОКСом) было выслано обществам дружбы и культурной связи с СССР в разных странах 5 тыс. экземпляров книги, а в 53 страны на 5 языках направлены подготовленные А.Н. Трайниным⁴⁶⁶ материалы для докладов и лекций по этому поводу. Через Совинформбюро книга была выслана в 38 стран и были опубликованы 28 статей о ней, из которых две были напечатаны в США, а 9 — в Китае⁴⁶⁷. В советской печати рецензии на книгу были опубликованы во всех центральных печатных изданиях.

Об итогах Хабаровского судебного процесса были извещены правительства США, Великобритании и Китая через официальную ноту советского правительства. В ней были перечислены ключевые факты, относившиеся к деятельности «спецотряда № 731» и «отряда № 100», свидетельствовавшие о существовании у японцев организационной и материальной базы для изучения перспективных видов ведения бактериологической войны и развертывания производства бактериологического оружия в промышленных масштабах, а также о многочисленных жертвах «научных изысканий», проводимых сотрудниками этих «отрядов». Советское правительство, опираясь на эти факты, а также на Женевский протокол от 25 июня 1925 г., просило арестовать и организовать специальный международный суд над С. Исии и другими лицами, успевшими скрыться в Японии. Однако реакции Государственного департамента США на эти предложения советского правительства не последовало.

Вопрос о том, насколько правомерно было проведение Хабаровского

⁴⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1387. Л. 62

⁴⁶⁵ Там же.

⁴⁶⁶ Трайнин Арон Наумович — советский юрист, внесший значительный вклад в развитие уголовного права в СССР. Являлся консультантом советского обвинения на Нюрнбергском судебном процессе.

⁴⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1387. Л. 62

судебного процесса, в настоящее время является дискуссионным. В историографии недостаточно, как представляется, исследован вопрос о том, являлись ли легитимными с точки зрения международного права судебные процессы, состоявшиеся в СССР и США, на которых были осуждены японские военнослужащие.

Согласно уставу Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 19 января 1946 г. наказание за преступления, совершенные осужденными в СССР иностранными военнопленными, предусмотрено в статье 5 раздела II: «а) преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение объявленной или необъявленной агрессивной войны или войны, нарушающей международное право, договоры, соглашения или заверения, или же участие в совместном плане или заговоре в целях осуществления любого из вышеупомянутых действий; б) военные преступления, предусмотренные конвенциями, а именно: преступления против законов и обычаев войны; с) Преступления против человечности, а именно: убийство, истребление, порабощение, ссылка (deportation), а также другие бесчеловечные акты, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим или расовым мотивам, которые были произведены при совершении любого преступления или в связи с любым преступлением, подсудным Трибуналу, независимо от того, нарушало или нет такое действие внутренние законы той страны, где оно совершалось.⁴⁶⁸»

Согласно специальной прокламации, учреждавшей Международный военный трибунал для Дальнего Востока, изданной главнокомандующим союзными войсками в Японии Д. Макартуром 19 января 1946 г.⁴⁶⁹ (а он, согласно решениям, принятым на Московской конференции от 26 декабря 1945 г., получил возможность издавать приказы, которые содействовали выполнению Японией условий капитуляции), решения, принятые Международным военным

⁴⁶⁸ "Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока" (Вместе со "Специальной прокламацией, учреждающей Международный военный трибунал для Дальнего Востока"). // КонсультантПлюс. Дата сохранения: 04.09.2014. <www.consultant.ru>

⁴⁶⁹ КонсультантПлюс. Дата сохранения: 04.09.2014.

трибуналом для Дальнего Востока не противоречили приговорам, вынесенным другим судом, проходившим в любой из стран ООН: «Статья 3. Ничто в данном приказе не должно наносить ущерб юрисдикции любого другого международного, национального или оккупационного суда, комиссии или прочего трибунала, созданного или подлежащего созданию в Японии или на любой территории какой-либо из Объединенных Наций, с которой Япония находилась в состоянии войны, для суда над военными преступниками.⁴⁷⁰»

Проведение Хабаровского судебного процесса не противоречило действовавшим на тот момент положениям международного права. Игнорирование американской стороной предложений о преследовании в судебном порядке военных преступников (таких как И. Сиро) объяснялось политическими интересами США.

Советское руководство рассчитывало также предать суду японского императора Хирохито. К. Кавасима свидетельствовал, что «спецотряд № 731» был создан по высочайшему указу императора Японии⁴⁷¹. Предполагалось, что японские военнопленные, участвовавшие в «демократическом движении», будут требовать суда над императором, который, наряду с членами японского правительства, был ответственен за насаждение милитаризма в Японии. Однако немногие японские военнослужащие в действительности высказывали подобные требования. Даже среди японцев, положительно относившихся к деятельности «демократического движения», сохранялось особое отношение к фигуре императора. Восприятие Хирохито как сакральной фигуры было характерно практически для всех военнопленных японцев, вне зависимости от звания, должности или социального положения. Заместитель начальника 7-го отдела ГПУ ВС М.И. Бурцев в донесении в ЦК ВКП(б) М.А. Суслову от 6 мая 1946 г. вынужден был отметить, что в среде японских военнослужащих «действует привычка не касаться этой так называемой области национальной веры»⁴⁷².

⁴⁷⁰ КонсультантПлюс. Дата сохранения: 04.09.2014.

⁴⁷¹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп 2. Д. 204. Л. 180

⁴⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 212. Л. 5

Выводы

Среди японских военнослужащих, разоруженных в августе 1945 г. в лагерях НКВД (МВД) были размещены как «демократически настроенные» военнопленные, так и военные преступники, милитаристы и реваншисты. ГПУ ВС и Политотдел МВД СССР оказывали материальную и организационную поддержку «демократически настроенным» японцам. Военные преступники, милитаристы и реваншисты пытались затеряться среди других японских военнопленных.

Перед министерством внутренних дел СССР стояла задача выявить бывших японских солдат и офицеров, которые занимались шпионской и разведывательно-диверсионной деятельностью или пытали китайцев и советских граждан. К февралю 1950 г. был установлен список военнопленных японцев, которые, согласно данным, имевшимся у руководства МВД, должны были понести наказание. С 1946 г. по 1953 г. все военные преступники были осуждены военными трибуналами, созданными при военных округах Советского Союза.

Судебные заседания военных трибуналов являлись закрытыми, в то время как о результатах Хабаровского судебного процесса, на котором были осуждены японские военнослужащие, ответственные за разработку и испытание бактериологического оружия, были изданы статьи и книги на иностранных языках. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., на основании которого были осуждены бывшие японские военнослужащие в ходе Хабаровского судебного процесса, не соответствовал, как представляется, составу преступления. Не исключено и то, что часть приговоров японским военнопленным, которые были вынесены военными трибуналами, являлись несправедливыми: во второй половине 1990-х гг. часть осужденных японцев была реабилитирована Генеральной военной прокуратурой РФ.

Политическая работа, проводимая среди японских военнослужащих, была направлена на поддержку и развитие антимилитаристов, придерживавшихся

коммунистических взглядов и лояльно относившихся к Советскому Союзу. К началу репатриации 1949 г. из них была сформирована общественная группа, которая содействовала укреплению советско-японских отношений. При этом «демократически настроенные» японцы выступали против деятельности американских оккупационных сил в Японии, в которой развернулась политическая борьба между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции — СССР и США.

Однако офицеры ГПУ ВС и сотрудники Политотдела ГУПВИ при организации политической работы в лагерях для военнопленных японцев не учитывали некоторые особенности их менталитета. Попытки подорвать авторитет императора Хирохито, объявить его военным преступником и ликвидировать религиозную сторону жизни военнослужащих японцев вызывали у них отторжение. Сохранение в среде военнопленных военной иерархической системы до конца 1947 г. способствовало появлению вражды между реваншистами и «демократически настроенными» японскими военнопленными.

Судебное преследование японских военных преступников не позволило американским властям использовать их против СССР. Сведения о том, что американские власти предпринимают шаги для воссоздания японских вооруженных сил, начали поступать в МИД СССР в сентябре 1948 г. Несмотря на то, что коммунистическое движение не получило большого распространения в Японии, даже спустя десятилетия сохранялось недоверие между военнопленными японцами, разделявшими «реакционные» убеждения, и бывшими военнослужащими, не отказавшимися от своих «демократических» взглядов. Оно проявлялось не только среди репатриантов, но и даже в среде японских военных преступников, содержащихся в лагере № 16.

Глава 4.

Репатриация японских военнопленных

Возвращение на родину бывших японских военнослужащих, поступивших в распоряжение Красной Армии в августе 1945 г., заняло продолжительный период времени с ноября 1946 г. по декабрь 1956 г. Репатриация военнопленных японцев являлась завершением их пребывания на территории СССР. Осуществление репатриации являлось трудоемкой и ответственной задачей, требовавшей координации усилий пяти ведомств: министерства внутренних дел, министерства иностранных дел, министерства вооруженных сил, министерства транспорта СССР, а также Управления Уполномоченного при Совете Министров СССР по делам репатриации. В данной главе последовательно рассматривается ее организация, численность и состав репатриантов, а также исследуется вопрос о том, каким образом репатриация японских военнопленных влияла на внешнеполитические отношения СССР с США и Японией.

4.1. Организация репатриационного процесса японских военнопленных

Первая репатриация японских военнопленных была начата в октябре 1946 г. и продолжалась до начала апреля 1947 г. Отправка на родину японских военнопленных, вывезенных из лагерей МВД, согласно Постановлению Совета Министров № 2235-921с, была возложена на Уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации генерал-полковника Ф.И. Голикова⁴⁷³. Н.И. Булганину, первому заместителю министра вооруженных сил СССР, было поручено построить четыре лагеря для временного содержания репатриантов при Дальневосточном, Приморском, Забайкало-Амурском и Восточно-Сибирском военных округах, каждый из которых должен был вмещать до 6 тыс. человек. Ответственным за содержание и материальное снабжение военнопленных японцев был назначен начальник тыла вооруженных сил СССР А.В. Хрулев, а за обеспечение репатриантов транспортными средствами

⁴⁷³ Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 390

отвечали министерства морского флота, путей сообщения и Центральное управление военных сообщений. Для репатриации бывших японских военнослужащих в октябре 1946 г. было подготовлено два порта — один в Находке, другой — в Маоке (Сахалин).

24 октября 1946 г. К.Д. Голубев, временно исполнявший обязанности Уполномоченного Совета Министров СССР, в своем докладе Н.А. Булганину отчитался о том, как продвигается строительство лагерей для временного содержания репатриантов⁴⁷⁴. Ни один из четырех лагерей (двух сборных и двух транзитных) не был полностью готов к приему японцев, при этом в Приморском военном округе строительство помещений даже не было начато. Для выполнения указаний Совета Министров военным советам всех округов было разрешено использовать любые помещения лагерного типа, к каким бы ведомствам они не относились. Спешное возведение жилых помещений для приема репатриантов привело к тому, что вплоть до февраля 1948 г. они проживали в летних палатках или в плохо утепленных бараках, без электроэнергии и топлива⁴⁷⁵.

К середине ноября 1946 г. транзитные и сборные лагеря начали прием репатриантов, к которым, помимо военнопленных относились и японцы, проживавшие в Маньчжурии, в Северной Корее и на Сахалине.

Продовольственное снабжение репатриантов осуществлялось за счет управлений тылами армий, входивших в состав войск военных округов. А.В. Хрулев 15 октября 1946 г. потребовал от своих подчиненных обеспечить все транзитные и сборные лагеря двухмесячным запасом питания и неснижаемым запасом 2-3 тыс. комплектов одежды и обуви⁴⁷⁶. Приказ начальника тыла вооруженных сил СССР не был выполнен даже к середине февраля 1947 г., в результате чего в транзитных лагерях была зафиксирована нехватка обмундирования и продовольствия. Согласно приказу командующего

⁴⁷⁴ Там же. С. 393

⁴⁷⁵ Там же. С. 435, 437-438

⁴⁷⁶ Там же. С. 416

войсками Приморского военного округа К.А. Мерецкова от 12 ноября 1946 г.⁴⁷⁷, только бывшим японским военнослужащим полагалось двухразовое горячее питание и трофейное обмундирование. Японцы, не являвшиеся военнопленными, могли рассчитывать только на собственные сбережения и запасы.

Согласно поручению Бюро Совета Министров от 26 ноября 1946 г. питание репатриантов производилось за счет сил и средств Управления тыла министерства вооруженных сил СССР. Все подлежащие репатриации японцы (из числа гражданских лиц и военнопленных) обеспечивались продовольствием согласно норме № 3, закрепленной в приказе НКО № 312, принятом в 1941 г.⁴⁷⁸ В 1947 г. снабжение репатриантов предполагалось произвести за счет закупленных товаров, предусмотренных Госпланом на 1947 г. Однако министерство внешней торговли СССР не имело возможностей для закупки продовольствия в Маньчжурии. За продовольственное снабжение репатриантов до 1950 г. отвечали тыловые управления советских войск Приморского военного округа.

Перед погрузкой на корабли, предоставляемые США, репатрианты в обязательном порядке прививались, а их одежда и личные вещи подвергалась санитарной обработке и дезинфекции. Для обслуживания амбулаторий и лазаретов в сборных и транзитных лагерях в случае нехватки привлекались японские врачи и медицинский персонал из числа репатриантов. Медицинское обслуживание репатрируемых осуществлялось за счет средств Главного военно-санитарного управления МВС СССР, в распоряжении которого имелись не только лагерные лазареты, но и спецгоспитали, закрепленные за Приморским военным округом.

За физическое состояние бывших японских военнослужащих во время пути в транзитные или сборные лагеря несли ответственность начальники УМВД, начальники лагерей и их заместители. 11 октября 1946 г. С.Н. Круглов в

⁴⁷⁷ Там же. С. 395

⁴⁷⁸ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 48а. Д. 3879. Л. 10

соответствии с постановлением Совета Министров № 2235-921с поручил обеспечить репатрируемых медикаментами, инвентарем, посудой, пригодными к носке обувью и обмундированием, водой, а также запасом продовольствия, достаточного для их питания во время пути и в течение недели их пребывания в транзитных или сборных лагерях ⁴⁷⁹. Заместителям начальников лагерей, из которых поступали репатрианты, согласно приказу министра внутренних дел № 00916 от 11 октября 1946 г., было приказано сопровождать эшелоны для обеспечения порядка, организации питания, медицинского и санитарного обслуживания военнопленных японцев. Ответственной за репатриацию была назначена комиссия в составе начальника ГУПВИ М.С. Кривенко, начальника ГУВС Я.Ф. Горностаева, начальника санитарного отдела ГУПВИ М.Я. Зетилова и начальника отдела железнодорожных и водных перевозок МВД СССР Д.В. Аркадьева. Возглавлял комиссию заместитель министра внутренних дел В.В. Чернышов.

С 1947 г. после вступления в силу постановлений Совета Министров, относившихся к репатриации, С.Н. Круглов издавал приказы, в которых указывался порядок и условия отправки военнопленных японцев, план их вывоза из лагерей, количество и критерии отбора репатриантов. Содержание приказов министра внутренних дел, относившихся к репатриации японцев, не являлось уникальным по сравнению с содержанием приказов о репатриации военнопленных западных армий (немцев, венгров, итальянцев, австрийцев и других). Начиная с 1947 г. по 1950 г. они составлялись по единому принципу, и указания МВД относительно проведения репатриации не менялись за исключением тех, которые относились к критериям отбора репатриантов, составу, численности и срокам проведения репатриации.

С 1947 г. отбор подлежащих репатриации японцев производился комиссиями в составе начальников лагерей, из которых вывозились репатрианты, их заместителей, врачей и оперативных сотрудников. Они руководствовались критериями отбора военнопленных, подлежащих репатриации, которые

⁴⁷⁹ Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 391-392

определялись в приказах министра внутренних дел. Те же, в свою очередь, обновлялись и детализировались из года в год. Особенно это касалось тех военнопленных, которые подозревались в совершении военных преступлений. Репатриантов, заболевавших по пути следования в репатриационный лагерь, предписывалось с эшелона снимать и направлять в ближайший спецгоспиталь. Репатриация не касалась тех военнопленных, кто еще работал на важных стройках и предприятиях страны, имевших большое значение для экономики регионов.

Со стороны министерства внутренних дел с 1947 г. на местах был обеспечен контроль над условиями транспортировки военнопленных до прибытия в транзитные лагеря. Большая кучность размещения репатрируемых, неудовлетворительные санитарные условия в эшелонах, отсутствие медикаментов, нехватка медперсонала и нерегулярное питание могли стать причиной распространения болезней, привести к ухудшению здоровья репатрируемых. Все это могло сорвать репатриацию. Поэтому в первую очередь министр внутренних дел в своих приказах предписывал своим подчиненным контролировать условия перевозки военнопленных. Они должны были следить за тем, чтобы репатрианты были обеспечены одеждой и обувью по сезону, питанием, медикаментами и медицинским персоналом, а также постельным бельем и кухонной утварью. Перевозить военнопленных в вагонах, оборудованных не для пассажирских перевозок, строго запрещалось.

Начиная с весны 1947 г. общий контроль за ходом репатриации был возложен на руководство ГУПВИ. С 1948 г. контроль над материальным обеспечением репатрируемых был возложен на начальников УНКВД по краю и области, являвшихся председателями комиссий, в которые, кроме них, входили также представители краевых и областных отделов управлений военного снабжения и отделов по делам военнопленных и интернированных. Комиссии должны были не только следить за выполнением указаний министра внутренних дел, но и оказывать конкретную материальную или организационную помощь в случае необходимости.

Особое внимание было уделено составлению учетной документации. С началом репатриации в 1947 г. С.И. Круглов предписал заносить в акты всю информацию о материальном состоянии вагонов, получении и расходовании имущества, инвентаря, оборудования, медикаментов, продуктов питания, тщательно фиксировать количество тяжело заболевших в пути и отправленных в спецгоспитали военнопленных японцев. В 1948 г. министр потребовал от ГУПВИ внимательно инспектировать эшелоны с репатриантами и в обязательном порядке составлять акты о состоянии отправленных эшелонов в строгом соответствии с правилами оформления актовых материалов. Акты надлежало оформлять в трех экземплярах и один из них направлять в ГУПВИ.

В архивах ГУПВИ сохранилось значительное количество актов обследования эшелонов с военнопленными японцами⁴⁸⁰. В них в обязательном порядке заносилась информация о перевозимых военнопленных и их количестве, о внутреннем санитарном состоянии вагонов, о материальном, медицинском и продовольственном обеспечении эшелона. Изучение актов обследования эшелонов с репатриантами показывает, что распоряжения министра внутренних дел, отданные им в 1948 г., выполнялись начальством лагерей. Эшелоны, как правило, были обеспечены топливом, утварью для приготовления пищи, спальными принадлежностями, медикаментам, требуемым 8-ми дневным запасом провизии, соответствующей продовольственным нормам, утвержденным в приказах МВД.

В 1950 г. Управление Уполномоченного по делам репатриации при Совете Министров было расформировано. С 1951 г. по октябрь 1956 г. репатриация японских военных преступников производилась небольшими партиями, в связи с чем отпала необходимость в специализированном ведомстве, отвечавшем за их репатриацию.

Процесс репатриации следует разделить на два больших периода: 1) октябрь 1946 г. – апрель 1950 г.; 2) май 1950 г. – декабрь 1956 г.

В течение первого периода на родину вернулось более 500 тыс.

⁴⁸⁰ См. напр. РГВА. Ф. 1п. Оп. 6и. Д. 135. Л. 116-118

военнопленных — бывших японских военнослужащих, не причастных к военным преступлениям и к тяжким преступлениям уголовного характера, совершенным уже на территории СССР. С 1946 г. по 1950 г. репатриация проводилась ежегодно согласно утверждаемому министром внутренних дел плану, а количество репатриантов исчислялось сотнями тысяч человек. Весной 1950 г. была завершена массовая репатриация японских военнопленных и интернированных гражданских лиц.

Во время второго периода, начиная с середины 1950 г. до конца декабря 1956 г. репатриация уже не носила регулярного, планового характера. Темпы и сроки проведения репатриации, в отличие от предыдущего периода не зависели от потребностей народного хозяйства СССР, но зависели от прогресса переговоров о нормализации советско-японских отношений.

4.2. Численность и состав репатриантов

Первый период репатриации делится, в свою очередь, на два этапа: 1) 1946-1947 гг.; 2) 1948-1950 гг. Во время первого этапа были репатриированы не только больные и ослабленные японцы, но и военнопленные, зачисленные в третью группу по трудоспособности. Все репатрианты, как правило, поступали из нерентабельных или непригодных к проживанию лагерных отделений.

Еще в декабре 1945 г. руководство ГУПВИ, получая информацию о заболеваемости и смертности среди бывших японских военнослужащих, предложило С.Н. Круглову освободить из лагерей ослабленных и больных японцев и вывезти их за пределы СССР. В конце февраля 1946 г. на основе этого предложения был составлен проект постановления Совета Министров, который был принят 13 апреля 1946 г. и опубликован под № 828-338сс. 21 мая 1946 г. С.Н. Круглов в докладной записке на имя И.В. Сталина сообщил о намерении вывезти за пределы СССР 20 тыс. военнопленных японцев, а вместо них направить в лагеря НКВД такое же количество бывших японских военнопленных, оставшихся в Северной Корее в качестве трудового резерва. В связи с тем, что из-за суровых климатических условий зимы производительность японцев оставалась низкой, министр внутренних дел СССР

в своей записке предложил также перевезти 50 тыс. человек из Сибири и Дальнего Востока в лагеря, созданные в Средней Азии ⁴⁸¹. Позднее было установлено, что из лагерей МВД было вывезено не 20 тыс. человек, как было запланировано, а не менее 25926 человек⁴⁸². Они были размещены в специально созданном карантинном лагере рядом с г. Посьет. Из них, согласно данным, которыми располагало ГУПВИ, 22403 военнопленных было отправлено в Японию, а в пути и во время пребывания в карантинном лагере скончались 3523 человека.

К середине 1946 г. Советский Союз взял на себя обязательства по репатриации не только военнопленных, но и членов их семей, а также переселенцев, проживавших в Северной Корее, Маньчжурии, на Южном Сахалине. В сентябре 1946 г. С.Н. Круглов в своей докладной записке И.В. Сталину «О состоянии японских военнопленных в лагерях» предложил в октябре и ноябре 1946 г. вывезти из неблагополучных лагерей в Дальневосточных районах СССР 30-40 тыс. человек, и впредь, начиная с зимы, вывозить по 10 тыс. в месяц в зависимости от загруженности железных дорог и морского флота⁴⁸³. Спустя месяц, в своем приказе № 00916 от 11 октября 1946 г. министр внутренних дел предписал репатриировать не менее 25 тыс. человек, размещенных в лагерях, не закончивших полную подготовку к зимнему периоду 1946 - 1947 гг.

13 декабря 1946 г. в постановлении Совета Министров № 2690-1109с количество репатриантов было увеличено за счет освобожденных в конце августа 1945 г. военнопленных, подлежащих репатриации с территории Северной Кореи и Ляодунского полуострова.⁴⁸⁴ Из-за неподготовленности транзитных и сборных лагерей к приему репатриантов из 25 тыс. военнопленных из лагерей МВД было освобождено только 22647 человек⁴⁸⁵.

В период с января по март 1947 г. репатриация была приостановлена в связи

⁴⁸¹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 136. Л. 223

⁴⁸² Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18 (7-2). С. 229

⁴⁸³ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 143. Л. 191

⁴⁸⁴ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 48а. Д. 3879. Л. 11

⁴⁸⁵ Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 415

с тем, что льды препятствовали движению судов. Пропускная способность порта в г. Находка, как отмечал заместитель Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации К.Д. Голубев с 1 апреля 1947 г. составляла до 60 тыс. человек в месяц⁴⁸⁶. Еще 30 декабря 1946 г. Ф.И. Голиков просил В.М. Молотова в своей докладной записке № 05477 в директивном порядке определить квоту по количеству японцев, подлежащих репатриации, поскольку сотрудники его управления не располагали информацией относительно численности японских военнопленных, которых МВД могло бы освободить от работ в лагерях.

По поручению В.М. Молотова 19 февраля 1947 г. представители МВД, МГБ, МИД СССР, Генерального штаба вооруженных сил СССР, Главного строительного военного управления вооруженных сил СССР и управления Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации на совместном совещании обсудили план репатриации на 1947 г. И.С. Денисов, являвшийся тогда заместителем начальника отдела трудового использования ГУПВИ, отметил, что министерство внутренних дел было готово освободить до 250 тыс. японцев, которых планировалось заменить заключенными, а также не менее 50 тыс. бывших японских военнослужащих, которые размещены в неподготовленных к проживанию лагерных отделениях или для которых предприятиями не были созданы удовлетворительные условия труда⁴⁸⁷. По итогам заседания было вынесено общее решение о том, что без ущерба для экономики СССР следует репатриировать 30 тыс. японских военнопленных в месяц с апреля по ноябрь 1947 г., но при этом японцы, занятые в промышленности, должны были освобождаться от работ в последнюю очередь. Однако 21 февраля С.Н. Круглов, переговорив по телефону с К.Д. Голубевым относительно плана репатриации, заявил, что репатриация более 20 тыс. японских военнопленных в месяц может нанести «резкий ущерб советскому народному хозяйству»⁴⁸⁸.

⁴⁸⁶ Там же. С. 412

⁴⁸⁷ Там же. С. 413

⁴⁸⁸ Там же.

Мнение министра внутренних дел было учтено, и 8 марта 1947 г. вступило в силу постановление Совета Министров № 481-186с, касавшееся возобновления репатриации японских подданных — бывших военнослужащих и гражданских лиц. Министр внутренних дел издал приказ № 00314 от 19 марта 1947 г., согласно которому освобождению из лагерей МВД подлежали 160 тыс. военнопленных, которых следовало вывозить несколькими партиями в период с апреля по ноябрь 1947 г.: за апрель-май предписывалось вывезти 51300 чел., за июнь-июль — 40 тыс. чел., столько же — за август-сентябрь, а за октябрь-ноябрь — 30 тыс. чел⁴⁸⁹.

При составлении критериев отбора подлежащих репатриации японских военнопленных в лагерях МВД были учтены как интересы министерства внутренних дел (выявление и изобличение военных преступников), так и просьба К.Д. Голубева о том, чтобы среди репатриантов не оказалось «людей, которые вызывают подозрение»⁴⁹⁰. В своем приказе № 00314 С.Н. Круглов дал указание не включать в списки репатрируемых лиц, находившихся под следствием, а также «реакционно настроенных» японцев вне зависимости от их физического состояния.

В первую очередь из лагерей МВД было приказано освободить:

1) японцев, содержащихся в неподготовленных к зиме лагерных отделениях и отдельных рабочих батальонах, а также тех, кто не работал на предприятиях или стройках. К таковым относились военнопленные, содержащиеся в лагерях, но не отправленные на работы к началу весны 1947 г.;

2) бывших японских военнослужащих, труд которых применялся на предприятиях, не имевших большого значения для экономики советских регионов;

3) всех нетрудоспособных и больных военнопленных, находившихся в лазаретах лагерных отделений и в спецгоспиталях, а также всех японцев,

⁴⁸⁹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 222. Л. 85-90

⁴⁹⁰ Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 414

зачисленных в 3-ю категорию трудоспособности. Их надлежало вывозить в теплое время года. К январю 1948 г. на территории СССР планировалось оставить только трудоспособных японцев, работавших в отраслях, которые имели наибольшее значение для советской экономики.

Отдельно в своей телеграмме № 59⁴⁹¹ С.Н. Круглов приказал освободить «демократически настроенных» бывших японских военнослужащих, а также военнопленных, отличившихся на производстве (но только из числа рядового и унтер-офицерского составов). Их министр предложил включать равными группами в каждую отправляемую партию репатриантов.

В декабре 1946 г. Советский Союз, согласно соглашению, заключенному в Токио между представителями СССР и США, был обязан репатриировать 50 тыс. японских подданных в месяц. Однако к июню 1947 г. темп репатриации гражданского японского населения из Сахалина (порт Маока) был снижен, и советская сторона не смогла выполнить свои обязательства. 6 июня 1947 г. в докладной записке на имя Л.П. Берии С.Н. Круглов отказался увеличить количество репатрируемых военнопленных, отметив, что они приносят гораздо больше прибыли, чем интернированные японцы, занятые на производстве, поскольку на одного работающего интернированного приходилось по 2-3 неработающих члена семьи⁴⁹². Для того, чтобы обязательства СССР не были нарушены, министр внутренних дел предложил репатриировать 12 тыс. японских офицеров, а также 11 тыс. японских военнослужащих, находившихся в распоряжении правительства Монголии. В сентябре 1947 г. 12,5 тысячам японских офицеров в звании не выше майора, не подозреваемых в совершении военных преступлений, согласно приказу МВД № 001004 от 30 сентября 1947 г., было разрешено вернуться на родину⁴⁹³. Их репатриация не принесла убытков народному хозяйству СССР, поскольку они имели право не работать.

Второй этап репатриации японских военнопленных начался в мае 1948 г. и

⁴⁹¹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 257. Л. 83

⁴⁹² Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 425-426

⁴⁹³ Там же. С. 430

закончился весной 1950 г. За это время было репатрировано большинство трудоспособных японских военнопленных, вне зависимости от их физического состояния, категории трудоспособности, звания или дохода, получаемого от их труда.

Возможность завершить репатриацию и военнопленных, и интернированных японцев в течение семи месяцев с мая по ноябрь 1948 г. рассматривалась советским руководством, однако, в итоге, эта идея была отвергнута. 3 апреля 1948 г. В.М. Молотов в письме обратился к И.В. Сталину с просьбой о сокращении количества репатрируемых в 1948 г. японцев (интернированных и военнопленных) с 378758 чел. до 285758 чел.⁴⁹⁴ Свою просьбу заместитель председателя Совета Министров СССР подкрепил мнениями руководства МВД, Госплана и министерств, заинтересованных в труде военнопленных. В.М. Молотов предложил отложить репатриацию оставшихся на территории СССР японцев на 1949 г.

Его обращение было удовлетворено. 5 апреля 1948 г. вступило в силу постановление Совета Министров № 1098-392с, обязавшее Ф.И. Голикова в течение семи месяцев (с мая по ноябрь 1948 г.) репатриировать 285758 человек, из которых 175 тыс. составляли военнопленные⁴⁹⁵. Согласно плану, указанному в виде приложения к этому постановлению Совета Министров, репатриации подлежали 129138 военнопленных из лагерей МВД и спецгоспиталей, а также 45862 бывших японских военнослужащих, зачисленных в рабочие батальоны МВС. Репатриации подлежали 4758 японских, оставшихся на Ляодунском полуострове, и 106 тыс. японцев, проживавших на Сахалине. В соответствии со вступившим в силу постановлением министр внутренних дел издал приказ № 00374 от 12 апреля 1948 г., в котором потребовал установить строгий контроль за соблюдением условий перевозки японских военнопленных⁴⁹⁶

Министерство вооруженных сил, выполняя постановление Совета Министров, просило руководство ГУПВИ принять в лагеря МВД с особым

⁴⁹⁴ Там же. С. 448

⁴⁹⁵ Там же. С. 448-449

⁴⁹⁶ Там же. С. 451-454

режимом японцев, которые подозревались в совершении военных преступлений. Во избежание срыва плана репатриации, установленного правительством, заместитель начальника тыла Вооруженных Сил СССР генерал-полковник В. Виноградов просил взамен переданных МВД подследственных военнопленных передать такое же количество военнопленных, подлежавших репатриации из отдельных рабочих батальонов МВС⁴⁹⁷.

Критерии отбора тех бывших военнослужащих японцев, чья репатриация была «нежелательна по оперативным соображениям», впервые были конкретизированы в ходе апрельской репатриации 1948 г. Репатриации не подлежали:

- 1) бывшие сотрудники разведывательных, контрразведывательных, карательных органов Японии — полиции, жандармерии, тюрем, лагерей, «особых отделов» и военнослужащие, занимавшиеся радиоразведкой. Освобождались от репатриации и те, кто работал в секретных исследовательских бюро и «институтах» (под которыми, вероятно, подразумевались филиалы «отряда № 731»). Исключались из списков репатриантов также и члены штаба Квантунской армии и члены штабов ее частей;
- 2) командно-преподавательский состав и курсанты шпионско-разведывательных и повстанческих отрядов, шпионско-диверсионная агентура;
- 3) члены «противоэпидемического отряда» № 731 и его отделений;
- 4) генералы и офицеры, изобличенные следствием в подготовке военного нападения на СССР, организаторов конфликтов на озере Хасан и реке Халхин-гол;
- 5) члены общества «Кёва»;
- 6) члены «реакционных» групп военнопленных японцев, противодействовавших деятельности «демократического актива»;
- 7) политическое руководство государства Маньчжоу-Го, члены японского

⁴⁹⁷ Там же. С. 457

двора;

8) военнопленные японцы, осужденные за преступления, совершенные во время своего пребывания на территории СССР;

9) нетранспортабельные больные.

Критерии отбора и количество репатриантов зависели не только от потребностей народного хозяйства Советского Союза, но и от внешнеполитических обстоятельств. Запросы в МИД СССР от родственников военнопленных с просьбами об освобождении поступали не только из Японии. С 1946 г. по 1948 г. количество писем с просьбами об освобождении корейцев, служивших в Квантунской армии, только увеличивалось. 31 августа 1948 г. С.Н. Круглов в своей докладной записке В.М. Молотову внес предложение освободить 1827 военнослужащих из Кореи⁴⁹⁸, в отношении которых отсутствовали данные, позволявшие привлечь их к судебной ответственности. В.М. Молотов попросил узнать мнение по этому поводу начальника договорно-правового отдела МИД С.А. Голунского, являвшегося обвинителем от СССР в Международном военном трибунале для Дальнего Востока. После того, как 14 сентября 1948 г. тот дал согласие, уже 20 сентября постановление Совета Министров о репатриации военнопленных корейцев вступило в силу⁴⁹⁹. 25 сентября 1948 г. приказом министра внутренних дел СССР № 001151 все они были освобождены.⁵⁰⁰ Подлежали освобождению все корейцы из лагерей МВД в Хабаровском крае, Иркутской, Кемеровской, Читинской, Чкаловской областях, Казахской и Узбекской ССР в звании от рядового до генерала. К.Д. Голубев сообщил, что репатриацию следовало проводить только с середины января 1949 г., поскольку пароходы, необходимые для репатриации военнопленных корейцев, предоставлялись по заявке в министерство морского флота СССР за три месяца до отправки⁵⁰¹. В конечном итоге было принято решение провести репатриацию корейцев в срок до 10 декабря 1948 г., т.е. до

⁴⁹⁸ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 50а. Д. 4061. Л. 1

⁴⁹⁹ Там же. Л. 4

⁵⁰⁰ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 268. Л. 167-168

⁵⁰¹ Там же. Л. 5

завершения вывода советских войск из Северной Кореи. Согласно данным, представленным начальником ГУПВИ Т.Ф. Филипповым, к 28 декабря 1948 г. был репатрирован 2161 военнопленный кореец, и по оперативным соображениям задержано от репатриации 147 военнопленных и 68 интернированных корейских граждан⁵⁰².

В 1948 г. рассматривалась возможность репатриации не только унтер-офицеров и офицеров, но и генералов, не находившихся под следствием. К июлю 1948 г. из ГУПВИ поступили предложения включить в список репатриантов 78 из 169 содержащихся в лагерях МВД генералов, в отношении которых отсутствовали какие-либо материалы, свидетельствовавшие об их причастности к военным преступлениям⁵⁰³. Позднее руководство МВД решило сократить количество подпадавших под репатриацию генералов с 78 до 66 человек.

Однако 11 сентября 1948 г. С.Н. Круглов отправил В.М. Молотову докладную записку, в которой сообщил о невозможности репатриации японских генералов в 1948 г. из-за поступивших от МИД СССР сведений о том, что после репатриации эти генералы, имевшие большой командный опыт, могут быть использованы военным руководством оккупационных американских войск против СССР⁵⁰⁴. Министр внутренних дел предложил репатриировать только больных и престарелых генералов, которые по состоянию здоровья не могли продолжать военную службу. Донесение с аналогичным содержанием было послано В.М. Молотову 29 сентября от Ф. Кузнецова, заместителя начальника генерального штаба ВС СССР⁵⁰⁵. В своей резолюции от 29 сентября В.М. Молотов попросил совместно с МИД СССР составить список этих генералов⁵⁰⁶.

26 октября 1948 г. в Бюро Совета Министров поступило письмо, в котором

⁵⁰² РГВА. Ф. 1п. Оп. 6и. Д. 137. Л.47

⁵⁰³ Там же. Л. 1

⁵⁰⁴ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 204. Л. 329

⁵⁰⁵ Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 465

⁵⁰⁶ Там же.

С.Н. Круглов предложил освободить 15 генералов⁵⁰⁷. После внесения незначительных поправок со стороны Ф.И. Голикова, 2 ноября проект постановления Совета Министров по этому вопросу получил одобрение сначала со стороны МИД СССР, затем, 3 декабря, с ним согласился и В.С. Абакумов. 13 декабря 1948 г., согласно распоряжению Совета Министров СССР № 18597рс, из лагерей были освобождены все генералы, дата рождения которых приходилась на период с 1885 г. по 1895 г. Они были размещены в специальном лагере для военнопленных генералов — «спецобъекте № 45». 16 декабря 1948 г. в своем приказе № 0758 С.Н. Круглов приказал освободить из «спецобъекта № 45» 14 генералов (один скончался незадолго до начала репатриации) и обеспечить их одеждой и обувью⁵⁰⁸. Поскольку 1 декабря 1948 г. из-за льдов, скопившихся в порту Находки, репатриация была приостановлена, генералы были доставлены в Японию на специальном самолете. 7 января 1949 г. в своей докладной записке министр иностранных дел СССР А.Я. Вышинский и С.Н. Круглов сообщили, что генералы благополучно вернулись в Японию.

Всего в 1948 г., как сообщил министр внутренних дел в докладе руководству страны, было возвращено на родину 173606 человек⁵⁰⁹. В своем докладе министр внутренних дел не упомянул о 6154 репатриантах, которые из-за окончания навигационного периода не были репатриированы в 1947 г. Согласно сводным данным ГУПВИ, полученным не ранее марта 1949 г.⁵¹⁰, из 173606 японских военнопленных из лагерей и спецгоспиталей были репатриированы 129652 человека, из отдельных рабочих батальонов МВС — 43147 человек. Общее число военнопленных, отправленных в 1948 г. в Японию, согласно уточненным данным, полученным ГУПВИ в 1949 г., составляло 174931 человек. 3 апреля 1949 г. Л.П. Берии от С.Н. Круглова была отправлена докладная записка об итогах выполнения репатриации 1948 г., в которой он

⁵⁰⁷ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 50а. Д. 4103. Л. 8

⁵⁰⁸ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 281. Л. 69

⁵⁰⁹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 234. Л. 73

⁵¹⁰ РГВА. Ф. 1п. Оп. 8и. Д. 5. Л. 15. Документы даты не имеет.

предлагал перенести срок выполнения постановления о репатриации 1948 г. на текущий, 1949 г., поскольку 4022 человека не были репатриированы в 1948 г. и ожидали репатриации в лагере № 380, расположенном рядом с г. Находка⁵¹¹.

К 25 марта 1949 г. на территории Советского Союза содержались 95461 военнопленный японец и 2475 интернированных японских подданных⁵¹². Из них 70974 чел. находились в лагерях МВД, 3035 чел. — в спецгоспиталях, 2715 чел. — в ОРБ МВС, а 14715 военнопленных японцев выполняли работы в бухте № 53 по строительству торгового и рыбного портов согласно постановлению Совета Министров № 862рс от 27 января 1948 г.

В марте 1949 г. в Японии общественные организации, представлявшие интересы репатриантов, прибывавших из СССР, требовали обнародовать данные о численности военнопленных японцев, содержащихся в лагерях и скончавшихся на территории СССР. Министр иностранных дел А.Я. Вышинский в своем письме от 20 апреля 1949 г. просил утвердить проект постановления о репатриации японских военнопленных.⁵¹³ Кроме того, он предложил сделать публичное заявление от имени Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации о том, что в 1949 г. все японские военнопленные, содержащиеся в лагерях, будут возвращены в Японию, и потребовать от японского правительства возмещения средств, потраченных на их репатриацию, в размере 428 млн. рублей.

Изначально МВД не планировало в 1949 г. репатриировать всех японских военнопленных. А.Я. Вышинский, учитывая напряженность, сложившуюся вокруг репатриации японцев, содержащихся в СССР, настоял на том, чтобы в 1949 г. были репатриированы все остававшиеся в СССР военнопленные японцы, которые не подозревались в совершении военных преступлений⁵¹⁴. Из окончательного варианта проекта постановления А.Я. Вышинским был исключен пункт о том, что в первую очередь в 1949 г. в состав репатриантов

⁵¹¹ Там же.

⁵¹² Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 469

⁵¹³ Там же. С. 470

⁵¹⁴ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 5091. Л. 8

входили военнопленные и интернированные японцы, которые выполняли и перевыполняли производственные нормы. Вместо него был добавлен пункт, обязывавший все министерства, использовавшие труд военнопленных японцев, представить в пятидневный срок в Госплан предложения о своевременной замене военнопленных другими рабочими⁵¹⁵. Все предложения, внесенные А.Я. Вышинским, были включены в окончательный вариант проекта постановления Совета Министров, который был утвержден 19 мая 1949 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 1949 г. и передан в бюро Совета Министров.

Это постановление Совета Министров, которому был присвоен № 2326-905сс, вступило в силу 10 июня 1949 г.⁵¹⁶ Согласно ему, всего репатриации подлежал 95461 бывший японский военный служащий в звании от рядового до генерала, 70984 чел., из которых содержались в лагерях МВД, 17430 чел. в 1949 г. были переданы в распоряжении министерства вооруженных сил, а 3035 чел. находились в спецгоспиталях.⁵¹⁷ В приказе министра внутренних дел № 00585 от 15 июня 1949 г. численность освобожденных японских военнопленных была сокращена до 91449 японских солдат и офицеров,⁵¹⁸ поскольку остальных предполагалось привлечь к судебной ответственности.

28 декабря 1949 г. вступило в силу постановление Совета Министров № 5867-2192с, согласно которому на родину разрешалось вернуться 1664 военнопленным, содержащимся в т.н. «объекте № 40» — режимном лагере, куда были переведены все японцы, осужденные или подозреваемые в совершении военных преступлений.⁵¹⁹ В отношении них, как установила комиссия, состоявшая из представителей МВД, МГБ и Генеральной прокуратуры СССР, отсутствовали доказательства, позволявшие привлечь их к судебной ответственности. 31 декабря 1949 г. был издан приказ министра внутренних дел № 001139, предписывавший без промедления направить их в репатриационный лагерь № 380. Их репатриация осуществлялась через порт

⁵¹⁵ Там же. Л. 21

⁵¹⁶ Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 470-471

⁵¹⁷ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 5091. Л. 15

⁵¹⁸ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 332. Л. 134

⁵¹⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1388. Л. 59

Находка.

В тот же день в своей докладной записке В.М. Молотову Ф.И. Голиков привел сводные данные о количестве репатриантов, отправленных в Японию с декабря 1946 г. по 31 декабря 1949 г. Эти данные выглядят следующим образом:

Таблица 5. Сводные данные о количестве репатриированных японцев с декабря 1946 г. по декабрь 1949 г.

Год	Количество репатриированных военнопленных
1946	27158
1947	218304
1948	177047
1949	87416
Всего:	509925

К 6 января 1950 г., по данным МВД, на территории СССР оставалось, помимо интернированных гражданских лиц, еще 5544 японских солдат, унтер-офицеров, офицеров и генералов, в отношении которых уже завершились или еще проводились следственные мероприятия⁵²⁰.

7 января 1950 г. в своей докладной записке, адресованной И.В. Сталину, Л.П. Берию, Л.М. Кагановичу и Н.А. Булганину, А.А. Вышинский и С.Н. Круглов,⁵²¹ предложили репатриировать 80 из 167 генералов, содержащихся в лагерях МВД, причастность которых к военным преступлениям установить не удалось. К началу января 1950 г. 15 генералов уже были репатриированы, 10 генералов были осуждены по ст. 58 УК РСФСР, 21 — скончались от старости или «хронических болезней, не связанных с содержанием в лагерях», совершили самоубийство. В отношении 24 японских генералов имелись доказательства их причастности к преступлениям, предусмотренным ст. 58 УК РСФСР. Однако отдельно в документе было уточнено, что предать суду следует 21 генерала, а 18 генералов передать правительству КНР.

⁵²⁰ Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 479

⁵²¹ Там же. С. 480

После того, как работа совместной комиссии представителей МВД, МГБ, МИДа, министерства юстиции и Генеральной прокуратуры СССР была завершена, в докладной записке руководству страны от 25 января 1950 г., подписанной главами этих ведомств, было отмечено, что освобождению подлежали 3059 человек, которые не были причастны к военным преступлениям или уже отбыли наказания за мелкие уголовные правонарушения.⁵²² Позднее, уже 2 февраля 1950 г., эти данные были скорректированы: под репатриацию подпадали 3109 человек, в число которых входили 80 генералов, 1346 военнопленных солдат, унтер-офицеров и офицеров и 1683 интернированных японца⁵²³.

Отказаться от репатриации в Японию не могли даже те бывшие японские военнослужащие, которые не желали возвращаться на родину в силу различных причин. К началу сентября 1949 г. в управление Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации поступило 130 заявлений от бывших японских военнослужащих, содержащих просьбы остаться в Советском Союзе и получить советское гражданство. Эти заявления были переданы в Главное управление милиции в МВД, и вопрос о предоставлении японцам советского гражданства был внесен на рассмотрение в Президиум Верховного Совета РСФСР, однако положительного ответа на запрос не последовало⁵²⁴. Общее количество заявлений подобного рода за период с 1945 г. по 1950 г. составляло приблизительно одну тысячу экземпляров⁵²⁵.

24 февраля 1950 г. на совещании у В.М. Молотова, который в это время занимал пост первого заместителя председателя Совета Министров, министры внутренних дел, иностранных дел, государственной безопасности, юстиции, а также их заместители, заместитель начальника ГУПВИ А.З. Кобулов и представители других ведомств, ответственных за деятельность и содержание военнопленных японцев, обсудили проект постановления Совета Министров о

⁵²² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1388. Л. 61

⁵²³ Там же. Л. 65

⁵²⁴ Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 477

⁵²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 145. Л. 24

завершении репатриации японских и немецких военнопленных из СССР. 5 марта он был представлен И.В. Сталину в качестве приложения к докладной записке С.Н. Круглова и А.Я. Вышинского.⁵²⁶

7 марта 1950 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) проект постановления Совета Министров был утвержден, и 17 марта ему был присвоен № 1108-396сс. Численность японцев, подлежащих репатриации, составляла 3109 человек — 1426 военнопленных и 1683 интернированных японца⁵²⁷. В число 1426 бывших японских военнослужащих, освобожденных из лагерей МВД, входили:

1) 80 генералов, являвшихся престарелыми, больными, инвалидами и «нестроевыми», принадлежавших к числу тех, на которых отсутствовали компрометирующие материалы;

2) 527 японских солдат и офицеров, в отношении которых отсутствовали доказательства, позволявшие привлечь их к судебной ответственности;

3) 819 японских военнопленных, отбывавших наказания за нарушения лагерного режима, хищения, кражи, мелкие бытовые преступления, срок которым решено было заменить выдворением за пределы Советского Союза.

Вскоре после вступления в силу постановления Совета Министров № 1108-396сс был издан приказ министра внутренних дел № 00151-00230 о репатриации, адресованный начальникам лагерных управлений и лагерных отделений, в котором С.Н. Круглов предупредил начальников УМВД Приморского и Хабаровского краев, на территории которых находилась большая часть репатриантов, о том, что после завершения их репатриации на территории СССР не должен был остаться ни один японский военнопленный или интернированный, кроме осужденных и подследственных лиц, а также японцев, совершивших преступления против китайского народа⁵²⁸.

К 22 марта 1950 г. в соответствии с приказом МВД СССР № 00202⁵²⁹ все японцы, освобожденные из лагерей МВД, были переданы в лагерь № 380 для

⁵²⁶ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 269. Т. 1. Л. 178-202

⁵²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1080. Л. 181

⁵²⁸ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 240. Л. 190-191

⁵²⁹ Военнопленные в СССР, 1939-1956: документы и материалы. С. 476

репатриации. Помимо них были репатриированы 158 человек, оставшихся в лагере № 380, которые не были отправлены в Японию в 1949 г. По согласованному решению МИД и МВД, сама отправка военнопленных из порта в г. Находка должна была начаться 15 и завершиться 20 апреля⁵³⁰. Кроме них, согласно тому же приказу, 969 японцев, совершивших преступления против китайского народа, подлежали передаче КНР. Однако по неизвестной причине передача военнопленных КНР затянулась и была произведена только 18 июля 1950 г., после вступления в силу постановления Совета Министров № 3143-1202сс от 14 июля 1950 г. Об этом в августе было доложено И.В. Сталину.⁵³¹

После того, как в феврале 1950 г. была окончательно определена численность японских военнослужащих, освобожденных от репатриации, по предложению А.Я. Вышинского и С.Н. Круглова было решено опубликовать в советской печати сообщение ТАСС об окончании репатриации японских военнопленных из Советского Союза.

Проект этого сообщения, отредактированный главами МИД и МВД, 20 февраля 1950 г. был отправлен на утверждение В.М. Молотову. Учитывая напряженность в отношениях СССР и США, связанную с обвинениями со стороны американских дипломатов в задержке более 300 тыс. военнопленных японцев на советской территории, В.М. Молотов внес правки в проект сообщения, убрав все формулировки, которые могли внести двойственность в его толкование и дать возможность американцам усилить критику действий советского правительства. Проект сообщения ТАСС обсуждался и на совещании у В.М. Молотова 24 февраля.

После незначительной корректировки окончательный вариант проекта сообщения ТАСС был утвержден к печати 17 марта 1950 г. Он был опубликован во всех центральных периодических изданиях Советского Союза. 22 апреля 1950 г. в официальном сообщении ТАСС было объявлено, что обязательства по репатриации всех иностранных военнопленных Советским

⁵³⁰ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 270. Л. 138

⁵³¹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 269. Л. 400

Союзом выполнены.⁵³² Было указано количество оставленных на территории СССР японских военнопленных (1487 человек), причастных к военным преступлениям, количество переданных КНР японцев (971 человек), а также было сообщено о девяти японцах, находившихся в спецгоспиталях на излечении, которые находились в тяжелом состоянии и не могли быть репатрированы в ближайшее время. Всего с 1946 г. по 1950 г., как сообщалось, было репатрировано 510417 японцев, причем в их число не входили 70880 человек, освобожденных в августе 1945 г. непосредственно в Маньчжурии⁵³³.

В ходе второго периода репатриации (май 1950 г. – декабрь 1956 г.) были освобождены уже все бывшие японские военнослужащие, являвшиеся военными преступниками. С мая 1950 г. до середины 1953 г. репатриация амнистированных и отбывших свои сроки наказания военных преступников из числа бывших японских военнослужащих и гражданских лиц носила нерегулярный характер и зависела от позиции политического руководства Советского Союза, состав которого претерпел изменения в марте и апреле 1953 г. Одним из первых бывших военнопленных, освобожденных из лагерей, стал ефрейтор Кикиути Норимицу, который был осужден в ходе Хабаровского судебного процесса. К. Норимицу работал санитаром-практикантом в одном из филиалов «спецотряда № 731». Решение о его освобождении было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 7 октября 1951 г. в связи с завершением срока его заключения.⁵³⁴

18 апреля 1952 г., согласно принятому на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) решению, освобождению подлежали 18 военнопленных японцев, которые отбыли наказания и могли вернуться на родину.

Со вступлением в силу указа Верховного Суда СССР об амнистии от 27 марта 1953 г. была увеличена численность освобожденных военнопленных японцев. Уже к концу апреля 1953 г., согласно данным УПВИ, 7 бывших военнопленных были помилованы, и у еще 12 человек были сокращены сроки

⁵³² Русский архив: Великая Отечественная. Т. 24 (13). С. 524

⁵³³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1388. Л. 94

⁵³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1090. Л. 190

заклучения⁵³⁵. Всего же, согласно данным Тюремного отдела МВД, в ведение которого поступили осужденные военнопленные после расформирования УПВИ, под действие указа об амнистии 1953 г. подпало 25 бывших японских военнослужащих, осужденных за совершение различных преступлений⁵³⁶. К середине 1953 г. численность репатриированных японцев также значительно увеличилась и за счет досрочно освобожденных бывших японских военнослужащих, содержащихся в лагере № 16. Кроме того, из мест заключения были отпущены японцы, чей срок заключения заканчивался в 1953 г. К 1 апреля 1953 г. у 22 человек из числа бывших японских солдат, унтер-офицеров и офицеров подходили к концу сроки заключения, а еще у 8 человек истекал срок заключения к декабрю 1953 г.⁵³⁷

К 1 июня 1953 г. к возвращению на родину был подготовлен 421 бывший военнопленный японец, 371 из которых был освобожден из лагеря № 16 и трое — из лагеря № 48 в связи с досрочным завершением их срока заключения, у 22 чел. подошли к концу сроки заключения, а 25 чел. были освобождены по амнистии.⁵³⁸ Мероприятия по подготовке их репатриации были начаты 5 июня 1953 г. и завершены 10 июня 1953 г., когда на родину были возвращены все репатрианты. За репатриацию отвечал бывший заместитель начальника УМВД по Приморскому военному округу полковник С.И. Затолокин, назначенный Уполномоченным Совета Министров по передаче репатрируемых представителям японских властей.⁵³⁹ Репатриация проводилась через порт в г. Находка. В качестве принимающей стороны выступило японское общество Красного Креста.

К ноябрю 1956 г. после завершения советско-японских переговоров МВД разработало порядок транспортировки, снабжения и сопровождения репатрируемых во время следования в порт. Министр внутренних дел Н.П. Дудоров пообещал, что перед отправкой на родину военнопленным

⁵³⁵ Там же.

⁵³⁶ РГВА. Ф. 1п. Оп. 1т. Д. 2. Л. 121

⁵³⁷ РГВА. Ф. 1п. Оп. 1т. Д. 5. Л. 61

⁵³⁸ Там же.

⁵³⁹ Там же.

японцам будут выданы полагавшиеся им денежные средства (которые они, тем не менее, не могли вывезти за пределы СССР из-за неконвертируемости советской валюты) и новое обмундирование.

После завершения советско-японских переговоров о нормализации советско-японских отношений, 13 декабря 1956 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно которому освобождению подлежали 1025 осужденных японских подданных, среди которых было 22 генерала, 293 офицера и 710 рядовых и унтер-офицеров⁵⁴⁰. 23 декабря 1956 г. в порту Находка все они были переданы представителю японского правительства Хиросе Тацуэ. Более чем десятилетнее пребывание бывших японских военнослужащих на территории Советского Союза подошло к концу.

4.3. Репатриация японских военнослужащих, оккупационные власти и японское общество

После окончания Второй мировой войны Япония была лишена политического суверенитета, а ее территория была оккупирована англо-американскими войсками. Японское правительство было подчинено главнокомандующему союзных войск в Японии. Он должен был в первую очередь обеспечить выполнение Японией условий Потсдамской декларации. При главнокомандующем был создан Союзный совет для Японии — консультативный орган, расположенный в Токио, в который входили представители СССР, США, Великобритании и Китая. Его председателем являлся главнокомандующий союзными войсками в Японии.

Оккупационные власти проводили как политические, так и экономические реформы в Японии. За первые два года после завершения Второй мировой войны были ликвидированы ограничения прав и свобод японских подданных, разрешена деятельность запрещенных ранее политических сил, а также предприняты другие шаги по демократизации японского общества. Военное производство в Японии было свернуто, промышленность переориентирована на нужды гражданского сектора, были ликвидированы крупные концерны,

⁵⁴⁰ Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 489

проведены налоговая и аграрная реформы. Главнокомандующий союзными войсками в Японии также был ответственен за проведение репатриации японских военнослужащих и подготовку суда над японскими военными преступниками.

Разоружение японских войск подразумевало не только непосредственную сдачу оружия в местах военных действий, как того требовала Потсдамская декларация, но и демобилизацию всех японских военнослужащих, а также их возвращение в Японию. Сотни тысяч японских солдат и офицеров находились вне метрополии.

Демобилизация всех военнослужащих японских вооруженных сил необходима была оккупационным властям как залог того, что Япония не вернется на путь милитаризма, колониализма и военной экспансии не только спустя несколько лет после завершения Второй мировой войны, но и в течение последующих десятилетий. Более шести миллионов бывших японских военнослужащих должны были стать подданными новой Японии, вставшей на путь демократических преобразований.

К числу японцев, находившихся вне японской метрополии, принадлежали не только военнослужащие и их родственники, но и гражданские лица — чиновники, служащие, а также переселенцы из метрополии вместе со своими семьями. После окончания войны, по данным штаба главнокомандующего союзными войсками в Японии⁵⁴¹, своего возвращения в Японию ожидали 6614383 человека⁵⁴².

Из них, согласно справке информационного отдела советского представительства в Токио, были мобилизованы 5 млн. 420 тыс., при этом 3 млн. 167 тыс. человек на момент завершения Второй мировой войны находились за пределами японской метрополии⁵⁴³. Для осуществления демобилизации такого количества военнослужащих военное и морское министерства Японии были преобразованы в демобилизационные

⁵⁴¹ Далее: штаб Макартура.

⁵⁴² ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27. Д. 9258. Л. 244

⁵⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 209. Л. 76

министерства, а позднее были объединены в Демобилизационную палату⁵⁴⁴. По данным штаба главнокомандующего союзными войсками Д. Макартура к началу декабря 1946 г. были разоружены и демобилизованы 98,6% военнослужащих, оборонявших метрополию. Всего, по данным оккупационных властей, к концу 1946 г. в Японию было возвращено 5 млн. 852 тыс. японских подданных, и еще 18 тыс. человек ожидали демобилизации и возвращения на родину на островах Ява и Суматра⁵⁴⁵. Не только родственники японских военнослужащих, но и все японское общество ожидало возвращения своих соотечественников. Так, 1 ноября 1947 г. в статье «Проблема репатриации японцев» в газете «Кендзай Симбун»⁵⁴⁶ было отмечено, что «скорейшее возвращение на родину соотечественников желают не только их родственники, но и весь японский народ»⁵⁴⁷.

Процесс репатриации военнослужащих и гражданских лиц из зон, подконтрольных войскам США, Великобритании и Австралии, Д. Макартур имел возможность проконтролировать лично. Однако для осуществления репатриации японских военнослужащих и гражданских лиц из территорий, подконтрольных Советскому Союзу, требовалось двустороннее сотрудничество США и СССР. Предполагалось, что репатриация японцев из СССР, Маньчжурии, Северной Кореи и из Сахалина будет осуществляться параллельно с репатриацией остальных военнопленных. Ни генерал Макартур, ни другие представители оккупационных войск не знали о том, что японские военнослужащие были вынуждены работать на советских предприятиях.

Изначально переговоры между К.Н. Деревянко, представлявшем СССР, и Д. Макартуром велись только относительно того, что репатриация затронет японских гражданских лиц из Маньчжурии и Северной Кореи, поскольку К.Н. Деревянко, следуя указаниям заместителя министра иностранных дел СССР Я.А. Малика, отказался обсуждать репатриацию военнопленных

⁵⁴⁴ Там же.

⁵⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 212. Л. 43

⁵⁴⁶ Здесь и далее названия информационных агентств, газет и других средств массовой информации, а также японские имена и фамилии приводятся так, как они указаны в источниках.

⁵⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 623. Л. 65

японцев. Д. Ачесон, заместитель главнокомандующего союзными войсками в Японии, в своей телеграмме, полученной К.Н. Деревянко 20 июня 1946 г., указал, что, согласно 9-му пункту Потсдамской декларации, японские войска, разоруженные Красной Армией, должны быть возвращены в Японию⁵⁴⁸. Переговоры о репатриации японских граждан были прекращены в июле 1946 г. и возобновлены в конце сентября после того, как 15 сентября 1946 г. в записке, адресованной В.М. Молотову, А.Я. Малик отметил, что, исходя из международно-политических соображений, для СССР было бы выгодно начать частичную репатриацию японских военнопленных так, чтобы она не помешала выполнению Четвертого пятилетнего плана⁵⁴⁹.

В конце сентября 1946 г. представители штаба генерала Макартура объявили о том, что репатриация японских подданных с территорий Маньчжурии и Северной Кореи, находившихся под контролем Красной армии, начнется в октябре. Объявление было встречено японским народом с облегчением и осторожной радостью. 30 сентября 1946 г. в резолюции нижней палаты японского парламента было отмечено, что объявление генерала Макартура принесло японскому народу надежду, «подобную лучу света в мраке»⁵⁵⁰. 3 октября 1946 г. Д. Ачесон уверил посетившую его группу членов парламента, что «генерал Макартур не пощадит своих сил для того, чтобы вернуть ваших родных и друзей настолько быстро, насколько это будет практически возможно»⁵⁵¹.

В октябре 1946 г. американский вариант проекта соглашения о репатриации японских военнопленных, согласно которому все расходы по доставке, снабжению и медико-санитарному обслуживанию репатриантов должны были оплачиваться за счет СССР, был отвергнут советской стороной. К 27 ноября 1946 г. сторонам удалось договориться о репатриации 25 тыс. японских гражданских лиц, репатриацию же военнопленных японцев было решено

⁵⁴⁸ Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 513

⁵⁴⁹ Там же. С. 519

⁵⁵⁰ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27. Д. 9258. Л. 227

⁵⁵¹ Там же. Л. 116

отложить до того, как будет подписано соглашение⁵⁵².

Соглашение между СССР и США о репатриации японских военнопленных и гражданских лиц было подписано К.Н. Деревянко, представлявшем СССР, и П.Д. Миллером, представлявшем главнокомандующего союзными войсками в Японии, 19 декабря 1946 г.⁵⁵³ Согласно нему, Советский Союз обязывался ежемесячно репатриировать 50 тыс. японцев. Главнокомандующий союзными войсками в Японии должен был предоставлять исправные суда для их погрузки, обеспечить их продовольствием и медикаментами на время морского пути в Японию. Все расходы, связанные с репатриацией японских военнопленных с территории Советского Союза, оплачивались, согласно соглашению, японским правительством. В случае непредвиденных обстоятельств, связанных с изменением климатических условий, обе стороны имели право временно приостановить репатриацию.

Достигнутое соглашение о репатриации 50 тыс. японских подданных в месяц не вполне устраивало родственников японских военнопленных. Приостановка репатриации из-за зимы, в течение которой портовые воды замерзали, воспринималась ими как умышленная задержка репатриации их соотечественников. Их недовольство было вызвано и тем, что к концу 1946 г. большая часть японцев, попавших в распоряжение англо-американских войск, уже была репатриирована; в то же время подавляющая часть японцев, разоруженная Красной Армией, еще задерживалась, как считали японцы, без видимых причин. С 1946 г. родственники японских военнослужащих, содержащихся в лагерях МВД СССР, выдвигали требования в кратчайшие сроки вернуть своих соотечественников. Примечательно, что их требования были обращены не только к руководству Советского Союза, но и к представителям штаба Макартура, неоднократно объявлявшим о том, что он предпринимает усилия для возвращения всех задерживаемых в СССР военнопленных японцев. Родственники военнопленных японцев,

⁵⁵² Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 529

⁵⁵³ Там же. С. 401-404

содержавшихся в лагерях МВД, полагали, что оккупационные власти, несмотря на заверения, уделяли недостаточное внимание вопросу об ускорении темпов репатриации.

Поначалу случаи публичного выражения недовольства темпами репатриации были единичны. Так, в начале марта 1947 г. японец Иосики Хосино устроил голодовку в знак протеста против задержки репатриации японцев⁵⁵⁴. Весной 1947 г. началась репатриация нетрудоспособных и больных японских военнопленных из плохо обустроенных лагерей МВД, при этом количество репатриантов, ежемесячно возвращавшихся в Японию, не было постоянным, и часто пароходы прибывали загруженными наполовину или меньше.

Утром 15 июля 1947 г. перед императорским дворцом состоялась демонстрация в поддержку скорейшего возвращения бывших японских военнослужащих на родину, в которой приняли участие более 6 тыс. человек⁵⁵⁵. В августе 1947 г. на имена И.В. Сталина, Г. Трумэна и У. Черчилля были посланы письма, подписанные одним миллионом японцев, в которых содержалась просьба оказать содействие скорейшему возвращению японцев, большая часть которых еще находилась на подконтрольных Советскому Союзу территориях. С 1 июля 1946 г. по 3 сентября 1947 г. Д. Макартур получил 80 петиций от групп родственников и общественных организаций, в которых содержались просьбы осуществить скорейшее возвращение всех задерживаемых японцев,⁵⁵⁶ большая часть которых находилась на территориях, подконтрольных СССР.

Для содействия по разрешению проблемы репатриации военнопленных японцев, задерживаемых в СССР, были основаны общественные организации, в том числе и под эгидой японского парламента. Так, организаторами июльской демонстрации 1947 г. являлись Лига членов парламента по оказанию помощи соотечественникам и Федерация репатриированных. В ноябре 1947 г. был

⁵⁵⁴ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27. Д. 6384. Л. 113

⁵⁵⁵ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27. Д. 6385. Л. 63

⁵⁵⁶ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27. Д. 6384. Л. 157

создан Национальный совет (в других источниках — Лига⁵⁵⁷) содействия ускорению репатриации японцев из-за границы, куда вошли другие ранее созданные общественные организации⁵⁵⁸. На первом же ее заседании было решено обратиться к И.В. Сталину, Г. Трумэну и Д. Макартуру с просьбой принять меры к скорейшему возвращению японцев, а также к созданию благожелательного международного мнения об ускорении их репатриации «ввиду приближающейся холодной зимы в Сибири»⁵⁵⁹.

С начала 1946 г. представители СССР называли ложной информацию о том, что японцы принудительно были размещены на территории СССР. С началом репатриации нетрудоспособных и больных японских солдат и офицеров в 1947 г. стало уже невозможно скрыть от американских оккупационных властей то, что японские военнопленные работали в лагерях МВД. С начала репатриации 1947 г. в прессе⁵⁶⁰ стали публиковаться интервью с бывшими военнослужащими Квантунской армии, в которых те рассказывали о тяжелых бытовых условиях в лагерях МВД для военнопленных японцев. Сотрудники советской миссии в Союзном совете отреагировали достаточно оперативно, охарактеризовав появление этих интервью, статей о положении бывших японских военнослужащих в СССР как проявление «антисоветской пропаганды». Глава советской военной миссии в Союзном совете генерал А.П. Кисленко в телеграмме МИД СССР от 22 октября 1947 г. просил увеличить количество радиопередач о жизни военнопленных в советских лагерях, транслируемых из СССР в Японию с тем, чтобы оказать противодействие распространению нежелательной для Советского Союза информации⁵⁶¹. Его просьба была удовлетворена к декабрю 1947 г., и для дальнейшего противодействия «антисоветской пропаганде» были приняты меры к расширению списка мер аналогичного характера.

⁵⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 623. Л. 72

⁵⁵⁸ Там же. Л. 217

⁵⁵⁹ Там же. Л. 72

⁵⁶⁰ Подобные сообщения публиковали многие газеты, но их регулярной публикацией занималось несколько изданий: газеты «Асахи синбун» и «Нихон Таймс синбун», агентство «Дзиндзи цусин».

⁵⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 235. Л. 133

29 октября 1947 г. на одном из заседаний Союзного совета в адрес СССР прозвучали обвинения в умышленном снижении ежемесячного количества репатрируемых, а также в невыполнении обязательств договора о репатриации⁵⁶². Поводом выдвижения подобных обвинений со стороны У. Сэболда, представителя Соединенных Штатов в Союзном совете, ставшего в 1947 г. также его председателем, стала попытка переложить ответственность за снижение темпов проведения репатриации 1947 г. на американские оккупационные власти. Он также заявил, что вместо положенных 50 тысяч Советский Союз репатриировал в месяц от 28 тыс. до 31 тыс. человек. При этом, как отметил У. Сэболд, «имелась значительная информация, указывающая, что советские власти прилагают интенсивные усилия к тому, чтобы привить некоторым отобранным японским военнопленным антиамериканские и антиоккупационные настроения»⁵⁶³.

А.П. Кисленко в своем ответном выступлении заявил, что план репатриации со стороны СССР был перевыполнен, а обсуждение вопросов, связанных с репатриацией, в компетенцию Союзного совета не входило. Постановка вопроса о темпах репатриации японских военнопленных на заседании Союзного совета использовалась штабом Макартура для того, чтобы отвлечь внимание японской общественности от положения репатриантов, которые после своего прибытия на родину были «оставлены на произвол судьбы»⁵⁶⁴. А.П. Кисленко обвинил США в поощрении публикаций «фантастических историй о положении японских военнопленных» в японской прессе и поддержке демонстраций и митингов, направленных против действий СССР⁵⁶⁵.

Таким образом, репатриация военнопленных японцев, размещенных на территории СССР, стала не только общественной, но и политической проблемой. Оккупационные власти, заявляя о том, что из СССР возвращаются только социалисты и коммунисты, окончательно снимали с себя вину за

⁵⁶² Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 536-537

⁵⁶³ Там же. С. 538

⁵⁶⁴ Там же.

⁵⁶⁵ Там же. С. 539

задержку репатриации военнопленных японцев и стремились полностью переложить ее на Советский Союз. Эти заявления подтверждались публикацией интервью с военнопленными, вернувшимися из СССР. Так, один из них рассказал о том, что они были вынуждены посещать политзанятия, поскольку «военнопленным было сказано, что, чем быстрее они узнают о демократии, тем скорее они будут репатрированы»⁵⁶⁶.

19 декабря 1947 г. советскую военную миссию в Токио посетила японская делегация в составе представителей профсоюзов, членов Коммунистической партии Японии (КПЯ), членов организаций по оказанию помощи репатриантам и представителей других организаций с просьбой дать разъяснения по поводу всех слухов и сообщений в прессе. Возглавлял ее генеральный секретарь КПЯ Кюити Токуда. На вопрос делегатов о том, почему советские власти не могут репатриировать бывших японских военнослужащих зимой, генерал А.П. Кисленко ответил, что судоходство было затруднено из-за наличия льдов у берегов г. Находки, а размещение военнопленных японцев в портах было «сопряжено с опасностями заболевания людей от простуды»⁵⁶⁷. Относительно же идеологической обработки бывших японских военнослужащих он заявил следующее: «Я должен сказать, что это совершенно абсурдное, лживое утверждение, распространяемое в Японии с определенными целями. Советский Союз никому не навязывает своей идеологии и не экспортирует ее за границу».⁵⁶⁸ К. Токуда, выслушав А.П. Кисленко, попросил представителей СССР сделать письменное или устное заявление об истинном положении военнопленных японцев в СССР, чтобы члены профсоюзов и профорганизаций смогли опровергнуть все слухи. Однако просьба К. Токуда выполнена не была, поскольку, по мнению Я.А. Малика, проблема репатриации японских военнопленных имеет «местное значение и интересует главным образом самих японцев, подстрекаемых американцами»⁵⁶⁹.

⁵⁶⁶ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27. Д. 6385. Л. 253

⁵⁶⁷ Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 543

⁵⁶⁸ Там же.

⁵⁶⁹ Там же. С. 548

Американские оккупационные власти и японское правительство, напротив, были весьма обеспокоены сведениями о том, что в лагерях МВД проводилась политическая работа среди военнопленных японцев. Вернувшиеся из СССР японцы становились потенциальными членами Коммунистической партии Японии или, по крайней мере, пополняли ряды ее электората. Это было для американских властей крайне нежелательно, поскольку присутствовали опасения в том, что бывшие японские солдаты и офицеры, вернувшиеся из СССР, могли бы стать частью революционной «пятой колонны» и существенным образом повлиять на государственное устройство Японии.

Во всех программных выступлениях первых лиц руководства Коммунистической партии Японии конечной целью являлась революция и свержение действовавшего японского правительства. На 15-м пленуме КПЯ было отмечено, что революция в Японии была неизбежна из-за экономического кризиса, который поразил Японию гораздо глубже, чем Италию и Францию, а также из-за слабости кабинета министров, возглавляемого премьер-министром С. Иосидой⁵⁷⁰. Публицист Гарольд Нобль в газете «Сатэрдэй Ивнинг Стар» в 1946 г. писал, что только КПЯ имела твердые политические убеждения, в то время как другие политические силы в Японии «находились в прострации»⁵⁷¹. Он выделил три группы, «контролируемые русскими» в Японии: коммунисты, японское население, проживавшее на Сахалине, и японские военнослужащие, разоруженные в Маньчжурии и Северной Корее. Из них, продолжал Г. Нобль в статье, были «такие, которых русские могут сделать своими политическими приверженцами», причем, по его мнению, можно было ожидать, что кто-нибудь из них может появиться в Японии в ближайшее время⁵⁷².

Министерство иностранных дел СССР считало нецелесообразным публиковать в печати какие-либо разъяснения относительно репатриации военнопленных японцев, поскольку в 1948 г. СССР не мог соблюсти свои обязательства по репатриации 50 тыс. человек в месяц. Заместитель

⁵⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 145. Л. 69

⁵⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 209. Л. 16

⁵⁷² Там же. Л. 25

заведующего 2-м Дальневосточным отделом МИД СССР Е.Г. Забродин в письме Ф.И. Голикову от 29 апреля 1948 г. отметил, что представителям СССР не следует не только делать какие-либо заявления, но и вступать в споры с американцами по поводу численности военнопленных японцев, размещенных на территории СССР⁵⁷³.

Отказ как-либо комментировать все заявления представителей оккупационных властей стали основанием для опасений японцев в том, что бывшие японские военнослужащие, задерживаемые в СССР, никогда не вернутся на родину. Эти опасения косвенно подтверждались рассказами самих военнопленных о том, что японцы, входившие в состав «демократического актива», часто имели лучшее, по сравнению с остальными, обмундирование и питание. Вдобавок ко всему, родственники японцев, содержащихся в лагерях МВД, не имели возможности связаться с ними.

Переписка бывших японских солдат и офицеров была разрешена в октябре 1946 г.⁵⁷⁴, но со значительными ограничениями. Во-первых, писать военнопленные могли только на специальной почтовой открытке, а опрашивать послания им разрешалось только один раз в три месяца. Во-вторых, запрещалось писать о других военнопленных (живых или умерших), категорически запрещалось в посланиях упоминать слова «лагерь», «спецгоспиталь», «рабочий батальон». В-третьих, военнопленным запрещалось указывать свое точное местонахождение, а также сообщать о характере работы, которую они выполняли. Наконец, в-четвертых, корреспонденция, в которой были нарушены предыдущие пункты, или была размещена антисоветская или секретная информация, подлежала изъятию.

Вся корреспонденция проверялась цензурным управлением, располагавшимся во Владивостоке (УМВД по Хабаровскому краю) и не

⁵⁷³ Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 550

⁵⁷⁴ Переписка для японских военнопленных была разрешена постановлением Совета Министров СССР № 9302-рс от 27 июля 1946 г. Инструкция о порядке переписки была введена в действие приказом министра внутренних дел № 00939 «О введении в действие инструкции о порядке переписки военнопленных японцев с их семьями, проживающими в Японии, Корее, Маньчжурии» от 22 октября 1946 г. // ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 201. Л. 236-236 об.

отправлялась адресатам до тех пор, пока не была проверена сотрудниками цензурного управления и не получала штамп «проверено военной цензурой». Конфискованная корреспонденция уничтожалась. За нарушение дисциплины, уклонение от труда и другие провинности японские военнопленные могли лишаться права переписки на срок от 3 до 5 месяцев. Учитывая, что штат цензурного управления насчитывал всего 18 человек, включая начальника, двух оперативных сотрудников и 15 переводчиков, проверка исходящей и входящей корреспонденции (ответ военнопленному разрешалось писать только на том же бланке, на котором было отправлено письмо) могла значительно затянуться. Корреспонденция могла затеряться, на ней мог быть написан неверный (или старый) адрес проживания родственников военнопленного, или мог быть неверно заполнен бланк⁵⁷⁵.

Начавшуюся в мае 1948 г. репатриацию японцы встретили позитивно и надеялись, что в 1948 г. будут репатрированы все их соотечественники. Сокращение количества военнопленных, ежемесячно репатрируемых из лагерей МВД, стало причиной возникновения более значительной, по сравнению с предыдущими годами, волны недовольства. 27 сентября 1948 г. 500 человек устроили голодовку в знак протеста против задержки репатриации⁵⁷⁶. Ранее состоялась массовая демонстрация, возглавляемая Лигой по ускорению репатриации японцев. Среди ее участников были и несколько других общественных организаций. После демонстрации часть протестующих решила устроить голодовку. Было решено, что голодовка продлится 3 дня и продолжится, если не будут приняты самые решительные меры. Стоит отметить, что голодовка, как публичный акт, была направлена не только против Советского Союза, но и против японского правительства, которое, как полагали протестующие, было недостаточно настойчиво в решении проблемы репатриации. Голодовка была прекращена 30 сентября после вмешательства

⁵⁷⁵ Исходящий адрес заполнялся по принципу «номер почтового ящика – номер лагеря, спецгоспиталя, рабочего батальона, г. Владивосток, СССР». Соответственно, при расформировании лагеря, спецгоспиталя, рабочего батальона входящая корреспонденция, посланная на старый адрес, не доходила до военнопленного.

⁵⁷⁶ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27. Д. 7691. Л. 232

премьер-министра С. Иосиды.

Значительно меняется обстановка и в Союзном совете. 3 сентября 1948 г. генерал К.Н. Деревянко получил письмо из штаба Макартура, в котором Советский Союз прямо обвинялся американской стороной в том, что на протяжении трех лет умышленно снижалось ежемесячное количество репатрируемых, а в СССР до сих пор находилось 520 тыс. японцев, что противоречило Потсдамской декларации глав правительств Великобритании, США и Китая от 26 июля 1945 г.⁵⁷⁷ Данное обвинение сразу же было опубликовано в японской прессе. К.Н. Деревянко не стал прокомментировать это письмо и попросил время для того, чтобы подготовить ответ.

Б. Ануров, возглавлявший 2-й Дальневосточный отдел МИД СССР, предложил никак не комментировать письмо, поступившее в советское представительство из штаба Макартура, и не делать каких-либо заявлений по поводу численности военнопленных японцев, оставшихся в СССР, поскольку репатриацию планировалось завершить в 1949 г.⁵⁷⁸

Следует отметить, что штаб генерала Макартура в своих заявлениях и письмах в советское представительство в Союзном совете приводил разные, часто приблизительные данные о численности задерживаемых в СССР военнопленных японцев. В письме К.Н. Деревянко упоминалось о 520 тыс. человек, якобы задерживаемых СССР на своей территории, а в конце мая 1949 г. в штабе Макартура было подсчитано, что, с учетом всех репатриированных в период с 1946 г. по 1948 г., в СССР оставались еще 469041 японцев — военнопленных и гражданских лиц⁵⁷⁹. Однако представители СССР не предоставили никакой другой информации, поэтому японская пресса охотно публиковала заявления оккупационных властей.

17 марта 1949 г. К.Н. Деревянко получил письмо из штаба генерала Макартура, в котором содержалась просьба сообщить точное время

⁵⁷⁷ Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 551-552

⁵⁷⁸ Там же. С. 553-554

⁵⁷⁹ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27. Д. 9258. Л. 244

возобновления репатриации⁵⁸⁰. 18 марта содержание этой просьбы стало известно японской прессе. В этот же день советское представительство посетила парламентская делегация в составе представителей общественных организаций — «Лиги ускорения репатриации» и «Лиги помощи репатриантам из СССР», а 23 марта — еще 6 делегаций. Делегации выдвигали одни и те же требования — завершить репатриацию в текущем году, опубликовать сведения об умерших и остававшихся в СССР японских военнопленных. 4 апреля 1949 г. премьер-министр С. Иосида, выступая на парламентской сессии, затронул проблему репатриации. Японский парламент планировал принять резолюцию об ускорении репатриации, которая, учитывая нараставшее в японском обществе напряжение относительно неспособности решить эту проблему, могла укрепить антисоветские настроения в Японии.

20 мая 1949 г. Уполномоченный Совета Министров СССР по делам репатриации объявил о том, что в СССР осталось не более 95 тыс. человек, которые будут репатрированы в течение 1949 г. Представители штаба Макартура были поставлены в тупик этим заявлением. Один из них воскликнул: «А что они сделали с остальными тремястами тысячами?»⁵⁸¹ Данные, озвученные Уполномоченным Совета Министров СССР по делам репатриации, озадачили и премьер-министра С. Иосиду, а японское общество приняло это сообщение «со смешанным чувством надежды и опасения»⁵⁸². Японским правительством вскоре было объявлено, что «данные штаба Макартура более точны», хотя и не указывалось, по какой причине. Представители штаба Макартура, в свою очередь, поспешили объяснить это несоответствие тем, что уполномоченный Совета Министров СССР по делам репатриации не учел японских гражданских лиц, которых, якобы, как раз и насчитывалось более трехсот тысяч человек⁵⁸³.

Внешний вид репатриантов, прибывших в Японию в 1949 г., произвел

⁵⁸⁰ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 5091. Л. 9

⁵⁸¹ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27. Д. 9258. Л. 228

⁵⁸² Там же.

⁵⁸³ Там же. Л. 243

хорошее впечатление, что несколько контрастировало с тем, как выглядели репатрианты в 1947 г. и 1948 г. Как передавало по радио информационное агентство «Юнайтед Пресс», среди репатриантов «не было изнуренных, павших духом ходячих скелетов, какими предполагала встретить их японская общественность.⁵⁸⁴»

Репатрианты, прибывшие в японский порт Майдзуру, организовывали митинги и собрания, на которых подвергали критике действия оккупационных властей и японского правительства. Слух о том, что советское правительство репатриировало лишь тех, кто разделяет «демократические» взгляды, подтверждались самим составом прибывавших репатриантов, которые скорее походили на политических активистов, чем на людей, которые долгое время не виделись со своими родными и близкими. Поведение репатриантов дало основание представителям США в Союзном совете уже неприкрыто говорить о том, что СССР, используя бывших японских военнослужащих, начал «активную кампанию, рассчитанную на коммунизацию Японии изнутри»⁵⁸⁵.

21 декабря 1949 г. состоялось заседание Союзного совета, на котором обсуждалась проблема репатриации военнопленных японцев. На нем У. Сэболд, вновь комментируя несоответствие советских и американских данных, уже открыто обвинил СССР в задержке более трехсот тысяч японцев, перемещенных на его территорию. Советское представительство во главе с генералом К.Н. Деревянко покинуло Союзный совет, отказавшись далее обсуждать вопрос о военнопленных. К.Н. Деревянко, комментируя свой поступок, по словам корреспондента «Юнайтед Пресс», присутствовавшего на заседании Союзного совета, заявил, что «американские империалисты» в сотрудничестве с японскими «фашистами» использовали вопрос о репатриации как орудие в своей пропаганде наступления, поддерживаемой Д. Макартуром», которая проводилась с целью «вызвать у японцев ненависть к Советскому Союзу и подготовить японское население для использования в качестве

⁵⁸⁴ Там же. Л. 278

⁵⁸⁵ Там же. Л. 284

«пушечного мяса» в Третей мировой войне»⁵⁸⁶. После ухода К.Н. Деревянко У. Сэболд, ссылаясь на данные самих репатриантов, заявил, что 374041 японец могли скончаться в советских лагерях из-за «нечеловеческого обращения»⁵⁸⁷. А представитель Британского Содружества наций У. Ходжссон предложил, чтобы через посредничество Красного Креста или представительства нейтральной державы было установлено количество японцев, задерживаемых на территории СССР.

К.Н. Деревянко прислал в Союзный совет письмо, в котором указал, что США не только потворствуют разрастанию антисоветской пропаганды, вновь и вновь поднимая вопрос о задерживаемых на территории СССР японских гражданах, но и поощряют японскому правительству, которое разгоняет антиправительственные демонстрации и митинги, преследует и задерживает коммунистов и их сторонников. Д. Макартур назвал это письмо «дымовой завесой», которая, по его мнению, должна была отвлечь внимание японской общественности от проблемы репатриации военнопленных японцев из СССР.

3 января 1950 г. в советское посольство в Вашингтоне поступила дипломатическая нота от Государственного департамента США, отправленная 30 декабря 1949 г. В ноте отмечалось, что, благодаря усилиям Австралии, Китая, Франции, Голландии, Новой Зеландии, Филиппин, Великобритании и США, репатриация японских подданных была окончена в 1947 г. Однако Советский Союз, как указывалось в ноте, все еще задерживал на своей территории 376929 человек.⁵⁸⁸ Данные о численности бывших японских военнослужащих, содержащихся в лагерях, были получены японскими чиновниками и подтверждены, как заверяли американцы, «письмами из Сибири» и сотнями бесед, проведенных с репатриантами. Данные о 95 тыс. человек, репатриированных в 1949 г., которые были предоставлены ТАСС, американцы опровергать не стали, отметив лишь, что они не учитывались при определении численности «задерживаемых» в СССР японских подданных.

⁵⁸⁶ Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 559

⁵⁸⁷ Там же.

⁵⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1388. Л. 52

Расхождение между данными ТАСС, на которые опирались советские дипломаты и представители СССР в Союзном совете, и сведениями штаба генерала Макартура, как указывалось в ноте, было слишком велико, «чтобы его можно было отнести на счет канцелярской ошибки или недосмотра», и оно было вызвано или насильственной задержкой этих людей, или «ненормально высокой смертностью». Отказ советских властей о предоставлении информации о численности скончавшихся на территории СССР японцев ставит их родственников «в положение неопределенности и физического страдания»⁵⁸⁹. В соответствии с принципами Женевской конвенции о военнопленных от 12 августа 1949 г., правительство США призывало советское руководство согласиться с назначением международного органа или организации, которые смогли бы провести полное расследование обстоятельств нахождения военнопленных на советской территории.

4 января 1950 г. состоялось заседание Союзного совета, в котором «специальным пунктом» в повестке дня значился вопрос о японских военнопленных, остававшихся на территории СССР. Представители СССР отсутствовали на заседании, поскольку К.Н. Деревянко заявлял неоднократно, что решение проблемы репатриации не входило в компетенцию Союзного совета. У. Сэболд проинформировал представителей Великобритании и Китая о содержании американской ноты, отправленной советскому правительству 3 января 1950 г. У. Сэболд, рассуждая о проблеме «задерживаемых» японских подданных, отметил, что «об этом... необходимо постоянно осведомлять мировое общественное мнение»⁵⁹⁰.

На последующих заседаниях Союзного совета проблема «задерживаемых» японцев не поднималась. К.Н. Деревянко со своими советниками по-прежнему отказывался принимать участие в заседаниях Союзного совета, ссылаясь на то, что вопрос о военнопленных на заседании Союзного совета был поставлен неправомерно. Это позволяло американскому представительству

⁵⁸⁹ Там же. Л. 53.

⁵⁹⁰ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27. Д. 10871. Л. 10

беспрепятственно расширять обвинительную базу. 1 февраля 1950 г. на заседании Союзного Совета У. Сэболд представил доклад «Жизнь и смерть японских военнопленных в лагерях Советского Союза», в котором изложил подробности о размещении, питании, об условиях труда и привел «действительные» данные о смертности и количестве «задерживаемых» на территории СССР японцев. Эти данные, составленные по результатам бесед с репатриантами и по письмам военнопленных японцев, создавали «истинную» картину условий жизни бывших японских военнослужащих в СССР, которую будто бы хотел скрыть Советский Союз.⁵⁹¹

Советское правительство по-прежнему никак не комментировало данные о японцах, умерших и еще находившихся на территории СССР, что лишь убеждало японскую общественность в их правдивости. В 1949 и 1950 гг. перед зданием советской миссии в Токио регулярно устраивались демонстрации японцев, выступавших за ускорение репатриации своих сограждан. К.Н. Деревянко, считая эти демонстрации результатом политической пропаганды Соединенных Штатов, отказывался встречаться с демонстрантами. Активизировался и японский парламент, с 1948 г. выносивший резолюции, содержавшие требования об ускорении репатриации. Подвергся критике и премьер-министр С. Иосида, который, отчитываясь 7 февраля 1950 г. в японском парламенте, сказал, что сведения о количестве задерживаемых японцев были определены исходя из предположительных, неточных данных⁵⁹².

Единственным изданием, последовательно критиковавшим данные штаба генерала Макартура, являлась газета «Акахата», являвшаяся печатным органом КПЯ. В «Акахата» публиковались материалы, ставившие под сомнение обоснованность данных, имевшихся у штаба Д. Макартура. Так, газета сообщала, что в списки военнослужащих Квантунской армии, которая, как считалось, являлась «пропавшей без вести», были включены соединения, разоруженные на тихоокеанских островах. С 1946 г. КПЯ была единственной

⁵⁹¹ Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 566

⁵⁹² ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27. Д. 10871. Л. 110

политической силой, защищавшей действия Советского Союза и активно критиковавшей все обвинения в его адрес. Однако в 1950 г. генеральный секретарь КПЯ К. Токуда подвергся преследованию со стороны оккупационных властей.

В конце февраля 1950 г. в японскую прессу просочились слухи о том, что группа японцев из числа бывших военнопленных под названием «Восходящее солнце» выслала в японский парламент заявление. В нем утверждалось, что К. Токуда в 1949 г. написал письмо одному из японских военнопленных, содержащемуся в лагере № 9 (г. Караганда, Казахская ССР), в котором просил не проводить репатриацию военных преступников и тех, кто разделял «реакционные» взгляды. Один из военнопленных японцев, как утверждалось в заявлении, слышал, как советский офицер, работавший в лагере, упоминал о письме К. Токуда. Более того, его письмо было будто бы опубликовано в «Нихон Симбун». Действия К. Токуда вызвали бурю негодования и осуждения в прессе и среди членов японского парламента.

23 февраля на заседании комиссии по делам репатриации, действовавшей при японском парламенте, были заслушаны показания свидетелей из числа бывших военнопленных. Свидетели путались в показаниях. На очередном, 108-м по счету заседании Союзного совета, состоявшемся 1 марта 1950 г., У. Сэболд, опираясь на письменные показания 44 репатриантов, полученных под присягой, указал на «очевидность» того, что К. Токуда призывал к репатриации только тех военнопленных, которые придерживались коммунистических взглядов⁵⁹³. Он назвал К. Токуда предателем своей родины и просил Д. Макартура принять меры по отношению к нему⁵⁹⁴. Используя обвинения в адрес К. Токуда в качестве еще одного подтверждения незаконной задержки советскими властями сотен тысяч японских военнопленных, У. Сэболд вновь призвал Советский Союз согласиться с прозвучавшими ранее предложениями о проведении расследования всех проблем, связанных с положением иностранных

⁵⁹³ Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 570-571

⁵⁹⁴ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27. Д. 10871. Л. 179

военнопленных в СССР, с помощью специально созданного международного органа, поскольку только в таком случае «позорное пятно... может быть смыто»⁵⁹⁵. В противном случае, как подытожил У. Сэболд, все обвинения против СССР останутся в силе.

16 марта 1950 г. К. Токуда был вызван на заседание комиссии, которая в течение 8 дней опрашивала свидетелей-репатриантов по «делу Токуда». Показания свидетелей были основаны на слухах, и собрать прямые и неопровержимые доказательства комиссия не смогла. Несмотря на противоречия в показаниях свидетелей, а также на отсутствие юридических оснований для судебного преследования, К. Токуда был объявлен виновным. 27 марта комиссия, закончив расследование этого дела, решила передать все материалы в японский парламент, который должен был определить наказание для К. Токуда. Предполагалось даже, что генеральный секретарь КПЯ будет привлечен к уголовной ответственности, но при этом не пояснялось, по какой именно статье его следовало судить. Главное юридическое управление Японии не нашло в его поступке оснований для того, чтобы предать его суду⁵⁹⁶.

29 марта 1950 г. состоялось слушание «дела Токуда» в нижней палате японского парламента — палате представителей. Следом за К. Токуда обвинения в рассылке аналогичных писем были предъявлены и другим членам КПЯ. Генеральный секретарь КПЯ и весь его состав считались предателями, совершившими преступление против своего же народа. МИД СССР поспешил опровергнуть все обвинения в адрес К. Токуда. В сообщении ТАСС относительно «дела Токуда» было отмечено, что члены японского парламента «охотно выслушивают всяких проходимцев и вралей»⁵⁹⁷.

Ажиотаж, созданный японской прессой в связи с «делом Токуда», показывает также и то, что японское общество было обеспокоено судьбой своих соотечественников, остававшихся в СССР, вне зависимости от того, каких взглядов — «реакционных», проамериканских или «демократических»,

⁵⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1388. Л. 81

⁵⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1389. Л. 93

⁵⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1388. Л. 79

просоветских — они придерживались. Оккупационные власти, зная о том, что Советский Союз не представил каких-либо ответных доказательств, вовремя воспользовалось «делом Токуда» для распространения антисоветских настроений в японском обществе. Одной из парламентских фракций уже 15 марта 1950 г. отмечалось, что вызов Генерального секретаря КПЯ в комиссию по делам репатриации является «политической интригой и преднамеренным вызовом в отношении СССР».⁵⁹⁸

В апреле 1950 г. в Японию вернулись последние из находившихся на территории СССР японцев — генералы. 17 апреля генерал С. Иида от имени первой партии прибывших генералов заявил: «Мы от души приносим благодарность за то, что нас, военных, несущих ответственность за военное поражение, народ встречает с сочувствием... я прошу и впредь отдать все силы движению за ускорение репатриации лиц, которым уже сейчас определен срок наказания, как военным преступникам и лиц, которые сейчас обвиняются в военных преступлениях и находятся под следствием».⁵⁹⁹

ТАСС СССР сообщило о том, что к 22 апреля 1950 г. репатриация бывших военнослужащих Квантунской армии из СССР была завершена. Представители японского правительства комментировать сообщение ТАСС СССР отказались, а У. Сэболд заявил, что впредь не следует «доверять сообщению какого-то информационного агентства»⁶⁰⁰. Параллельно с подготовкой сообщения ТАСС о завершении репатриации японских военнопленных из Советского Союза МИД СССР совместно с МВД СССР готовили ответную ноту правительству США, в которой планировалось опровергнуть данные, которыми оперировал штаб генерала Макартура. Проект ноты был составлен 17 апреля и редактировался еще два раза, причем, в третьей редакции, составленной уже после опубликования сообщения ТАСС об окончании репатриации, был резко изменен тон сообщения. В ноте данные штаба генерала Макартура были охарактеризованы, как «прямое извращение фактов», а все заявления об

⁵⁹⁸ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27. Д. 10871. Л. 91

⁵⁹⁹ Там же. Л. 220

⁶⁰⁰ Там же. Л. 233

условиях содержания военнопленных японцев в лагерях были названы злостным вымыслом, распространяемым с враждебными Советскому Союзу целями. Исходя из этих соображений, а также опираясь на опубликованные в сообщении ТАСС данные, советское правительство, как указывалось в проекте ноты, отклоняет предложение правительства США, содержащееся в дипломатической ноте от 30 декабря 1949 г., о проведении беспристрастного расследования условий содержания военнопленных японцев в СССР со стороны специального органа или организации.⁶⁰¹ Однако в итоге нота отправлена не была и предложение правительства США осталось без ответа.

Отсутствие представителей Советского Союза в Союзном совете не способствовало улучшению репутации СССР, поскольку содержание заседаний Союзного совета, посвященных репатриации военнопленных японцев, через заявления представителей США в Союзном совете публиковалось в японской прессе. 10 мая 1950 г. на очередном заседании Союзного совета У. Сэболд зачитал резолюцию, принятую обеими палатами японского парламента, в которой содержалось требование опубликовать фамилии больных и умерших японских военнопленных, осужденных военных преступников и провести расследование этой проблемы с помощью ООН или иной другой международной организации⁶⁰². Тогда У. Ходжсон, напомнив о своем предложении создать специальную комиссию в ООН, которая могла бы заняться вопросом о японцах, остававшихся в СССР, отметил, что не сможет предложить какие-либо дальнейшие шаги, поскольку разрешение проблемы репатриации японских военнопленных из СССР требовало «доброй воли, сотрудничества и уважения основных прав человека», которыми, с его слов, не руководствовался Советский Союз⁶⁰³.

В японской прессе активно публиковались итоги заседания Союзного совета, состоявшегося 10 мая 1950 г., а также заявления У. Сэболда и У. Ходжсона. И вновь ответ Советского Союза был ограничен лишь сообщением ТАСС, проект

⁶⁰¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1388. Л. 103

⁶⁰² Там же. Л. 104.

⁶⁰³ Там же. Л. 104

которого, после внесения В.М. Молотовым незначительных поправок, был утвержден И.В. Сталиным и опубликован в печати 9 июня 1950 г.⁶⁰⁴ Обвинения в адрес СССР повторялись и на последующих заседаниях Союзного совета⁶⁰⁵.

В декабре 1950 г. на пятой сессии Генеральной Ассамблеи ООН была создана комиссия по вопросу о военнопленных, оставшихся на территории СССР. Ее первое заседание было назначено на 21 января 1952 г.⁶⁰⁶ Но даже после того, как вопрос о военнопленных был передан на рассмотрение в Генеральную Ассамблею ООН, У. Сэболд не ослабил критику СССР, а усилил ее, сосредоточив внимание на осужденных в Советском Союзе военных преступниках, которые были «брошены на произвол судьбы без всякой надежды на возвращение на родину и даже лишены возможности вести переписку.⁶⁰⁷»

После того, как в 1948 г. работа Международного военного трибунала для Дальнего Востока была завершена, между советскими и американскими дипломатами начали возникать разногласия относительно того, кого следует считать военными преступниками. Одно из самых принципиальных разногласий по этому поводу проявилось в конце 1949 г. — начале 1950 г., вскоре после того, как был завершен Хабаровский судебный процесс. Советское руководство и, в особенности, министерство иностранных дел СССР было твердо убеждено в том, что именно император Хирохито являлся главным военным преступником, которого следовало судить на Международном военном трибунале для Дальнего Востока еще в 1946 г.

Советское руководство полагало, что император мог стать символом, вокруг которого смогли бы объединиться реваншисты. В марте 1946 г. в директиве советским представителям в Международном военном трибунале было указано, что вступать в споры с американцами относительно привлечения Хирохито к

⁶⁰⁴ Правда. 9 июня 1950 г. № 160. С. 2

⁶⁰⁵ Относительно одного из них, состоявшегося 2 августа 1950 г. была опубликована статья в газете «Правда» (25 августа 1950 г. № 237. С. 4) под названием «Сознательная ложь Сэболда». Примечательно, что ранее статьи о событиях в Союзном совете не публиковались в советской печати.

⁶⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1388. Л. 126

⁶⁰⁷ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 27. Д. 10871. Л. 24

судебной ответственности не следует. Однако к 1950 г. взаимоотношения бывших союзников по антигитлеровской коалиции кардинально поменялись. Советское руководство решило пресечь всякую возможность использования реваншизма в интересах США.

К 1 февраля 1950 г. МИД СССР представил окончательный проект дипломатической ноты США, который был утвержден В.М. Молотовым. В ноте, опираясь на результаты Хабаровского судебного процесса, было предложено включить императора Хирохито к числу военных преступников и предать суду. 3 февраля 1950 г. МИД СССР получило ответную ноту от Государственного департамента США. Предложение советских дипломатов, по мнению американской стороны, было направлено на то, чтобы затянуть решение проблемы репатриации более 370 тыс. японских военнопленных. Учитывая, что решение Дальневосточной комиссии⁶⁰⁸ от 3 апреля 1946 г. рекомендовало исключить японского императора из списка обвиняемых на Международном военном трибунале для Дальнего Востока, а также то, что Советский Союз тогда же не внес на рассмотрение в этот список кандидатуру императора Хирохито, предложение советских дипломатов, как указывалось в ноте Госдепартамента США, «явным образом ставит под сомнение истинные цели советской ноты»⁶⁰⁹.

Японский император являлся сакральной фигурой для японского общества и государства почти во все времена. В настоящее время исследователи-востоковеды отмечают усилия императора Хирохито, направленные на скорейшее прекращение в 1945 г. военных действий и заключению такого договора с Союзными державами, которое бы нанесло наименьший вред

⁶⁰⁸ Дальневосточная комиссия (ДВК) — международная комиссия, функции которой состояли в том, чтобы формулировать политическую линию, принципы и общие основания, в соответствии с которыми могло осуществляться выполнение Японией ее обязательств по условиям капитуляции, и пересмотр по требованию любого члена комиссии любой директивы, изданной главнокомандующим союзными войсками в Японии, или любые принятые им решения. В состав комиссии входило 11 государств, в том числе СССР, США, Великобритания, Австралия и Китай. Все действия главнокомандующего союзными войсками в Японии должны были соответствовать решениям, принятым ДВК. // Международные отношения и внешняя политика СССР (Сборник документов), 1871-1957. М., 1957. С. 157-158

⁶⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1387. Л. 78

Японии. Несмотря на то, что в 1946 г. Хирохито был вынужден отказаться от всяких притязаний на божественность, в течение довольно продолжительного периода он негласно считался символом единства японского народа и государства. После того, как были выполнены условия Потсдамской декларации и разоружены японские войска, оккупационные власти не решились дестабилизировать обстановку внутри Японии, включив японского императора в список военных преступников. Заключение и суд над Хирохито могли вызвать в японском обществе непрогнозируемые последствия. В такой обстановке в Японии могло существенно возрасти влияние социалистических и коммунистических сил, чего американцы допускать не хотели. Поэтому не исключено, что предложение советских дипломатов рассматривалось ими не только как уход от темы репатриации, но и как первый шаг к «коммунизации Японии».

Помимо императора Хирохито, МИД СССР предложило предать суду и тех военных преступников, которые скрылись в Японии и избежали наказания. К таковым относились: Исии Сиро⁶¹⁰, упоминавшийся в предыдущей главе, Китано Масадзо,⁶¹¹ Вакамацу Юдзиро⁶¹² и Касахара Юкио⁶¹³. О них сообщалось в дипломатической ноте СССР, полученной Государственным департаментом США 11 мая 1950 г.⁶¹⁴ Однако он, также как и аппарат штаба генерала Макартура, игнорировал итоги Хабаровского судебного процесса. В качестве подтверждения своего мнения представители США в Союзном совете приводили материалы дел Международного военного трибунала для Дальнего Востока и допросов бывших японских офицеров, в которых отсутствовали доказательства того, что в Маньчжурии велась разработка бактериологического оружия, и готовилось его применение на советской территории.

⁶¹⁰ В феврале 1947 г. американской стороне предлагалось обменять возглавлявшего «отряд № 731» И. Сиро и бывшего начальника 4 отдела «отряда № 731» подполковника Оота на двух японских генералов, находившихся в лагерях МВД, в которых была заинтересована американская сторона. Предложение было отвергнуто. // ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 234. Л. 373

⁶¹¹ Китано Масадзо — генерал-лейтенант медицинской службы.

⁶¹² Вакамацу Юдзиро — генерал-лейтенант ветеринарной службы. Возглавлял «отряд №100».

⁶¹³ Касахара Юкио, как выяснило следствие, являлся бывшим начальником штаба Квантунской армии.

⁶¹⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1387. Л. 42

С самого начала пребывания союзнических войск на территории Японии МИД СССР расценивал деятельность аппарата Главнокомандующего союзными войсками в Японии как враждебную по отношению к СССР. 3 декабря 1946 г. сотрудниками советского представительства в Союзном совете был составлен обзорный доклад, в котором были проанализированы итоги первого года деятельности оккупационного правительства союзников. В докладе был сделан вывод о том, что политика оккупационных властей была направлена на закрепление безраздельного господства США и их союзников в северо-западной и северной части Тихого Океан⁶¹⁵. Министерство иностранных дел СССР, анализируя действия представителей оккупационных властей, сопоставляя их с другими фактами, пришло к выводу, что Соединенные Штаты не только ведут активную работу среди японцев, настраивая их против СССР и пресекая деятельность и агитацию прокоммунистических сил, но и используют для этой цели реваншистские настроения японцев (особенно распространенные среди бывших офицеров), настраивая их против СССР. Американские советники генерала Макартура решили остановить ослабление Японии и прекратить дальнейшее преследование военных преступников, считая, что угрозы национальной безопасности США они и их последователи не представляют.

7 марта 1950 г. Д. Макартур издал циркуляр № 5, согласно которому все военные преступники, осужденные по решению Международного военного трибунала для Дальнего Востока, получали право на досрочное освобождение. 31 марта 1950 г. штаб главнокомандующего союзными войсками в Японии разработал «стандартные условия освобождения», согласно которым специально сформированная комиссия (в которую, как опасались советские дипломаты, не войдут представители СССР) будет принимать решения о досрочном освобождении отбывавших наказания военных преступников.

Об этом стало известно руководству Советского Союза. В дипломатической ноте, утвержденной на заседании Политбюро 9 мая 1950 г., американскому

⁶¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 212. Л. 46

правительству был выражен протест действиям Д. Макартура. В ноте указывалось, что циркуляр генерала Д. Макартура являлся грубым нарушением норм и принципов международного права. МИД СССР также призывал отменить действие циркуляра № 5 главнокомандующего союзными войсками в Японии и в дальнейшем исключить всякую возможность изменения и смягчения приговора военным преступникам, осужденным в ходе Международного военного трибунала для Дальнего Востока или их досрочного освобождения. Нота была отправлена 11 мая 1950 г.

9 июня 1950 г. в ответной ноте Государственный департамент США сообщил, что, опираясь на статью 17 устава Международного военного трибунала для Дальнего Востока, а также на решения Дальневосточной комиссии, Д. Макартур имел право смягчать или иным образом изменять приговор, но не в сторону его ужесточения. Освобождение же военных преступников, согласно логике американской стороны, не являлось изменением приговора. Государственный департамент США просил также сосредоточиться на решении проблемы репатриации японских военнопленных из СССР. О содержании этой ноты 10 июля был извещен И.В. Сталин.

В ответ МИД СССР была подготовлена нота, в которой было подчеркнуто, что решение о возможности досрочного освобождения лиц, осужденных в ходе Международного военного трибунала для Дальнего Востока, означает явное злоупотребление Д. Макартуром своими полномочиями⁶¹⁶. МИД СССР заявил в ноте, что не находит в 17-м пункте устава Дальневосточной комиссии никаких указаний, разрешавших освобождение преступников от наказания, и упоминание Государственного департамента о том, что досрочное освобождение преступников не является изменением приговора равносильно утверждению о том, что «преступник, находясь на свободе, в то же время находится в тюрьме»⁶¹⁷. На основании всего перечисленного Государственному департаменту было предложено отменить действие циркуляра № 5 в части,

⁶¹⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1387. Л. 49

⁶¹⁷ Там же. Л. 50

касавшейся освобождения главных военных преступников, осужденных в ходе Международного военного трибунала для Дальнего Востока.

Советское руководство было обеспокоено отходом США от некогда единых позиций в отношении осуждения военных преступников и опасалось возрождения реваншистов и милитаристов, поддерживаемых США. Государственный департамент США и аппарат главнокомандующего союзными войсками в Японии были уверены в том, что поднятые внешнеполитическим ведомством СССР вопросы имели своей целью отвлечь внимание Союзного совета и аппарата штаба Макартура от проблемы репатриации японцев из СССР. В июле 1950 г. 1-й заместитель министра иностранных дел А.А. Громыко внес на рассмотрение Политбюро ЦК ВКП(б) проект ответной ноты правительству США, в которой сообщалось, что поднятый в ноте США вопрос о японских военнопленных полностью исчерпан, а вся информация по проблеме репатриации была опубликована в заявлениях ТАСС. Нота была утверждена и отправлена адресату.

Таким образом, в 1950 г. из-за политических разногласий США и СССР обсуждение проблемы репатриации японских военнопленных из СССР зашло в тупик. 20 декабря 1950 г. впервые с декабря 1949 г. советские представители появились на заседании Союзного совета, в котором первым пунктом значился вопрос относительно условий содержания японских военнопленных, осужденных в Советском Союзе. Накануне, в письме И.В. Сталину, А.А. Громыко предложил дать указания советским представителям в Союзном совете не покидать заседание Союзного совета и не втягиваться в обсуждение репатриации военных преступников, а сосредоточиться на обсуждении репрессий, осуществленных оккупационными властями против японских демократических организаций.⁶¹⁸ В проекте телеграммы генералу А.П. Кисленко он предписал также обратить внимание председателя Союзного совета У. Сэболда на то, что постановка вопроса о содержащихся в СССР военных преступниках имела цель отвлечь внимание японского народа от

⁶¹⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1388. Л. 119

экономического и политического закабаления Японии. Обсуждение проблемы репатриации японских военнопленных из СССР, как далее отмечал А.А. Громько, противоречило Положению о Союзном совете для Японии. При этом А.П. Кисленко было запрещено вступать в дискуссии с представителями США о том, какие вопросы могли обсуждаться на заседаниях Союзного совета. Внося правки в проект телеграммы, он дал следующие указания: «Вы вообще должны проявить твердость и выдержку на заседании Союзного совета и не втягиваться в обсуждение тех или иных мелких вопросов процедуры»⁶¹⁹.

После того, как вопрос о репатриации японских подданных, в том числе и осужденных в СССР бывших японских военнослужащих, был передан в комиссию по расследованию проблемы военнопленных, созданную при ООН, изменений в позициях американской и советской сторон не последовало⁶²⁰. Политический оттенок проблемы возвращения всех японских подданных (и военнопленных, и интернированных) из СССР, которых советское правительство считало военными преступниками, не позволял по существу разрешить эту проблему.

Сдвиги в решении этой проблемы произошли лишь после того, как с территории Японии были выведены американские войска, оккупационный период в истории Японии завершился, и она стала суверенным государством. В апреле 1952 г. член японского парламента Томи Кора⁶²¹, находясь в СССР в качестве участницы проходившего в Москве Международного экономического совещания, изъявила желание навестить больницы, в которых проходили лечение военные преступники и посетить могилы уже умерших японцев. В беседе с А.А. Громько она подчеркнула, что прибыла «только как частное лицо, как мать и пожилая женщина», чтобы успокоить родственников осужденных военнопленных и, по прибытии в Японию, развеять все слухи и

⁶¹⁹ Там же. Л. 121

⁶²⁰ Обстоятельства расследования ситуации с военнопленными в специальной комиссии ООН, как представляется, требуют специального исследования и выходят за рамки данной работы.

⁶²¹ Томи Кора — член верхней палаты советников японского парламента, участник московского Международного экономического совещания, проходившего с 3 по 12 апреля 1952 г. В японском парламенте она выступала за мирное урегулирование всех проблем, имевшихся в советско-японских отношениях.

домыслы, распространяемые японской прессой⁶²². А.А. Громыко в целом поддержал ее желание, отметив, что сведения о задержании или гибели в СССР сотен тысяч японских подданных, в т.ч. и военнопленных, являются не более чем вымыслом, т.к. «более или менее значительного числа людей нельзя спрятать, это не вещи»⁶²³.

Главы МИД СССР, Внешнеполитическая комиссия ЦК ВКП(б), МВД и МГБ посчитали возможным удовлетворить просьбу японки, хотя посещение кладбищ и больниц было запрещено ее секретарю — бывшему военнопленному Сигэру Мацуяма⁶²⁴. Поездка Т. Кора состоялась в первой половине мая 1952 г., во время которой ее сопровождали сотрудники МВД и МГБ. Она посетила одно самое большое кладбище, расположенное в 60-70 км от Хабаровска и один спецгоспиталь, в котором представитель японского парламента смогла лично встретиться с военнопленными и переговорить с ними⁶²⁵. Также Т. Кора задавала и другие интересовавшие ее и японскую общественность вопросы: в частности, она спросила, разрешена ли была военным преступникам переписка и каков характер заболеваний находившихся в спецгоспитале военных преступников. В целом и сама поездка, и общение с представителями МВД СССР, в частности, с начальником УМВД Хабаровского края В.С. Царевым, у представительницы японского парламента оставили благоприятное впечатление. Однако перед возвращением в Японию она отметила, что вопрос о военнопленных является достаточно острым, а «какое-либо неосторожное, несвоевременное и недостаточно продуманное сообщение по этому вопросу может привести к весьма нежелательным результатам»⁶²⁶.

⁶²² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1388. Л. 138-139

⁶²³ Там же. Л. 145

⁶²⁴ Сигэру Мацуяма (Мицитаро Мураками) — секретарь Т. Кора, бывший военнопленный, вернувшийся в Японию из СССР в ноябре 1949 г.

⁶²⁵ Т. Кора собиралась посетить и другие кладбища. Однако начальник УМВД Хабаровского края В.С. Царев отказал ей в этом, аргументируя это тем, что «в связи с состоянием дорог из-за весенней распутицы доступ туда затруднителен». (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1388. Л. 169). Сказанное им, конечно, являлось правдой, но скорее всего посещение других кладбищ было нежелательно для представителей МВД, поскольку они или находились в неудовлетворительном состоянии, или были расформированы. Также Т. Кора интересовалась, существуют ли другие спецгоспитали или лагеря для японских военнопленных, на что ей был дан отрицательный ответ.

⁶²⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1388. Л. 171-172

Поездка Т. Кора стала одним из примечательных событий, обсуждаемых в японской прессе. Тем не менее после возвращения Т. Кора в Японию количество домыслов и слухов, распространяемых японской прессой относительно освобождения японцев из советских лагерей, увеличилось. В частности, в японской печати были распространены слухи о том, что в случае заключения сепаратного мирного договора с Японией Советский Союз возвратит на родину 182 тыс. японских военнопленных. В связи с этим было даже издано опровержение от ТАСС о ложности этих слухов⁶²⁷.

Проблема репатриации осужденных японских военнопленных, несмотря на ее политическую подоплеку, все же являлась проблемой гуманитарного характера. Но поскольку ГУПВИ МВД было расформировано в 1953 г., а управление Уполномоченного при Совете Министров СССР по делам репатриации было упразднено еще в 1950 г., решения требовал целый комплекс организационных вопросов, связанных с репатриацией японских военнопленных. В частности, для обсуждения порядка и сроков репатриации осужденных военнопленных требовался посредник между японской стороной и советскими органами внутренних дел.

Таковым в переговорах между советской и японской сторонами выступила Международная организация Красного Креста. 24 марта 1953 г. в Токио на съезде делегатов японского общества Красного Креста по вопросам освобождения и помощи японцам, находившимся на советской территории, была принята резолюция, в которой содержалась просьба всем обществам Красного Креста об оказании помощи в вопросе репатриации⁶²⁸. 27 марта 1953 г. о ее содержании был извещен председатель Исполнительного комитета Союза обществ Красного Креста и Красного полумесяца СССР (СОКК и КП СССР) В.А. Холодков. 21 августа 1953 г. Генри Даннин, исполнительный секретарь Международного общества Красного Креста, информировал В.А. Холодкова о том, что любые действия с советской стороны, предпринятые

⁶²⁷ Там же. Л. 188

⁶²⁸ ГА РФ. Ф. 9501. Оп. 5. Д. 84. Л. 260

по разрешению проблемы репатриации японских подданных из СССР, будут приветствоваться.

О стремлении японского Красного Креста выступить посредником в переговорах между СССР и Японией, было сообщено руководству страны. На ключевые вопросы японской стороны, касавшиеся количества военнопленных японцев, задерживаемых и скончавшихся на советской территории, А.А. Громько, С.Н. Кругловым и В.А. Холодковым были заранее подготовлены и утверждены ответы⁶²⁹. Также было решено, что транспорт для репатриации будет предоставлен японской стороной, а в случае ухудшения климатических условий репатриации. следовало откладывать до улучшения погоды.

Инициативы японского общества Красного Креста были встречены В.А. Холодковым положительно. 28 октября 1953 г. прибыла делегация японского общества Красного Креста, возглавляемая Тадацугу Симадзу.⁶³⁰ В ходе переговоров В.А. Холодков пообещал, что СОКК и КП СССР окажут содействие в репатриации 420 военнопленных и 900 интернированных, которые отбыли сроки заключения, были амнистированы согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. или освобождены досрочно⁶³¹. 19 ноября 1953 г. было подписано совместное коммюнике, в котором СОКК и КП СССР пообещали оказывать содействие возвращению оставшихся 1047 японских военнопленных, содержащихся на территории СССР. 24 ноября делегация, сопровождаемая корреспондентами японской газеты «Асахи Синбун», посетила лагерь для осужденных военнопленных (вероятно, Хабаровский лагерь № 16), а 28 ноября, в ходе последнего совместного заседания, обе стороны заявили об удовлетворительных итогах переговоров по проблеме репатриации, полученных в «атмосфере взаимопонимания».⁶³² Несмотря на такую оценку поездки делегации, на ряд вопросов, которые впервые прозвучали еще на заседаниях Союзного совета, корреспонденты

⁶²⁹ Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 669

⁶³⁰ ГА РФ. Ф. 9501. Оп. 5. Д. 84. Л. 66

⁶³¹ Там же. Л. 66

⁶³² Там же. Л. 72

японских газет, освещавших переговоры, не получили однозначный ответ. К примеру, в ответ на просьбу озвучить точное число скончавшихся на территории СССР японцев советская сторона сослалась на данные, присутствовавшие в сообщениях ТАСС, из которых следовало, что число скончавшихся составляло 10267 человек.

Репатриация 1953 г., как было решено после согласования с органами внутренних дел, проводилась через порт Находка на пароходах двумя равными группами. Т. Симадзу сообщил в телеграмме В.А. Холодкову⁶³³, что репатрируемые начали прибывать в Японию уже 1 декабря 1953 г., а 24 декабря завершилось возвращение первой группы репатрируемых — 464 человек. 18 марта 1954 г. в Японию вернулась вторая группа репатриантов — 420 человек.⁶³⁴ Сообщения об этом были опубликованы в японской и в советской печати.

После возвращения японцев на родину процесс освобождения остальных осужденных японских военнопленных затянулся. Переписка японского общества Красного Креста и СОКК и КП СССР по вопросам поиска и скорейшей репатриации военнопленных стала регулярной. Репатриация японских военнопленных и гражданских лиц в период с 1954 г. по 1955 г. проводилась мелкими группами в количестве от трех до сорока человек и в основном состояла из тех, у кого истек срок заключения. Основная масса осужденных военнопленных все еще оставалась в заключении. В Японии, так же, как и десять лет назад, такое положение дел воспринималось как задержка репатриации.

Японцы были убеждены, что Советский Союз намерен репатриировать военных преступников в том случае, если Япония согласится на подписание мирного соглашения на условиях, которые были выгодны СССР. 11 июня 1956 г. у стен здания советской миссии в Токио группой из 18 человек была сооружена баррикада в знак протеста против задержки японских

⁶³³ Там же. Л. 75

⁶³⁴ Там же. Л. 77

военнослужащих в СССР⁶³⁵.

В середине 1956 г., в рамках нормализации советско-японских отношений советские дипломаты не исключили возможность того, что в случае успеха переговоров с японской стороной все осужденные на территории СССР японские подданные будут освобождены и репатрированы. Проблема возвращения японцев на родину являлась одной из незначительных на фоне других проблем, которые рассматривались на советско-японских переговорах в июле 1956 г., поэтому стороны быстро пришли к единому мнению относительно нее. 22 августа 1956 г. министр иностранных дел Японии Сигэмицу Мамору пожелал посетить лагерь для военнопленных и позднее характеризовал результат своей поездки как удовлетворительный.

Репатриация 1956 г. длилась с мая по декабрь и проводилась небольшими партиями по 20-30 человек. В октябре 1956 г. численность отправляемых групп репатриантов была увеличена с 25 до 46 человек. Самая многочисленная группа репатриантов насчитывала 115 человек и прибыла в Японию уже 15 августа. В основном репатриации подвергались гражданские лица, хотя уже тогда, согласно данным СОКК и КП СССР, на следовавшем в Японию пароходе находились осужденные японцы, чей срок заключения еще не заканчивался в 1956 г.

19 октября 1956 г. была представлена декларация об итогах советско-японских переговоров, в которой была закреплена договоренность о репатриации всех осужденных военнопленных японцев. Многие проблемы гуманитарного характера, к которым относилось отсутствие списков японцев, скончавшихся на территории СССР с августа 1945 г. по 1956 г. и данных об их численности, так и не были решены на советско-японских переговорах, хотя в совместной декларации и было указано, что «СССР, по просьбе Японии, будет продолжать выяснять их судьбу»⁶³⁶.

Даже после того, как декларация об итогах советско-японских переговоров

⁶³⁵ Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. С. 681

⁶³⁶ Там же. С. 485

была опубликована, не все военнопленные японцы поверили в то, что они более не являются заключенными. Для разрядки атмосферы были сняты некоторые лагерные ограничения: теперь уже бывшим заключенным было разрешено побывать в Хабаровске, посетить театры и кино⁶³⁷. 20 декабря 1956 г. в Доме офицеров в Хабаровске состоялся прием, устроенный в честь освобождения и возвращения на родину японских подданных. 26 декабря 1956 г. на пароходе «Коан-Мару» последняя группа военнопленных японцев вернулась на родину⁶³⁸.

Выводы

С начала 1946 г. родственники японских солдат и офицеров, разоруженных Красной Армией в августе 1945 г., требовали от главнокомандующего союзными войсками в Японии Д. Макартура принять необходимые меры для того, чтобы вернуть на родину своих соотечественников. Представители командования союзных войск в Японии, стремясь снять с себя ответственность за задержку репатриации японских военнопленных, объявили о том, что Советский Союз нарушил 9-й пункт Потсдамской декларации от 27 июля 1945 г., и в течение четырех лет не выполнял условия соглашения, заключенного между представителем СССР в Союзном совете и представителем главнокомандующего союзными войсками в Японии. Затем оккупационные власти уже открыто обвинили советское правительство в незаконной задержке и негуманном обращении с «сотнями тысяч» военнопленных японцев, размещенных на территории СССР.

Таким образом, проблема репатриации бывших японских военнослужащих, размещенных в лагерях МВД, к 1947 г. стала политической. Противостояние СССР и США мешало по существу решить эту проблему. США использовали недовольство японской общественности для ослабления позиции СССР в Японии.

Численность и состав репатриантов, а также сроки проведения репатриации в

⁶³⁷ Там же. С. 490

⁶³⁸ Там же. С. 687

1946-1950 гг. определялись, с одной стороны, внешнеполитическими обстоятельствами (нарастание антисоветских настроений в Японии, поощряемых США), с другой — экономическими интересами СССР (получение прибыли от предприятий, использовавших труд японских военнопленных). В 1946-1947 гг., несмотря на просьбы МИД СССР, МВД СССР освободило из лагерей только ослабленных, нетрудоспособных, больных военнопленных и японцев, размещенных в нерентабельных лагерных отделениях. Их труд не приносил прибыли народному хозяйству СССР, а, следовательно, их освобождение из лагерей было более целесообразно для советского руководства, чем репатриация трудоспособных японцев.

Несмотря на то, что к 1948 — 1950 гг. труд бывших японских военнослужащих представлял ценность для советской экономики, освобождение всех военнопленных японцев было необходимо для того, чтобы не допустить еще большего ослабления влияния СССР в Японии. В период с 1950 г. по 1953 г. репатриация военных преступников из числа японских военнопленных, осужденных на территории Советского Союза, напрямую зависела от внутривнутриполитических изменений, произошедших в СССР, таких как вступление в силу Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии» от 27 марта 1953 г. Окончательно проблема репатриации из СССР японских военнопленных была решена в декабре 1956 г., когда вступила в силу совместная советско-японская декларация, т.е. уже после того, как Япония стала суверенным государством.

Заключение

Пребывание японских военнопленных на территории Советского Союза является одной из малоисследованных проблем, связанных с итогами Второй мировой войны. Исследование этой проблемы осложняется как недоступностью архивных материалов, так и наличием вопросов, не решенных в советско-японских отношениях до сих пор.

Одним из них является установление точной численности скончавшихся, пропавших без вести и оставшихся на территории СССР военнопленных японцев. До сих пор не установлены местонахождения большинства кладбищ, на которых были похоронены скончавшиеся японские военнопленные. Посещение могил военнопленных японцев их родственниками, желающими почтить память своих близких, стало возможным лишь в 1990-е годы. Часть кладбищ, располагавшихся вблизи городов, были разрушены в связи с расширением городской инфраструктуры, а другие, находившиеся под ответственностью региональных органов внутренних дел СССР, были заброшены. Наконец, не до конца решен вопрос о выплате денежных компенсаций японцам, вернувшимся из лагерей НКВД (МВД) СССР. Советские деньги, заработанные военнопленными, выполнявшими и перевыполнявшими производственные нормы, советское правительство запрещало вывозить за пределы СССР.

В данном диссертационном исследовании пребывание японских военнопленных рассмотрено не только как гуманитарная проблема, по сей день не решенная в российско-японских отношениях. Анализ источников показал, что японские военнопленные за время своего пребывания на территории СССР внесли свой вклад в восстановление послевоенной экономики Советского Союза. Их труд стал одним из средств, которые использовало советское правительство для выполнения задач, указанных в четвертом пятилетнем экономическом плане, который был утвержден Верховным Советом СССР 18 марта 1946 г.

В сентябре 1945 г. военнопленные японцы были переданы в ведение наркомата внутренних дел, который был ответственен за их размещение и использование их труда. Вследствие скоротечности советско-японской войны лагеря НКВД не были подготовлены к их приему. Несмотря на то, что условия в большинстве лагерей являлись непригодными для проживания, размещение японских военнопленных прекращено не было. Наличие жилищно-бытовых проблем в лагерях объяснялось как неповоротливостью послевоенной системы военного плена, недостатком материальных средств, так и отсутствием опыта, а иногда и добросовестности у региональных партийных органов и управлений внутренних дел.

Вследствие недостаточного контроля за физическим состоянием бывших японских военнослужащих в лагерях НКВД (МВД) с 1945 г. по 1947 г. сохранялись высокая заболеваемость и смертность. Их причиной являлись не только жилищно-бытовые проблемы, но и неудовлетворительные условия труда и недостаточные объемы продовольственного снабжения военнопленных японцев. Ухудшение физического состояния японских военнопленных напрямую влияло на экономические результаты, получаемые от их труда. К концу 1947 г. — началу 1948 г. руководству НКВД (МВД) и советскому правительству удалось сократить количество больных и нетрудоспособных японцев и улучшить показатели производительности их труда. Если в марте 1946 г. менее 40% занятых на производстве японцев выполняли и перевыполняли производственные нормы, то к марту 1949 г. их соотношение составляло уже 78%.

Советское правительство стремилось не только получить прибыль от труда бывших японских военнослужащих, но и использовать их для укрепления советского влияния в Японии. Министерства вооруженных сил и внутренних дел проводили политическую работу в лагерях МВД, направленную на создание у японских военнопленных положительного образа советской государственной системы. Эффективность политической работы снижали проблемы, связанные с трудом, бытом и питанием японских военнопленных.

Однако ее результатом являлось увеличение числа политически активных военнопленных японцев, придерживавшихся коммунистических взглядов и лояльно относившихся к политическому строю СССР и действиям советского правительства на международной арене.

Одновременно с политической работой следственные органы МВД занимались выявлением военных преступников, виновных в истязаниях советских граждан, шпионаже на территории СССР, руководстве и осуществлении разведывательно-диверсионной работы против войск Красной Армии. В ходе следственной работы к середине 1948 г. руководству МВД стали известны имена и фамилии японцев, ответственных за подготовку бактериологической войны против СССР. В декабре 1949 г. они были осуждены на Хабаровском открытом судебном процессе согласно статье 1 указа Президиума Верховного Совета СССР № 39 от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников», несмотря на то, что содержание этого указа не соответствовало составу преступлений, совершенных подсудимыми.

Репатриация японских военнопленных, размещенных на территории СССР, началась в 1946 г. и завершилась в 1956 г. С осени 1946 г. по апрель 1950 г. из СССР были репатрированы все военнопленные японцы, кроме тех, которые были задержаны следственными органами МВД. США воспользовались недовольством японской общественности, требовавшей скорейшей репатриации всех своих соотечественников, для ослабления влияния СССР в Японии. Число японцев, поддерживавших политику Советского Союза в Японии, было увеличено за счет просоветски настроенных бывших японских военнослужащих, прибывших из СССР. Начиная с 1947 г. проблема репатриации японских военнопленных уже являлась не общественной, а политической проблемой.

С 1953 г. решение этой проблемы осуществлялось через взаимодействие

советского и японского обществ Красного Креста. Также она обсуждалась на советско-японских переговорах вместе с вопросами, связанными с нормализацией отношений. 19 октября 1956 г. в декларации об итогах советско-японских переговоров была достигнута договоренность о репатриации всех японских подданных, и 23 декабря 1956 г. в порту г. Находки они были переданы представителю японского правительства Х. Тацуэ.

Все проблемы, связанные с содержанием и деятельностью иностранных военнопленных, были вызваны тем, что система военного плена в СССР не являлась эффективной. Для внесения любых изменений в нормы обращения с военнопленными, даже самых незначительных, требовались указания руководства МВД и советского правительства. В СССР отсутствовал единый свод норм, связанных с обращением, содержанием, уголовным преследованием, политическим просвещением и репатриацией иностранных военнопленных, что вынуждало руководство МВД каждый год выпускать десятки приказов, указаний и директив.

На основе изученных в ходе исследования источников становится возможным сделать вывод о том, что проблемы, связанные с трудом, бытом, снабжением и репатриацией являлись общими как для японских военнопленных, так и для всех остальных иностранных военнослужащих, взятых в плен во время Великой Отечественной войны. Подход к решению этих проблем со стороны министерства внутренних дел СССР был единым, несмотря на то, что советское руководство учитывало специфику содержания и использования труда японских военнопленных. Особенности содержания японских военнопленных, осужденных на территории СССР, не принимались во внимание министерством внутренних дел. При организации политической работы среди японцев Политотдел ГУПВИ МВД СССР руководствовался общими принципами осуществления «антифашистской» работы среди иностранных военнопленных, в то время как ГПУ ВС СССР корректировало ее в соответствии с внешнеполитическими интересами СССР в Японии.

Тема пребывания японских военнопленных на территории Советского Союза

является актуальной и нуждается в дальнейшем исследовании: ее следует рассматривать с учетом проблематики советской системы военного плена в период с 1945 г. по 1956 г.

Список использованных источников и литературы

1. Архивные материалы

1) Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. 5446. Совет министров СССР. Оп. 48. Д. 2066; Оп. 48а. Д. 141, 2012, 2047, 2495, 2506, 3868, 3879; Оп. 49а. Д. 3310; Оп. 50а. Д. 3968, 4061, 4103; Оп. 51а. Д. 5091, 5282, 5337, 6597; Оп. 89. Д. 9; Оп. 86а. Д. 7466, 12065.

Ф. 4459. Телеграфное агентство Советского Союза. Оп. 27. Д. 5188, 5189, 6384, 6385, 7691, 7692, 9258, 9259, 10871-10873, 19592.

Ф. 9401. Министерство внутренних дел (МВД СССР). Оп. 1а. Д. 181, 185, 192, 195, 197, 201, 214, 222, 237, 240, 251, 252, 254, 257, 262, 268, 281, 295, 332, 335; Оп. 2. Д. 99, 134-139, 141-143, 168-174, 199-203, 204, 234-236, 269 (Т.1, 2).

Ф. 9501. Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР (СОКК и КП СССР). Оп. 5. Д. 84, 84а, 88, 543а.

2) Российский государственный военный архив (РГВА)

Ф. 1п. Главное управление по делам военнопленных и интернированных. Оп. 15а. Д. 2, 10, 13, 15, 22; Оп. 17а. Д. 1,7, 9-11; Оп. 18а. Д. 3, 4; Оп. 19а. Д. 6, 7, 25; Оп. 21а. Д. 5, 6; Оп. 23а. Д. 4, 6; Оп. 32а. Д. 1; Оп. 33а. Д. 10, 17-20; Оп. 4и. Д. 3, 4, 9, 14, 26, 27, 33; Оп. 5и. Д. 4, 10; Оп. 6и. Д. 11, 38, 65, 77, 135-137; 8и. Д. 3, 5, 7, 20, 53. Оп. 10з. Д. 18-21, Оп. 1т. Д. 5, 7, 8, 20; Оп. 2т. Д. 2, 3, 14, 19, 58, 59, 60.

3) Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 17. Центральный комитет КПСС (ЦК КПСС). Оп. 3. Д. 1053, 1055-1057, 1065, 1071, 1076-1083, 1089, 1090, 1094; Оп. 121. Д. 396, 430, 549; Оп. 125. Д. 319; Оп. 128. Д. 209, 212, 235, 623, 625, 845, 846. Оп. 137. Д. 145, 422.

Ф. 82. Молотов Вячеслав Михайлович (1890 - 1986). Оп. 2. Д. 1387-1389,

1480.

4) **Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ)**

Ф. 210. Забайкальский фронт. Оп. 3116. Д. 265, 250; Оп. 3252. Д. 52.

2. Опубликованные источники

- 1) Боевые друзья плачут под мерзлой землей. Печальные японские военнопленные были в СССР. Сборник иллюстраций. Токио, 1998. 109 с.
- 2) Василевский А.М. Дело всей жизни. Изд. 2-е, доп. М.: Политиздат, 1975. 607 с.
- 3) Военнопленные в СССР, 1939-1956: документы и материалы. Спб.: Логос, 2000. 1120 с.
- 4) Военнопленные в Сталинграде. 1943-1954: Документы и материалы: Т. 2 // Военнопленные в СССР. 1939-1956 гг.: Документы и материалы / Под ред. М.М. Загорулько. Волгоград: Государственное учреждение «Издатель», 2003. 1160 с.
- 5) Вторая конференция мира. 1907. Спб.: Министерство иностранных дел, 1908. 372 с.
- 6) Документ № 8. Докладная записка Сталину И.В. 9 июня 1946 г. Экз. №1. // Родина. 2010. №9. С. 53-55.
- 7) Документ №10. Докладная записка Сталину И.В. 23 апреля 1949 г. // Родина. 2010. № 9. С. 74-78.
- 8) Документ без комментариев. Докладная записка Сталину И.В. от Круглова С.Н. от 12 января 1947 г. // Родина. 2010. № 10. С. 4-7.
- 9) История пребывания японских военнопленных в советском плену в документах (1945-1956 годы): Сборник документов. Иркутск: Издательство Иркутского государственного технического университета, 2011. 112 с.
- 10) Лубянка. Сталин и МГБ. Март 1946 — март 1953: документы высших

- органов партийной и государственной власти / Сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД: Материк, 2007. 656 с.
- 11) Международные отношения и внешняя политика СССР (Сборник документов), 1871-1957. М., 1957. 432 с.
 - 12) Мерецков К.А. На службе народу. М.: Политиздат, 1969. 464 с.
 - 13) Региональные структуры ГУПВИ НКВД-МВД СССР. 1941-1951: Отчетно-информационные документы // Под ред. М.М. Загорулько. – Волгоград: Издатель, 2005. 1088 с. (Военнопленные в СССР. 1939-1956: Документы и материалы / Т. 5. Кн. 1).
 - 14) Региональные структуры ГУПВИ НКВД-МВД СССР. 1941-1951: Отчетно-информационные документы / Под ред. М.М. Загорулько. – Волгоград: Издатель, 2006. 1088 с. (Военнопленные в СССР. 1939-1956: Документы и материалы / Т. 5. Кн. 2).
 - 15) Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30-40-е годы. Документы и материалы. В 2 т. Т. 18 (7-1). М.: ТЕРРА, 1997. 432 с.
 - 16) Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30-40-е годы. Документы и материалы. В 2 т. Т. 18 (7-2). - М.: ТЕРРА, 2000. 440 с.
 - 17) Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. Т.24 (13). М.: ТЕРРА, 1996. 560 с.
 - 18) Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика: Верховный Совет Рос. Федерации, 1993. 222 с.
 - 19) Сталин. Сочинения в 15 томах. Том 15. Постановление ПБ ЦК ВКП(б) от 6 сентября 1945 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hrono.info/libris/stalin/15-39.html> (дата обращения: 02.06.2015)
 - 20) Творчество немецких военнопленных о Сталинграде и о себе. 1946-1949.

Документы и материалы / Серия: «Военнопленные в СССР. 1939-1956 гг.: Документы и материалы» / Под ред. М.М. Загорюлько. Волгоград: Издатель, 2006. 600 с.

- 21) "Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока" (Вместе со "Специальной прокламацией, учреждающей Международный военный трибунал для Дальнего Востока"). // КонсультантПлюс. Дата сохранения: 04.09.2014. <www.consultant.ru>
- 22) Ямасита Сидзуо. Рассказ о Сибири: документальные зарисовки одного японского солдата. Перевод на русский язык Кузнецова С.И. Токио: Digipro, 2006. 207 с.
- 23) Японские военнопленные в Карагадинской области / под общ. ред.: Н.О. Дулатбеков. Караганды: Карагадинский университет «Бошалак», 2011. 1239 с.
- 24) Японские военнопленные в Приморье (1945-1949 гг.) Вып. 1: Труд военнопленных в угольной промышленности. Владивосток: Государственный архив Приморского края, Мор. гос. ун-т им. адм. Г. И. Невельского, 2005. 152 с.
- 25) Японские военнопленные в Приморье (1945-1949 гг.) Вып. 2: Труд военнопленных в отраслях народного хозяйства Приморского края. Владивосток: Государственный архив Приморского края, Мор. гос. ун-т им. адм. Г. И. Невельского, 2006. 192 с.
- 26) Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов. / Составители: В.А. Гаврилов, Е.Л. Катасонова. М.: МФД, 2013. 784 с.

3. Литература

- 1) Афонин Б.М., Бондаренко Е.Ю. Тяжелое наследие Второй мировой войны: японские военнопленные в российских лагерях. // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 1994. №5-6. С. 221-226.
- 2) Базаров О.Д. Японские военнопленные в Бурятии (1945-1948 гг.):

- автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Иркутск, 1997. 18 с.
- 3) Базаров О.Д. «Сибирское интернирование»: японские военнопленные в Бурятии (1945-1948)». Улан-Удэ: ВСГАКИ, 1997.93 с.
 - 4) Безбородова И.В. Иностранцы военнопленные и интернированные в СССР: из истории деятельности Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР в послевоенный период (1945-1953 гг.) // Отечественная история. 1997. № 5. С. 165-173
 - 5) Безбородова И.В. Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР (1939-1953 гг.): дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02. М., 1997. 371 с.
 - 6) Большая советская энциклопедия. / Главный редактор Б.А. Введенский. Том 8: Вибрафон-волово. Второе издание. Ленинград: Государственное научное издательство «Большая советская энциклопедия», 1951. 648 с.
 - 7) Большая Советская энциклопедия. / Главный редактор Б.А. Введенский. Издание второе. Т. 20: Кандидат-кинескоп. М.: Государственное научное издательство «Большая Советская энциклопедия», 1953. 643 с.
 - 8) Большая Советская энциклопедия. (В 30 томах). Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. М., «Советская энциклопедия», 1973. Т. 11: Италия-Кваркуш. 608 с.
 - 9) Бондаренко Е.Ю. К вопросу о международно-правовом осмыслении статуса японских военнопленных. // Власть и управление на Востоке России. 2012. №3 (60). [Электронный ресурс]. URL: <http://vlastdviu.ru/download/rio/j2012-3/10.doc> (дата обращения: 14.06.15)
 - 10) Бондаренко Е.Ю. Голос народной памяти. // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 2. С. 214-216.
 - 11) Бондаренко Е.Ю. "Жестокий русский плен"? (Свидетельствуют японцы). // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 3. С. 101-103.
 - 12) Бондаренко Е.Ю. Иностранцы военнопленные Первой и Второй мировых войн на Дальнем Востоке России. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 1. С.

43-47.

- 13) Бондаренко Е.Ю. Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России (1914-1956 гг.): автореф. дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.02. Владивосток, 2004. 45 с.
- 14) Бондаренко Е.Ю. Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России (1914-1956 гг.): дисс. ... докт. истор. наук: 07. 00. 02. Владивосток, 2004. 477 с.
- 15) Бондаренко Е.Ю. «Школы коммунизма» для японских военнопленных. // Россия и АТР. 1994. № 1. С. 133-140.
- 16) Владимиров Д.А. Японские военнопленные в Приморье: новые подходы к решению старых проблем // Последняя точка Второй мировой: Материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы современной международной законности и уроки Токийского и Хабаровского процессов». М.: Юридическая литература, 2009. С. 139-148.
- 17) Всеволодов В.А. Японские военнопленные в СССР. Общее и особенное. // Трагедия войны — трагедия плена. Материалы научно-практической конференции. М., 1999. С. 95-115.
- 18) Галицкий В.П. Архивы о лагерях японских военнопленных в СССР. Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 1. С. 115-123.
- 19) Галицкий В.П. Вражеские военнопленные в СССР (1941-1956 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 39-46.
- 20) Галицкий В.П. Обретут ли покой усопшие? // Новое время. 1990. № 41. С. 37- 39.
- 21) Галицкий В.П. Политика Танака-Тодзио глазами соотечественников // Проблемы Дальнего Востока. № 4. 1991. С. 80-81.
- 22) Галицкий В.П. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Советское государство и право. № 4. 1990. С. 124-130.
- 23) Галицкий В.П. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях плена // Социологические исследования. № 10.

1991. С. 48-63

- 24) Галицкий В.П. Японские военнопленные в советском плену: военнопленные или интернированные? // Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке. / Авт. сост. А.А. Кошкин. М.: Вече, 2010. С. 329-343.
- 25) Галицкий В.П. Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы. // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 66-78.
- 26) Галицкий В.П. Японские военнопленные и интернированные в СССР. // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 18-31.
- 27) Галицкий В.П. Японские военнопленные: разменная карта японских антируссистов. // Шестидесятилетие Победы над милитаристской Японией. Сборник статей. Отв. ред. А.М. Хазанов. М.: Институт Востоковедения, 2006. С. 47-53.
- 28) Драгунова Л.В. Японские военнопленные на Сахалине: история и судьбы // Сахалин и Курилы в войнах XX века: материалы научной конференции (7-10 июня 2005 г.). Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2005. С. 179-187.
- 29) Дудин П.В. Место и роль японских советников в системе органов государственной власти Мэнцзяна // Власть. № 7. 2014. С. 104-109
- 30) Жангуттин Б.О. ГУПВИ: военнопленные и интернированные на территории Казахстана (1941-1951 гг.). // Отечественная история. 2008. № 2. С. 107-114.
- 31) Заборовский В.И. Японские милитаристы на скамье подсудимых // Последняя точка Второй мировой: Материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы современной международной законности и уроки Токийского и Хабаровского процессов». М.: Юридическая литература, 2009. С. 221-225.
- 32) Зимонин В.П. Маршал А.М. Василевский: принуждение Дальневосточного агрессора к миру. // Последняя точка Второй мировой: Материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы современной международной законности и

- уроки Токийского и Хабаровского процессов». М.: Юридическая литература, 2009. С. 149-167.
- 33) Караман В.Н., Щуковская Ю.П. Японские военнопленные на территории Приморского края. Октябрь 1945 – январь 1946 г. // Исторический архив. 2006. № 1. С. 129-157.
- 34) Карасев С.В. История плена: советско-японская война и ее последствия (1945-1956 годы): автореф. дис. ... докт. истор. наук: 07. 00. 02. Улан-Удэ, 2007. 38 с.
- 35) Карасев С.В. История плена: советско-японская война и ее последствия (1945-1956): дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.02. Иркутск, 2007. 516 с.
- 36) Карасев С.В. Японские военнопленные на территории Читинской области, 1945-1949 гг.: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Иркутск, 2002. 225 с.
- 37) Карасев С.В. Японские военнопленные на территории Читинской области (1945-1949). Иркутск: Изд-во ИГТУ, 2003. 153 с.
- 38) Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: плен и интернирование в Советском Союзе: 1941–1956 / пер. с нем. О. Асписовой. М.: РГГУ, 2002. 303 с.
- 39) Карпов В.В. Пленники Сталина. Сибирское интернирование японской армии. 1945-1956. Киев-Львов, 1997. 327 с.
- 40) Катасонова Е.Л. Решение гуманитарной проблемы японских военнопленных в отношениях СССР (Российской Федерации) и Японии (1945-2003 гг.). Исторический аспект: дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.03. М., 2004. 507 с.
- 41) Катасонова Е.Л. Решение гуманитарной проблемы японских военнопленных в отношениях СССР (Российской Федерации) и Японии (1945-2003 гг.). Исторический аспект: автореф. дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.03. М., 2004. 43 с.
- 42) Катасонова Е.Л. Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. М.: Институт востоковедения РАН, 2003. 432 с.
- 43) Катасонова Е.Л. Последние пленники Второй мировой войны:

- малоизвестные страницы российско-японских отношений. М.: Институт Востоковедения РАН, 2005. 256 с.
- 44) Кириченко А.А. Военнопленные или интернированные? История вопроса. // Бюллетень общества «Россия-Япония». 2001. № 40. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru-jp.org/intern.htm>. (дата обращения: 15.06.2015).
- 45) Кириченко А.А. Следы оборвались в Тайшете. Японские военнопленные в ГУЛАГЕ. // Шпион. 1993. № 1. С. 53-64.
- 46) Кириченко А.А. Сколько еще забытых могил... // Новое время. 1989. № 40. С. 20.
- 47) Кириченко А.А. 200 тысяч японцев ждут нашей помощи. // Новое время. 1990. № 41. С. 39.
- 48) Кириченко А.А. Черевко К.Е. Советско-японская война 9 августа – 2 сентября 1945 г. Рассекреченные архивы. М.: Бимпа, 2006. 320 с.
- 49) Козлов А.Г. Японские военнопленные на Колыме (1945-1949) // Диковские чтения: материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Н.Н. Дикова. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. С. 226-234.
- 50) Конасов В.Б. Политика советского государства в отношении немецких военнопленных в 1941-1956 гг.: дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.02. М., 1998. 506 с.
- 51) Кузнецов С.И. Интернирование японцев в СССР (1945-1956) в советской и российской историографии. // Сибирь и Япония в Северо-Восточной Азии: Материалы рос.-яп. семинара (Иркутск, 8-9 сент. 2002 г.). Иркутск, 2003. С. 16-23.
- 52) Кузнецов С.И. Россия глазами японских интернированных (1945-1956). // Сибирская ссылка [XIX-XX вв.]: сб. науч. ст. Иркутск, 2003. Вып. 2 (14). С. 287-304.
- 53) Кузнецов С.И. Японцы в Сибирском плену (1945-1956 гг.). Иркутск: Изд-во журн. «Сибирь», 1997. 261 с.

- 54) Кузнецов С.И. Японские военнопленные в СССР после Второй мировой войны (1945-1956 гг.): дисс. ... докт. истор. наук: 07. 00. 02. Иркутск, 1994. 346 с.
- 55) Кузнецов С.И. Японские военнопленные и холодная война на Дальнем Востоке // Вопросы истории холодной войны: сборник статей / Под ред. проф. М.М. Наринского и проф. Г.Н. Новикова. М.: МГИМО, 2001. С. 83-102.
- 56) Кузьмина М.А. Плен (японские военнопленные в Хабаровском крае). Комсомольск-на-Амуре: Издательство К.-на-А. гос. пед. ин-та, 1996. 154 с.
- 57) Кузьмина М.А. Японские военнопленные на Сахалине (историческая справка) // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. 1997. № 4. Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей. С. 202-206.
- 58) Кузьминых А.Л. Положение иностранных военнопленных на Европейском Севере: 1939-1949 гг.: на материалах Вологодской и Архангельской областей: автореф. дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Вологда, 2003. 315 с.
- 59) Кузьминых А.Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939-1956 гг.): дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.02. Архангельск, 2014. 535 с.
- 60) Ларичкина Ю.А. Иностранные военнопленные на территории Курской области: 1943 – 1950 гг.: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Курск, 2006. 199 с.
- 61) Лисицына Е.Н. Труд японских военнопленных в нефтяной промышленности Сахалина в послевоенные годы. // Известия Российского государственного педагогического университета им А.И. Герцена. 2012. №151. С. 18-27.
- 62) Маркдорф Н.М. Иностранные военнопленные и интернированные в Западной Сибири: 1943-1956 гг.: дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.02.

Новосибирск, 2012. 589 с.

- 63) Маркдорф Н.М. Иностранцы военнопленные и интернированные в Западной Сибири: 1943-1956 гг.: автореф. дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.02. Новосибирск, 2012. 39 с.
- 64) Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. Изд. 4-е, доп. и испр. СПб., 1900. Т. 2. 563 с.
- 65) Медведев С.А. Немецкие военнопленные в СССР в 1941 - 1956 гг. и формирование образа Советского Союза: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.03. Воронеж, 2009. 199 с.
- 66) Михеева Л.В. Иностранцы военнопленные и интернированные в Центральном Казахстане (1941 – начало 50-х гг. XX века): автореф. дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02 (История Республики Казахстан). Караганда, 2007. 30 с.
- 67) Новая Российская энциклопедия: в 12 т. / Редкол.: А.Д. Некипелов, В.И. Данилов-Данильян и др. М.: ООО «Издательство «Энциклопедия»: ИД «ИНФРА-М», 2003. Т 4(1): Винч-Гамб. 2008. 480 с.
- 68) Новая Российская энциклопедия: в 12 т. / Редкол.: А.Д. Некипелов, В.И. Данилов-Данильян и др. Т. 7(2): Казарки-Квазистационарный. М.: ООО «Издательство «Энциклопедия»: ИД «ИНФРА-М», 2010. 480 с.
- 69) Оганян Г.С. Трудовое использование военнопленных и интернированных иностранных граждан в СССР: 1943-1953 гг.: на примерах южных российских регионов: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Пятигорск, 2007. 198 с.
- 70) Орлов М.А. Договорные отношения между предприятиями и лагерями военнопленных и интернированных (на материале Западной Сибири 1940-х) // Гуманитарные науки в Сибири. Вып. 2. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2007. С. 52-55.
- 71) Рожкова Е.К. Иностранцы военнопленные и интернированные на Южном Урале в 1943-1950 гг.: автореф. дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Оренбург, 2002. 201 с.

- 72) Рябов В.Н. Хабаровский процесс: факты и уроки // Последняя точка Второй мировой: Материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы современной международной законности и уроки Токийского и Хабаровского процессов». М.: Юридическая литература, 2009. С. 212-220.
- 73) Семенов А.М. Япония была готова к бактериологической войне // Последняя точка Второй мировой: Материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы современной международной законности и уроки Токийского и Хабаровского процессов». М.: Юридическая литература, 2009. С. 246-259.
- 74) Сидоров С.Г. Особенности проведения репатриации иностранных военнопленных из СССР в 1945-1946 годах. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. №1. С. 67-76.
- 75) Сидоров С.Г. Репатриация военнопленных из СССР в 1947-1950 гг. // Власть. 2012. № 2. С. 156-160.
- 76) Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР. 1939-1956 гг.: дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.02. Волгоград, 2001. 428 с.
- 77) Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР. 1939-1956. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2001. 503 с.
- 78) Спиридонов М.Н. Японские военнопленные в Красноярском крае (1945-1948): проблемы размещения, содержания и трудового использования: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00. 02. Красноярск, 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/Spiridonov/0.htm> (дата обращения: 15.06.2015).
- 79) Томита Такэси. Архивные документы о японских военнопленных в Советском Союзе, 1945-1956 (перевод Кузнецова С.И.). // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. 2011. Вып. 6 (18). С. 592-609. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.library.isu.ru/docs/istoria/p2033-07_E5_10270.pdf (дата

обращения: 02.06.2015).

- 80) Трегубенко А.В. Проблемы участия СССР в послевоенной оккупации Японии (1945-1947 гг.). // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. №1. С. 112-117.
- 81) Христофоров В.С. Хабаровский процесс 1949 г. по материалам Центрального архива ФСБ России // Великая Победа: многотомное продолжающееся издание / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. 2-е изд. Т. 8: Расплата. М., 2013. С. 102-110.
- 82) Цунаева Е.М. Учреждения военного плена НКВД/МВД СССР. 1939-1953: органы управления, структура, документация. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2010. 359 с.
- 83) Цунаева Е.М. Делопроизводственная документация учреждений военного плена НКВД/МВД СССР и органов управления ими как исторический источник: 1939-1953 гг.: дисс. ... канд. истор. наук: 07. 00. 09. Волгоград, 2010. 327 с.
- 84) Щелокаева Т.А. Правовой статус иностранных военнопленных в СССР: 1939-1956: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 12.00.01. Екатеринбург, 2000. 22с.
- 85) Карпов В.В. Полонення та репатріація Квантунської армії (1945-1956 рр.): автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук: 20.02.22. Київ, 2004. 24 с.
- 86) Andrew E. Barshay. The Gods Left First: The Captivity and Repatriation of Japanese POWs in Northeast Asia, 1945–1956. Berkley: University of California Press, 2013. 272 p.
- 87) Japanese Internees and Forced Labor in the USSR after the Second World War. Tokyo: Public Foundation for Peace and Consolation, 2008. 800 p.
- 88) William F. Nimmo. Behind a curtain of silence: Japanese in Soviet Custody, 1945-1956. New York: Greenwood Press, 1988. 149 p.
- 89) Yokote Shindji. Soviet repatriation policy, U.S. occupation authorities, and

Japan's Entry into the Cold War. // Journal of Cold War Studies. Vol. 15: Issue 2. 2013. P. 30-50.

- 90) 若槻泰雄『シベリア捕虜収容所ソ連』東京：サイマル出版会 1979. 228 ページ. (Вакацуки Ясуо. Сибэриа хорё сюёдзё. Токио: Саимару Сиппанкай, 1979. 228 с.)
- 91) 栗原俊雄『シベリア抑留: 未完の悲劇』東京：岩波書店, 2009. 214 ページ. (Курихара Тосио. Сибэриа ёкүрю: микан но хигэки. Токио: Иванами Сётэн, 2009. 214 с.)
- 92) 軍治阿部『シベリア強制抑留の実態』東京：彩流社, 2005. 687 ページ. (Гундзи Абэ. Сибэриа кёсэй ёкүрю но дзитаи. Токио: Сайрюся, 2005. 687 с.)
- 93) 五十嵐 恵邦『敗戦と戦後のあいだで：遅れて帰りし者たち』東京：筑摩書房, 2012. 336 ページ. (Игараси Ёсикуни. Хайсэн то сэнго но аида дэ: Окурэтэ каэриси монотати. Токио: Тикума Сёбо, 2012. 332 с.)